

6661

НБ ПНУС

6661

658 - m - 5
P1
T53
КЛАССИКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

№ 12

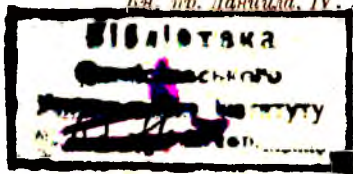
А. К. ТОЛСТОЙ

СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО

Трагедия в пяти действиях

1999
666
X
Рече царь: «Несть ли сей Вавилон великий, его же аз соградих в дом царства, в державе крепости моя, в честь славы моя!». Еще слову сушу во устех царя глас с небесе бысть: «Тебе глаголется, Навуходносоре царю: царство твое преиде от тебя, и от человек отженут тя и со звырьми дивными житие твое!».

Кн. пр. Даниила. IV. 27.

Проверено 1989 г.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923. ПЕТРОГРАД

Главлит № 3696.

70000 экз.

39-я Типография М. С. Н. Х. „Мосполиграф“ Путинковский, 3.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

- ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ IV.
 ЦАРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА, из рода Нагих, седьмая жена его.
 ЦАРЕВИЧ ФЕДОР ИВАНОВИЧ, сын его от первой жены.
 ЦАРЕВНА ИРИНА, жена Федора, с стра Бориса Годунова.
 КНЯЗЬ МСТИСЛАВСКИЙ
 ЗАХАРЬИН-ЮРЬЕВ, брат первой жены царя
 КНЯЗЬ ШУЙСКИЙ
 БЕЛЬСКИЙ
 КНЯЗЬ ЩЕРБАТЫЙ
 КНЯЗЬ ГОЛИЦЫН
 КНЯЗЬ ТРУБЕЦКОЙ
 КНЯЗЬ СИЦКИЙ
 ШЕРЕМЕТЕВ
 ТАТИЩЕВ
 САЛТЫКОВ
 МИХАЙЛО НАГОЙ, брат царицы Марии Федоровны
 БОРИС ГОДУНОВ, шурин царевича Федора Гонец из Пскова.
 МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА, жена Годунова.
 ГРИГОРИЙ ГОДУНОВ, родственник Бориса
 ГРИГОРИЙ НАГОЙ, второй брат царицы Марии Федоровны
 ГАРАБУРДА, посол Стефана Батори.
 БИТЯГОВСКИЙ
 КИКИН
 СХИМНИК.
 МАМКА ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ.
 ДВОРЕЦКИЙ Кремлевского дворца.
 ДВОРЕЦКИЙ Александровской слободы.

Члены
 боярской
 думы.

Околь-
 ничьи.

Дворяне.

Дворецкий Годунова.

1-й }
2-й } Волхвы.

Эльмс }
Якоби } Врачи.

1-й }
2-й } Пристава.

Шут.

Ключник.

Стрелецкий голова.

Стрелецкий сотник.

Стольник.

Лабазник.

Сенная девушка.

Слуга князя Шуйскаго.

Бояре, окольниковы, рынды, стрельцы, народ, скоморохи,
слуги.

Действие в Москве, 1584 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Прежде поднятия занавеса слышны на сцене шум и споры. Занавес поднимается. Боярская Дума. На лавках, стоящих вдоль стен и образующих фигуру Пёкоя, сидят бояре: на средней лавке князь мстиславский, захарьин-юрьев, вельский и другие старшие бояре; на боковых—младшие; на конце правой боковой лавки, у просцениума борис Годунов; с левой стороны, напротив Годунова, михайло Нагой, схватив салтыкова за ворот, старается стащить его с места.

НАГОЙ.

Я государев шурина! мне невместно
Быть меньше Салтыковых!

САЛТЫКОВ.

Бражник! прочь!
Твой дед служил у деда моего
Знакомцем и держальником!

НАГОЙ.

Неправда!
Держальников не знали Салтыковы!
За то-ль в бояре ты попал, что вместе
С Голицыным сдал Полоцк королю?

ГОЛИЦЫН.

Нет, это ложь! Я защищал посады,
А в городе сидел тогда Щербатый!

ЩЕРБАТЫЙ.

Ну, да, сидел! И в то сиденье мы
 В двенадцать дней семь приступов отбили,
 А кабы ты посады отстоял,
 К нам подошла б от Сокола подмога
 И с тылу бы схватила короля!

ГОЛИЦЫН.

А я ли виноват, что та подмога
 Три целых дня тягалась о местах?

НАГОЙ—продолжает спорить с
 Салтыковым.

Я государев шурин! Я на свадьбе
 Преди других нес царский коровай!

САЛТЫКОВ.

А я нес блюдо с золотою чарой!
 Отец мой был оружничим! А твой
 Кто есть отец? Великая то честь,
 Что по седьмой жене ты царский шурин!

НАГОЙ.

Да ты сестру-царицу не корь!

САЛТЫКОВ.

Я не корю ее! А все ж она
 Не первая царица, а седьмая!
 Вишь, царский шурин! Мало ли шурьев
 Перебывало у царя!

ЗАХАРЬИН.

Бояре!

Что вы чините? Вспомните, где вы!
 Гораздо-ль так чинить?

НАГОЙ.

Царю я буду
В отечестве и в счете бить челом!

САЛТЫКОВ.

Ну, бей челом! пусть выдаст головою.
Он мне тебя!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Да полноте, бояре!
Вот я да Шереметев, всех мы больше,
А о местах не спорим!

ГОЛОСА.

Нас вы больше?
А чем вы больше нас?

ЗАХАРЬИН.

Стыд вам, бояре!
К Мстиславскому.
Ты, князь Иван Феодорыч, ты старший—
Уйми же их!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Как их унять, боярин?
С ума сошли! Вишь, со Мстиславскими
Хотят считаться! Не велеть ли дьяку
Разрядные нам книги принести?

ЗАХАРЬИН.

Теперь не до разрядов, князь!
Выступает вперед.

Бояре!

Иль вы забыли, для чего мы здесь?
Возможно-ль? Как? В теперешнюю пору,

Когда, свершив сыноубийство, царь
 Терзается раскаяньем, когда
 От мира он решился отойти
 И, мимо своего второго сына
 Феодора, его болезни ради,
 Нам указал достойнейшего выбрать,
 Кому б он мог державу передать,—
 Когда меж тем враги со всех сторон
 Воюют Русь,—кругом и мор, и голод,—
 Вы в самую ту пору о местах
 Тягаетесь? Опомнитесь, бояре!
 Теперь должны мы каждый друг за друга
 Держаться крепко, да не сгинет Русь!
 Забудемте ж разряды! Без расчетов
 К прискорбному приступим избиранью
 И будемте без мест!

Б Е Л ь с к и й.

Без мест, пожалуй!

В С Е.

Без мест! Без мест!

З А Х А Р ь и н.

Боярин, князь Мстиславский,
 Ты старший—открывай совет!

М С Т И С Л А В С К И Й.

Бояре!

Вы слышали, что вам сейчас Никита
 Романович сказал? Как нам ни горько—
 А покориться надо царской воле.
 Пойдем на голоса!

Ш У Й С К И Й.

Позволь, боярин—
 Последнее-ль то слово государя?

М С Т И С Л А В С К И Й.

Последнее! Напрасно мы его
Молили. Он нам указал немедля
Постановить наш приговор и с новым
К нему явиться государем.

Т Р У Б Е Ц К О Й.

Страшно!

Г О Л И Ц Ы Н.

Не верится!

М С Т И С Л А В С К И Й.

Не верилось и мне,
Пока не топнул он на нас ногою
И не велел мне думу собирать.

Ш У Й С К И Й.

Когда его такая воля—что ж?

Щ Е Р Б А Т Ы Й.

Да, если так, бояре—мы не властны
Ему перечить!

Ш Е Р Е М Е Т Е В.

Подлинно, не властны!

Т А Т И Щ Е В—старик.

Тому о Пасхе будет двадцать лет,
Великий государь задумал то же:
Хотел, как ныне, бросить свой престол
И в Слободу отъехал от Москвы.
Народ мутиться начал; мы ж решили
Всем ехать за царем, просить его.
Поехали. Царь принял нас сурово;

Сначала слушать не хотел; потом
 Молениям внял, вернулся на Москву
 И снова принял государство.

с и ц к и й.

Да!

И учинил опричнину! Мы помним!

т а т и щ е в.

Ужасное, не приведи Бог, время!
 Но без царя еще бы хуже было:
 Народ бы нас каменьями побил,
 Вся Русь бы замутилась, и татары,
 И ляхи нас, и немцы б одолели—
 Согласья вовсе не было меж нас!

с и ц к и й.

Завидное теперь меж нас согласье!

ш у й с к и й—к Татищеву.

К чему ж ты речь, боярин, вел?

т а т и щ е в.

К тому,

Что, может быть, и ныне, как в ту пору,
 Царь-государь смягчится.

м с т и с л а в с к и й.

Нет, боярин;

Теперь другое время—царь не тот.
 Он опустился плотию и духом:
 Не мненье на бояр, как было прежде—
 Раскаянье его с престола гонит!

Б е л ь с к и й.

Не ест, не пьет, давно не знает сна;
 О тех переговорах, что так тайно

Он с аглицкою королевой вел,
Уж речи нет. Посол ее теперь
Напрасно просит у него приема.

ЗАХАРЬИН.

Да, непохож он на себя теперь!
До этого греха недели за три
Он к Курбскому, к изменнику, писал,
Корил его жестоко и ответа
Ждал из Литвы, а сам дрожал от гнева;
Теперь же позабыл он и о Курбском;
И кроток стал, и милостив в речах.

ШУЙСКИЙ.

Не нам царю указывать. От Бога
Его и гнев и милость. Что ж, бояре?
Приступим к избиранию!

ВСЕ.

Приступим!

Молчание.

МСТИСЛАВСКИЙ.

Кого ж, бояре?

НАГОЙ.

Да кого ж другого,
Коль миновать мы Федора должны,
Кого ж еще, как не царева ж сына,
Димитрия Иваныча?

МСТИСЛАВСКИЙ.

Младенца?

НАГОЙ.

А мать на что? Царица-то на что?
Когда же с вас сестры-царицы малс—
Правителя придать ей!

САЛТЫКОВ.

Не тебя ли?

НАГОЙ.

Меня ли, брата-ль, все равно—мы оба
Димитрию дядья!

САЛТЫКОВ.

Да нам не дядьки!

ТАТИЩЕВ.

Избави Бог! Мы помним малолетство
Царя Ивана! От дядьёз царевых
Избави Бог!

ШУЙСКИЙ.

Не приведи Господы!

ЗАХАРЬИН.

Не приведи! Нам нужен властный царь,
А не опека над царем!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Вестимо!

И сам Иван Васильич указал,
Чтоб из себя мы выбор учинили.

ЩЕРМЕТЕВ.

Кого ж тогда?

ЩЕРБАТЫЙ.

Да уж кого ни взять,
Он должен быть породы знаменитой,
Чтоб все склонились перед ним.

СИЦКИЙ.

Нет, князь!

Пусть тот царит, кто доблестней нас всех!

Его искать недалеко: Никита

Романович Захарьин перед вами!

Говор.

У царского кровавого престола

Он тридцать лет стоит и чист, и бел.

Он смелым словом тысячи безвинных

Спасал не раз, когда уже над ними

Подъятые сверкали топоры.

Себя ж он не берёт. Всегда он смерти

Глядел в глаза—и смерть, нам всем на диво,

Его главы почтенной не коснулась—

И стелется пред нами жизнь его

Без пятнышка, как снежная равнина!

ГОЛОСА.

Захарьина! Захарьина! Никиту

Романыча! Захарьина на царствес!

ТРУБЕЦКОЙ—к Сицкому.

Кто против этого! Боярин чист!

Корить его не станем. По заслугам

И честь ему мы воздаем, но он

Не княжеского рода—быть под ним

Невместно нам, потомкам Гедимины!

ШУЙСКИЙ.

Нам и подавно, Рюрика потомкам!

ГОЛИЦЫН.

Нет, он не князь—нам быть под ним негоже!

САЛТЫКОВ.

Не князь он, правда—но с царем в свойстве!

НАГОЙ.

Не он один! С царем в свойстве и мы!

САЛТЫКОВ.

Ты брат седьмой жены, Захарьин—первой.

ЗАХАРЬИН.

Из-за меня не спорьтеся, бояре!
Благодарю тебя за честь, князь Сицкий,

кланяется некоторым.

Благодарю и вас, бояре, но—
Я чести бы не принял, хоть и все б вы
Меня хотели, я б не принял чести!
Я слишком прост, бояре! Не сподобил
Меня Господь науки государской,
А коль хотите доброго совета,
То есть один, который и породой,
И службою нас будет выше всех:
Боярин, воевода, князь Иван
Петрович Шуйский, что теперь сидит
Во Пскове против короля Батура—
Вот вы кого возьмите! Перед этим
Склоняться не обидно никому!

ШЕРЕМЕТЕВ.

Нет, Шуйского нельзя! Король не даром
Уж пятый месяц осаждает Псков!
А воевода князь Иван Петрович
Засел в нем на-смерть и на том он крест
Со всей своей дружиной целовал.
Бог-весть, на сколько времени еще
Продлится обложение; мы ж не можем
И часу оставаться без царя!

ШУЙСКИЙ.

Так как же быть?

М С Т И С Л А В С К И Й.

Не ведаю, бояре!

Ш У Й С К И Й.

Царь ждет ответа—надо кончить выбор!

З А Х А Р Ь И Н—к Годунову.

Борис Феоdorыч! Ты что ж доселе
Не вымолвил ни слова? В трудном деле
Ты выручал нас часто из беды—
Скажи, как мыслишь?

Г О Д У Н О В—встает.

Мне-ль, отец названный,
Мне-ль говорить теперь, когда исхода
Напрасно ищут лучшие из вас?
Но если вы мне речь вести велите,
То я скажу, бояре...

Г О Л О С А.

Громче! Громче!

Не слышно!

Г О Д У Н О В.

Мне казалось бы, бояре...

Г О Л О С А.

Не слышим! Громче!

З А Х А Р Ь И Н.

Да зачем ты сел
Так далеко и ниже всех, Борис?
Иль места ты не знаешь своего?
Не слышно нам! Ступай сюда, поближе!

Берет его за руку и подводит к средней лавке.

Вот где тебе приходится сидеть!

Г О Д У Н О I — кланяется на все стороны.

Бояре, вы великих предков внуки!
И ты, названный мой отец, Никита
Романович, наставник мой любезный!
Я б не дерзнул мое вам молвить слово,
Когда б вы сами мне не приказали!..

САЛТЫКОВ.

Куда он гнет?

НАГОЙ.

Хвостом вертит, лисица!

САЛТЫКОВ.

А забрался-таки на середину!

НАГОЙ.

Небось, он даром на конце сидел!

ГОЛОСА.

Тс! Тише! Смирно! Слушать Годунова!

ГОДУНОВ.

Вам ведомо, великие бояре,
Какие на Руси теперь настали
Крутые времена: король Батур
За городом у нас воюет город;
В его руках Усвят, Велиж и Полоцк;
Великих Лук уж взорваны им стены,
И древний Псков, наш кровный русский город,
Бесчисленным он войском обложил.
Меж тем в Ливонию ворвался швед,
Завоевал Иван-город, Копорье;
А там с востока и с полудня хан
Опять орду вздымает; сотни тысяч

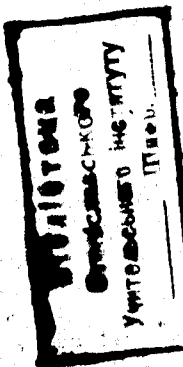
Уже идут на Тулу и Рязань;
Болезни, голод, мор—а в довершенье
Нам черемисы мятежом грозят!

Бояре, можно-ль при такой невзгоде,
При горестном шатаньи всей Руси,
О перемене думать государя?
Положим, вы такого б и нашли,
Который был бы по-сердцу всей думе—
Уверены ли вы, что и народ
Его захочет? что угоден будет
Он всей земле? А если, невзначай,
Начнутся смуты? Что тогда, бояре?
Довольно ли строенья между нас,
Чтобы врагам, и внутренним и внешним,
Противостать и дружный дать отпор?

Великая в обычае есть сила;
Привычка людям—бич, или узда;
Каков ни будь наследственный владыка,
Охотно повинуются ему;

Сильнее он и в смутную годину,
Чем в мирную новоизбранный царь.
Полвека будет, что Иван Васильич
Над нами государит. Гнев и милость
Сменялись часто в этот длинный срок,
Но глубоко в сердца вростила корни
Привычка безусловного покорства.
И долгий трепет имени его.

Бояре! Нам твердыня это имя!
Мы держимся лишь им. Давно отвыкли
Собой мы думать, действовать собой;
Мы целого не составляем тела;
Та власть, что нас на части раздробила,
Она ж одна и связывает нас;
Исчезни власть—и тело распадется!
Единое спасенье нам, бояре,
Итти к царю немедля, всею думой,

Собором целым пасть к его ногам
И вновь молить его, да не оставит
Престола он и да поддержит Русь!

Г О В О Р .

Он дело говорит!—Мы без Иван-
Василича пропал!—Лучше прямо
Итти к нему! Он государь законный!—
Под ним не стыдно!—Да! Итти к нему!
Просить его!—Просить его всей душой!

с и ц к и й .

Бояре! Бога ли вы не боитесь?
Иль вы забыли, кто Иван Василич?
Что значат немцы, ляхи и татары
В сравненьи с ним? Что значат мор и голод,
Когда сам царь не чю, как лютый зверь?

ш у й с к и й .

Что он понес? Да он царя бесчестит!

м с т и с л а в с к и й .

Князь Петр Ильич! Да ты с ума сошел!

с и ц к и й .

Не я, а ты, вы все ума лишились!
Иль есть из вас единый, у кого бы
Не умертвил он брата, иль отца,
Иль матери, иль ближнего, иль друга?
На вас смотреть, бояре, тошно сердцу!
Я бы не стал вас подымать, когда бы
Он сам с престола не хотел сойти,—
Не хуже вас писание я знаю,—
Я не на бунт зову вас, но он сам,
Сам хочет перестать губить и резать,
Постричься хочет, чтобы наконец

Вздохнула Русь,—а вы просить его
Сбираетесь, чтоб он подоле резал!

Г О Д У Н О В.

Князь, про царя такие речи слышать
Не гоже нам. Ты молвил сгоряча—
Доносчиков не чаю между нами—
Тебе ж отвечу: выбора нам нет!
Из двух грозящих зол кто усомнится
Взять меньшее? Что лучше: видеть Русь
В руках врагов? Москву в плену у хана,
Церквей, святыней поруганье?—или
Попрежнему с покорностью сносить
Владыку, Богом данного? Ужели
Нам наши голоеы земли дороже?
Еще скажу: великий государь
Был, правда, к нам немилостив и грозен,
Но время то прошло; ты слышал, князь,
Он умилился сердцем, стал не тот,
Стал милостив; и если он опять
Примет государство—не земле,
Ее врагам он только будет страшен!

Г О Л О С А.

Так! Так! Он прав! Он дело говорит!

С И Ц К И Й.

Боярин, ты сладкоречив, я знаю!
Ты хитростным умеешь языком
Позолотить все, что тебе пригодно!
Вестимо: ты утратить власть боишься,
Когда другой на месте Иоанна
Возьмет венец! Бояре, берегитесь:
Он мягко стелет—жестко будет спать!

Г О Д У Н О В.

Бояре все! свидетельствуюсь вами—
 Не заслужил я этого упрека!
 Вам ведомо, что власти не ищу я.
 Я говорил по вашей воле ныне—
 Но, может быть, я и не прав, бояре;
 Меня князь Сицкий старше и умнее:
 Когда бы с ним согласны, я готов
 Признать царем боярина Никиту
 Романыча, или кого велите!

Г О Л О С А.

Нет, не хотим Захарьина! Не надо!

Г О Д У Н О В.

Иль, может быть, Мстиславского, бояре?

Г О Л О С А.

Нет, не хотим! И сами мы не меньше
 Мстиславского!

Г О Д У Н О В.

Иль Шуйского, бояре?

Г О Л О С А.

И Шуйского не надо! Быть под Шуйским
 Мы не хотим! Хотим царя Ивана!

С И Ц К И Й.

Идите же! Идите все к нему!
 Идите в бойню, как баранье стадо!
 Мне делать боле нечего меж вас!

Уходит.

Г О Л О С А И К Р И К И.

Он бунтовщик! Он оскорбил всю думу!
 Он против всех идет! Он всем досадчик!

Г О Д У Н О В.

Не гневайтесь на него, бояре!
Он говорил, как мыслил. Если ж вы
Решили в мудрости своей всей душой
Итти к царю—пойдем, не надо мешкать.

З А Х А Р Ь И Н.

Когда бы не шатание земли,
Не по-сердцу была б мне эта мера,
Но страшно ныне потрясать престол.
Пойдем к царю—другого нет исхода!

М С Т И С Л А В С К И Й.

Кто ж будет речь вести?

З А Х А Р Ь И Н.

Да ты, боярин;
Кому ж другому? Ты меж нами старший!

М С Т И С Л А В С К И Й.

Неловко мне! Сегодня на меня
И без того разгневался уж царь.

Г О Л О С А.

Пусть Шуйский говорит!

Ш У Й С К И Й.

И мне неловко!

З А Х А Р Ь И Н.

Пожалуй, я речь поведу, бояре!
Мне гнев его не страшен—мне страшна
Земли погибель!

ГОДУНОВ.

Нет, отец названный,
Не допущу тебя я до опалы!
Дай мне вести пред государем речь—
Меня не жаль!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Пойдемте ж! Годунов
Речь поведет; он всех нас лучше скажет!
Все бояре встают и уходят за Мстиславским.

САЛТЫКОВЕ—уходя—к Голицыну.

А Сицкий-то был прав. Ведь Годунов
Так и глядит, как бы взобраться в гору!

ГОЛИЦЫН.

Сел ниже всех, а под конец стал первый!

ШЕРЕМЕТЕВ.

А говорили: быть без мест!

ТРУБЕЦКОЙ.

Дай срок!

И скоро всех татарин переседет!

Уходит.

ЦАРСКАЯ ОПОЧИВАЛЬНЯ.

Иоанн, бледный, изнуренный, одетый в черную рясу, сидит в креслах, с четками в руках. Возле него, на столе, Мономахова шапка; с другой стороны, на скамье, полное царское облачение. Григорий нагой подает ему чару.

НАГОЙ.

О, государы! Не откажись хоть каплю
Вина испить! Вот уж который день
Себя ты изнуряешь! Ничего ты
И в рот не брал.

И О А Н Н.

Не надо пища телу,
 Когда душа упитана тоской.
 Отныне мне раскаяние пища!

Н А Г О Й.

Великий государь! Ужели вправду
 Ты нас покинуть хочешь? Что же будет
 С царицею? С царевичем твоим,
 С Димитрием?

И О А Н Н.

Господь их не оставит!

Н А Г О Й.

Но кто ж сумеет государством править
 Опричь тебя?

И О А Н Н.

Острупился мой ум;
 Изныло сердце; руки неспособны
 Держать бразды; уж за грехи мои
 Господь послал поганым одоление,
 Мне ж указал престол мой уступить
 Другому; беззакония мои
 Песка морского паче: сыроядец—
 Мучитель—блудник—церкви оскорбитель—
 Долготерпенья Божьяго пучину
 Последним я злодейством истощил!

Н А Г О Й.

О, государь! Ты в мысли умножаешь
 Невольный грех свой! Не хотел убить ты
 Царевича! Нечаянно твой посох
 Такой удар ему нанес!

И О А Н Н.

Неправда!

Нарочно я, с намерением, с волей,
Его убил! Иль из ума я выжил,
Что уж и сам не знал, куда колол?
Нет—я убил его нарочно! Навзничь
Упал он, кровью обливаясь; руки
Мне лобызал и, умирая, грех мой
Великий отпустил мне, но я сам
Простить себе злодеяства не хочу!

Таинственно.

Сегодня ночью он явился мне,
Манил меня кровавою рукою,
И схиму мне показывал, и звал
Меня с собой, в священную обитель
На Белом озере, туда, где мощи
Покоятся Кирилла Чудотворца.

Туда и прежде иногда любил я
От треволнения мира удаляться;
Любил я там, вдали от суеты,
О будущем покое помышлять
И забывать людей неблагодарность
И злые козни недругов моих!
И умирительно мне было в келье
От долгого стоянья отдыхать;
В вечерний час следить за облаками,
Лишь ветра шум да чаек слышать крики,
Да озера однообразный плеск.
Там тишина! Там всех страстей забвенье!
Там схиму я приму и, может быть,
Молитвою, пожизненным постом
И долгим сокрушеньем заслужу я
Прощенье окаянству моему!

Помолчал.

Поди, узнай, зачем так долго длится
Их совещаенье! Скоро ли они

Свой постановят приговор и с новым
Царем придут, да возложу немедля
Я на него и бармы, и венец!

Нагой уходит.

Все кончено! Так вот куда приводит
Меня величья длинная стезя!
Что встретил я на ней? Одни страданья!
От младости не ведая покоя,
То на коне, под свистом вражьих стрел,
Языцей покоряя, то в синклите,
Сражаясь с боярским мятежом,
Лишь длинный ряд я вижу за собою
Ночей бессонных и тревожных дней!

Не кротким был я властелином. Нет!
Я не умел обуздывать себя!
Отец Сильвестр, наставник добрый мой,
Мне говорил: «Иване, берегись!
«В тебя вселиться хочет сатана!
«Не отверзай души ему, Иване!»
Но я был глух к речам святого старца
И душу я диаволу отверз!
Нет, я не царь! я волк! я пес смердящий!
Мучитель я! Мой сын, убитый мною!
Я Каина злодейство превзошел!
Я прокажен душой и мыслью! Язы
Сердечные бесчисленны мои!

О, Христе-Боже! Исцели меня!
Прости мне, как разбойнику простил Ты!
Очисти мя от неслезанных скверней
И ко блаженных лику сочетаи!

Нагой поспешно возвращается.

НАГОЙ.

Великий государь! Сейчас от Пскова
Прибыл гонец.

И О А Н Н.

Уж я не государь—
Пусть обратится к новому владыке!

Н А Г О Й.

Он говорит, что с радостною вестью
Его прислал князь Шуйский!

И О А Н Н.

Пусть войдет!

Нагой впускает гонца.

Г О Н Е Ц.

Великий царь! Тебе твой воевода
Боярин князь Иван Петрович Шуйский
С сидельцами псковскими бьет челом!
Усердными молитвами твоими,
Предстательством угодников святых
И силой честного креста—отбили
Мы приступ их. Несметное число
Легло врагов. За помощью в Варшаву
Бежал король, а продолжать осаду
Он ближним воеводам указал!

И О А Н Н.

Благословен Господь! Как было дело?

Г О Н Е Ц.

Уж пять недель они вели подкопы.
Копали борозды и неумолчно
Из пушек били по стенам! Князь Шуйский
Навстречу им подкопы рыть велел.
Сошлись под землею. Бой великий
Там закипел; в котлы пороховые
Успели наши бросить огонь—и разом

Взлетели с ляхами на воздух. Много
Погибло наших, но, хвала Творцу,
Все вражки взорваны работы.

И О А Н Н.

Дальше!

Г О Н Е Ц.

Подземных ходов видя неудачу,
Они тогда свезли на ближний холм
Все стенобойные снаряды вместе
И к вечеру пролом пробили. Тотчас
К нему мы подкатили пушки: *Барсу*
И *Трескотуху*, и когда они .
Уж устремились с криками к пролому,
Мы встретили их крупным чугуном
И натиск их отбили.

И О А Н Н.

Дальше!

Г О Н Е Ц.

К у т р у

Великий приступ приказал король,
Мы ж в колокол ударили осадный,
Собором всем, хоругви распустя,
Святые мощи Всеволода князя
Вкруг древних стен с молитвой обнесли
И ляхов ждали. Гул такой раздался,
Как будто налетела непогода...
Мы встретили напор со всех раскатов,
С костров, со стен, с быков, с обломов, с башен
Посыпались на них кувшины зелья,
Каменья, бревна и горящий лен...
Уже они слабели—вдруг король
Меж них явился, сам повел дружины—

И, как вода шумящая, на стены
 Их сила снова полилась. Напрасно
 Мы отбивались бердышами—башню
 Свинарскую обсыпали литовцы—
 Как муравьи ползели—на зубцах
 Схватились с нами—ногие ватаги
 За ними лезли—долго мы держались—
 Но наконец..

И О А Н Н.

Ну?

Г О Н Е Ц.

Наконец они
 Сломали нас и овладели башней!

И О А Н Н.

Так вот вы как сдержали целованье?
 Клятвопреступники! Хриstopродавцы!
 Что делал Шуйский?

Г О Н Е Ц.

Князь Иван Петрович.
 Увидя башню полною врагов,
 Своей рукой схватил зажженный светоч
 И в подземелье бросил. С громом башня
 Взлетела вверх—и каменным дождем
 Далеко стан засыпала литовский.

И О А Н Н.

Насилу-то! Что дальше?

Г О Н Е Ц.

Этот приступ
 Последний был. Король ушел от Пскова,
 Замойскому осаду передав.

И О А Н Н.

Хвала Творцу! Я вижу надо мною
 Всесильный промысл Божий... Ну, король?
 Не мнил ли ты уж совладать со мною,
 Со мною, Божьей милостью владыкой,
 Ты—милостию панскою король?
 Посмотрим, как ты о псковские стены
 Бодливый лоб свой расшибешь!.. А сколько
 Литовцев полегло?

Г О Н Е Ц.

Примерным счетом
 Убитых будет тысяч до пяти,
 А раненых и вдвое.

И О А Н Н.

Что, король?!
 Доволен ты уплатою моею
 За Полоцк и Велиж?.. А сколько ихних
 С начала обложения убито?

Г О Н Е Ц.

В пять приступов убито тысяч с двадцать,
 Да наших тысяч до семи.

И О А Н Н.

Довольно
 Осталось вас. Еще раз на пять хватит!

Входит стольник.

С Т О Л Ь Н И К.

Великий царь..

И О А Н Н.

Что? Кончен их совет?

С Т О Л Ь Н И К—подавая письмо.

Один, врагами полоненный, ратник
С письмом отпущен к милости твоей.

И О А Н Н.

Подай сюда!

К Нагому.

• Читай его, Григорий.

Стольник уходит.

Н А Г О Й—развертывает и читает.

«Царю всея Руси Иоанну
«От князь-Андрея, князь-Михайлы сына...»

И О А Н Н.

Что? Что?

Н А Г О Й—смотрит в письмо.

«От князь-Михайлы сына Курб...»

И О А Н Н.

От Курбского! А! На мое посланье
Ответ его мне милость посылает!

К гонцу.

Ступай!

К Нагому.

Прочти!

Н А Г О Й.

Но, государь...

И О А Н Н.

Читай!

Н А Г О Й—читает.

«От Курбского, подвластного когда-то
«Тебе слуги, теперь короны польской»

«Владельца Ковельского князя,
«Поклон! Внимай моим словам!..»

И О А Н Н.

Ну? Что же?

Н А Г О Й.

Не смею, государы!

И О А Н Н.

Читай!

Н А Г О Й—продолжает читать.

«Нелепый

«И широковещательный твой лист
«Я вразумил. Превыше Божьих звезд
«Гордынею своею возносясь
«И сам же фарисейски унижаясь,
«В изменах ты небытных нас винишь.
«Твои слова, о, царь, достойны... смеху!..
«Твои упреки...»

И О А Н Н.

Ну? «Твои упреки»?..

Н А Г О Й:

«Твои упреки—басни пьяных баб!
«Стыдился б ты так грубо и нескладно
«Писать в чужую землю, где не мало
«Искусных есть в риторике мужей!
«Непрошенную ж исповедь твою
«Невместно мне и краем уха слышать!
«Я не пресвитер, но в чину военном
«Служу я государю моему,
«Пресветлому, вельможному Стефану;
«Великому земли литовской князю

«И польского шляхетства королю.
 «Благословеньем Божиим мы взяли
 «Уж у тебя Велиж, Усвят и Полоцк,
 «А скоро взять надеемся и Псков.
 «Где все твои минувшие победы?
 «Где мудрые и светлые мужи,
 «Которые тебе своею грудью
 «Твердыни брали и тебе Казань
 «И Астрахань под ноги покорили?
 «Ты всех избил, изрезал и измучил.
 «Твои войска, без добрых воевод
 «Подобные беспастырному стаду,
 «Бегут от нас. Ты понял ли, о, царь,
 «Что все твои шуты и скоморохи
 «Не заменят замученных вождей?
 «Ты понял ли, что в машкерах плясанье
 «И афродитские твои дела
 «Не все равно, что битвы в чистом поле?
 «Но ты о битвах, кажется, не мыслишь!
 «Свое ты войско бросил...»

И О А Н Н.

Продолжай!

Н А Г О Й,

«Свое ты войско бросил... как бегун...
 «И дома заперся, как хороняка...
 «Тебя, должно быть, злая мучит совесть...
 «И память всех твоих безумных дел...
 «Войди ж в себя! А чтоб...»

И О А Н Н.

Ну, что же? Дальше!

«А чтоб»?.. Читай!

НАГОЙ.

«А чтоб свою ты дурость
 «Уразумел и духом бы смирился,
 «Две *эпистоли* тебе я шлю
 «От Циперона, римского витии,
 «К его друзьям, ко Клавдию и к Марку.
 «Прочти их на досуге, и да будет
 «Сие мое смиренное посланье
 «Тебе»...

И О А Н Н.

Кончай!

НАГОЙ.

О, государь!

И О А Н Н.

«Да будет
 «Сие мое смиренное посланье»...

НАГОЙ.

«Тебе лозой полезною! Аминь!»

При последних словах Нагого Иоанн вырывает у него письмо, смотрит на него и начинает мять бумагу. Его дергают судороги.

И О А Н Н.

За безопасным сидя рубежом,
 Ты лаешься, как пес из-за ограды!
 Из рук моих ты не изволил, княже,
 Приятъ венец мгновенных мук земных
 И вечное наследовать блаженство!
 Но не угодно-ль милости твоей
 Пожаловать в Москву и мне словесно
 То высказать, что ты писать изволишь?

Озирается.

И нету здесь ни одного из тех,
 Которые с ним мыслили! Ни брата—
 Ни свояка—ни зятя—ни холопа!

Нет никого! Со всеми я покончил—
И молча должен проглотить его
Ругательства! Нет никого в запасе!

Входит стольник.

С Т О Л Ь Н И К .

Великий государь! К тебе бояре
Пришли из думы всем собором!

И О А Н Н .

А!

Добро пожаловать! Они пришли
Меня сменять! Обрадовались, чай!
Долой отжившего царя! Пора-де
Его, как ветошь старую, закинуть!
Уж веселятся, чай, воображая,
Как из дворца по Красному крыльцу
С котомкой на плечах сходить я буду!
Из милосги, пожалуй, Христа-ради,
Кафтанишко оставят они мне!
Посмотрим же, кому пришлось место
Мне уступать! Просить сюда бояр!

Стольник выходит.

Воистину! Что им за государь я?
Под этой ли монашескою рясой
Узнать меня? Уж я их отучил
Перед венчанным трепетать владыкой!
Как пишет Курбский? Войско-де я бросил?
И стал смешон? И уж пишу нескладно?
Как пьяная болтаю баба? Так ли?
Посмотрим же, кто их премудрый царь,
Который заживо взялся по мне
Наследовать?

Входят бояре.

Бью вам челом, бояре!

Довольно долго совещались вы;
 Но, наконец, вы приговор ваш думный
 Постановили и, конечно, мне
 Преемника назначили такого,
 Которому не стыдно сдать престол?
 Он, без сомненья, родом знаменит?
 Не меньше нас? умом же, ратным духом,
 И благочестием, и милосердьем
 Нас и получше будет?—Ну, бояре?
 Пред кем я должен преклонить колена?
 Пред кем пасть ниц? Перед тобой ли, Шуйский,
 Иль пред тобой, Мстиславский? Иль, быть может,
 Перед тобой, боярин наш Никита
 Романович, врагов моих заступник?
 Ответствуйте—я жду!

Г О Д У Н О В.

Великий царь!

Твоей священной покоряясь воле,
 Мы совещались. Наш единодушный,
 Ничем неотменимый приговор
 Мы накрепко постановили. Слушай!
 Опричь тебя, над нами господином
 Никто не будет! Ты владыкой нашим
 Доселе был—ты должен государить
 И впредь. На этом головы мы наши
 Тебе несем—казни нас или милуй.

Становится на колени и все бояре за ним.

И О А Н Н—после долгого мол-
 чания.

Так вы меня принудить положили?
 Как пленника связав меня, хотите
 Неволей на престоле удержать?

Б О Я Р Е.

Царь-государь! Ты нам дарован Богом!
Иного мы владыки не хотим,
Опричь тебя! Казни нас или милуй!

И О А Н Н.

Должно быть, вам мои пришлось бармы
Не по плечу! Вы тягость государства
Хотите снова на меня взвалить!
Оно-де так сподручней!

Ш У Й С К И Й.

Государь,
Не оставляй нас! Смилуйся над нами!

И О А Н Н.

Свидетельствуюсь Богом—я не мнил,
Я не хотел опять надеть постылый
Венец мой на усталую главу!
Меня влекли другие помышленья,
Моя душа иных искала благ!
Но вы не так решили. Кораблю,
Житейскими разбитому волнами,
Вы заградили пристань. Пусть же будет
По-вашему! Я покоряюсь думе.
В неволе крайней, сей златой венец
Беру опять и учиняюсь паки
Царем Руси и вашим господином!

Надевает Мономахову шапку.

Б О Я Р Е—вставая

Да здравствует наш царь Иван Василич!

И О А Н Н.

Подать мне бармы!

Надевает царское облачение.

Подойди, Борис!

Ты смело говорил. В заклад поставил
Ты голову свою для блага царства.
Я дерзкую охотно слышу речь,
Текущую от искреннего сердца!

Целует Годунова в голову
и обращается к боярам.

Второй уж раз я, вопреки хотенью,
По приговору думы, согласился
Остаться на престоле. Горе ж ныне
Тому из вас, кто надо мной что-либо
Задумает, иль поведет хлеб-соль
С опальником, или какое дело
Прошедшее мое, хотя келейно,
Посмеет пересуживать, забыв,
Что несть судьи делам моим, бо несть
Верховной власти, аще не от Бога.

Озирается.

Я Сицкого не вижу между вами?

Г О Д У Н О В.

Не гневайся, великий государь!
Прости безумного!

И О А Н Н.

Что сделал Сицкий?

Г О Д У Н О В.

Он не хотел итти тебя просить.

И О А Н Н.

Он не хотел? Смотри, какой затейник!
Вишь, что он выдумал! Когда вся дума,
Собором всем просить меня решила—
Он не хотел! Он, значит, заодно
С литовцами! И с ханом Перекопским?
И с Курбским?—Голову с него долой!

ЗАХАРЬИН.

Царь-государы! Дозволь тебе сегодня,
Для радостного дня, замолвить слово
За Сицкого!

ИОАНН.

Ты поздно спохватился,
Мой старый шурин. Если ты хотел
Изменников щадить—ты должен был
Сам сесть на царство—случай был сегодня!

К боярам.

Дать знать послу сестры Елизаветы,
Что завтра я глаз-на-глаз назначаю
Ему прием. Теперь идем в собор
Перед Всевышним преклонить колена!

Уходит с боярами.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

Покой во дворце Иоанна.

ЗАХАРЬИН И ГОДУНОВ.

ГОДУНОВ.

Уж битый час он с английским послом
Сидит один. Приказ он отдал строгий,
Чтоб не впускали никого.

ЗАХАРЬИН.

Борис!

Уж не ошиблись ли с тобою мы?
Не кротким он владыкой свой престол
Приял опять.

ГОДУНОВ.

Что было делать нам?

ЗАХАРЬИН.

Борис! Борис! Когда б не вышло хуже,
Чем было прежде! Ведомо-ль тебе,
О чем они толкуют?

ГОДУНОВ.

Да, отец мой,
Хотя б и рад я был того не ведагь:

С царицею царь хочет развестися
И сватает себе через посла
Племянницу великой королевы,
Хастинскую княжну.

ЗАХАРЬИН.

Помилуй, Бог!
Осьмого брака хочет он? Я ведал,
Что прежде преступленья своего
Он помышлял об этом, но теперь—
Теперь, когда едва лишь отказался
От схимы он, теперь—не может быть!
Ты точно-ль знаешь?

ГОДУНОВ.

Он мне сам сегодня
То объявил.

ЗАХАРЬИН.

А ты что отвечал?
Сказал ли ты ему, что грех великий
Он затевает? Что в его лета,
При горестных невзгодах государства,
Не о женитьбе думать, но о том,
Как землю поддержать!

ГОДУНОВ.

Нет, мой отец.

ЗАХАРЬИН.

Нет? Не сказал?

ГОДУНОВ.

Нет, мой отец—не время.
Он не забыл, что свой венец вчера
Хотел сложить. От мысли, что он власти

Лишиться мог, она ему теперь
Еще дороже стала, словно он
Какой ущерб вознаградить в ней ищет.
Все, что с тобой для блага государства
Через него мы учинить хотели б,
Теперь скрывать должны мы от него
И нашу мысль в нем зарождасть незримо,
Чтобы ее не нашей мыслью он,
Но собственной считал.

ЗАХАРЬИН.

Ты прав, Борис;
Его всегда ты сердце лучше ведал.
Чини ж как знаешь, но, во что б ни стало,
Ты удержи его.

ГОДУНОВ.

И днем, и ночью
Лишь об одном, отец, я помышляю:
И как, и чем удерживать его?
Но я ищу возможности напрасно—
Нет приступу к нему!

ЗАХАРЬИН.

Тогда, Борис,
Ошиблись мы! К беде нас приведет
Его гордыня, если ты ее
Направить не сумеешь.

ГОДУНОВ.

Дай совет мне!

ЗАХАРЬИН.

Не мне тебе советовать, Борис.
Тебя Господь искусством одарил
И мудрости уклончивой сподобил,

Не даром ты снискал любовь цареву,
 А от грехов и темных дел его
 Остался чист. Храни ж свое уменье
 И делай сам. Лишь одного страшись:
 Не забывай, что не себе ты служишь,
 Но всей земле; что ум от честолюбья
 Недалеко и что порой опасен
 Окольный путь бывает для души!

Г О Д У Н О В.

Как рад бы я, отец мой, без уклона
 Всегда вперед идти прямым путем!
 Но можно-ль мне? Ты знаешь государя,
 Ты знаешь сам противников моих,
 И как они высматривают случай,
 Чтоб устранить, иль извести меня.
 Что делать мне? Я должен неусыпно
 За кознями врагов моих следить
 И хитрости противопоставить хитрость
 Иль отказаться должен навсегда
 Служить земле.

З А Х А Р Ь И Н.

Избави Бог тебя!
 Ты Богу дашь о ней ответ! Борис—
 Судьба Руси в твоих руках!

Г О Д У Н О В.

О, если б

Она была в моих руках! Я знал бы,
 Что делать мне! Пусть только б царь Иван
 Хоть месяц дал мне править государством!
 Ему б в один я месяц доказал,
 Какие силы Русская земля
 В себе таит! Я б доказал ему,
 Что может власть, когда на благодати,

А не на казнях зиждется она:
 Но тяжело, отец мой, все то видеть—
 И лишь молчать бессильно.

Стольник отворяет дверь.

С Т О Л Ь Н И К.

Царь идет!

И О А Н Н—входит с грамо-
 тами в руках.

Нам пишет Шуйский: в королевском стане
 От голода открылись мор и бунт;
 Король же их опомнился, должно быть,
 И из Варшавы шлет ко мне посла.

З А Х А Р Ь И Н.

Дай Бог здоровья воеводе, князь
 Иван Петровичу!

И О А Н Н.

Сидельцы ж наши
 Вновь целовали крест чинить по Боге:
 Всем лечь, а не сдаваться. Но, я чаю,
 Сосед Степан уж потерял охоту
 Брать города, и если с новым войском
 Пожалует он к нам, в голодный край,
 Мы шапками их закидаем.

К Захарьину.

Ты

Ступай на площадь, объяви народу,
 Что мира просит у меня король!

З А Х А Р Ь И Н.

Царь-государь, а если не о мире
 Он шлет посла?

И О А Н Н.

Сдается мне, что нас
Учить твоя изволит милость! Видно,
Ошибкой нам, а не тебе бояре
Венец наш поднесли! Ступай, старик,
И объяви на площади народу,
Что мира просит у меня король!

Захарьин уходит.

И О А Н Н — к Годунову.

Я с аглицким послом покончил дело;
Но больно он тягуч и жиловат:
Торговые, вишь, льготы англичанам
Все подавай! О льготах говорить
Мне с ним не время. Пригласи его
К себе, к обеду, потолкуй с ним дельно.
И что он скажет, то мне донеси.

Г О Д У Н О В.

Великий царь! Ты мне сказал вчера,
Что дерзкую охотно слышишь речь,
Текущую от искреннего сердца.
Дозволь мне ныне снова пред тобой
Ее держать! Боюсь я, англичанин
Подумает, что слишком дорожишь ты
Союзом с королевой, и тогда
Еще упрямей сделается он.
Не лучше-ль было б дать ему отъехать,
Не кончив дела? Если ж королева,
Сверх чаянья, на льготах настоит—
Ты к ней всегда посла отправить можешь
С согласием твоим.

И О А Н Н.

Иною речью:
Не по-сердцу боярину Борису

Чтоб царь Иван с великой королевой.
Вступил в родство? Так, что ли? Говори!
Тебя насквозь я вижу!

Г О Д У Н О В.

Государь!

Напрасно я с тобой хотел лукавить:
Не от тебя сумеет кто сокрыть,
Что мыслит он. Так, государь! Виновен
Я пред тобой. Вели меня казнить—
Но выслушай: не мне, великий царь,
А всей Руси не по-сердцу придется
Твой новый брак. Вся Русь царицу любит
За благочестие ее, а паче
За то, что мать Димитрия она,
Наследника второго твоего,
Который быть царем однажды должен.
Как за тебя, так за твою царицу
Народ вседневно молится в церквах.
Что скажет он? Что скажет духовенство,
Когда ты мать Димитрия отринешь
И новый брак примешь с иноверкой—
Осьмой твой брак, великий государь!
Не скажут ли, что все невзгоды наши
(И, может быть, их много впереди)
Накликал *ты* на землю? Государь,
Казни меня—но я у ног твоих

Становится на колени.

Тебя молю: тобою лишь одним
Русь держится—не захоти теперь
Поколебать ее к тебе доверье!
Не отвращай напрасно от себя
Любви народа!

И О А Н Н.

Кончил? Ободренье

Мое пошло тебе, я вижу, в прок,

И дерзок ты воистину не мало!
 Мою ты видя милость над собой,
 Конечно, мнишь, что я для руководства
 Тебя держу? Что ты ко мне приставлен
 От земства, что-ль, хулить иль одобрять
 Мои дела? и можешь гнуть меня,
 Как ветер трость? Достоинно смеху, право,
 Как всем бы вам со мной играть хотелось
 В попы Сильвестры! На твоих губах
 И молоко з ту пору не обсохло,
 Как я попу Сильвестру с Алексеем
 Уж показал, что я не отрок им!
 По моему с тех пор уразуменью,
 Как прибыльней для царства моего,
 Так я чиню и не печалюсь тем,
 Что скажет тот иль этот обо мне!
 Не на день я, не на год устрою
 Престол Руси, но в долготу веков;
 И что вдали провижу я, того
 Не видеть вам куриным вашим оком!
 Тебя же, знай, держу лишь для того,
 Что ты мою вершишь исправно волю;
 А в том и вся твоя заслуга. Встань—
 На этот раз тебя прощаю—впредь же
 В советчики не суйся мне! Посла
 Ты пригласишь и принесешь мне завтра
 Его последний уговор.

Уходит в другую дверь.

Г О Д У Н О Ч—один.

Он прав!

Я только раб его! Предвидеть это
 Я должен был! Иль я его не знал?
 Я поступил как женщина, как мальчик!
 Я как безумный поступил!

Вот он,

Тот путь прямой, которым мне Захарьин
 Итти велит! На первом он шагу
 Мне властию царицы, как стеною,
 Пересечен! Для блага всей земли
 Царицу защищая, я с ней вместе
 Спасал Нагих, моих врагов исконных,
 Которые теперь же, в этот час,
 Ведут совет, как погубить меня,—
 Я был готов их пощадить сегодня,
 Лишь только б царь Руси не потрясал—
 И вот исход! Легко тебе, Никита
 Романович, итти прямым путем!
 Перед собой ты не поставил цели!
 Спокойно ты и с грустью тихо смотришь
 На этот мир! Как солнце в зимний день
 Земле сияя, но не грея землю,
 Идешь ты чист к закату своему!
 Моя ж душа борьбы и дела просит!
 Я не могу мириться так легко!
 Раздоры, казни, самовластье видеть—
 И в доблести моей, как в светлой ризе,
 Утешен быть, что сам я чист и бел!

Уходит.

Дом Шуйского.

Шуйский, Мстиславский, Михайло Нагой и
 Григорий Нагой сидят у стола за кубками.

Ш У Й С К И Й—наливая им
 вина.

Прошу вас, пейте, гости дорогие!
 Во здравие Бориса Годунова!
 Ведь он то в думе дело порешил!

Гости пьют неохотно; Мстиславский не пьет вовсе.

Что ж, князь Иван Феодорыч? иль, может,
 Не нравится тебе мое вино?
 Не выпить ли другого нам, покрепче?

М С Т И С Л А В С К И Й.

Нет, князь, спасибо. Не вино, а здравье,
Признаться, мне не нравится.

Ш У Й С К И Й.

Что так?

Про Годунова, князь, ты пить не хочешь?
Да вот и вы поморщились, бояре:
Иль он вам нелюб?

М С Т И С Л А В С К И Й.

Выскачка! Татарин!

Вишь, ближним стал боярином теперь!

Б Е Л Ъ С К И Й.

А мы, должно быть, дальние бояре!

М . Н А Г О Й.

Всем сядет скоро на голову нам!

Г . Н А Г О Й.

Нет, он не сядет—он уже сидит!

Ш У Й С К И Й.

Помилуйте, бояре, Годунов-то?
Его насильно ставят выше нас,
А он и сам не рад! Он нам всегда
И честь, как должно, воздает, и в думе
Готов молчать иль соглашаться с нами!

М . Н А Г О Й.

Да, к этому выюну не придерешься!
Поддакивает, кланяется; бес,
А все-таки поставит на своем!

ШУЙСКИЙ.

Ну, этот раз ему за то спасибо!

БЕЛЬСКИЙ.

Да этот раз не первый, не последний.
Покойный Сицкий правду говорил:
Он всех нас сломит!

М. НАГОЙ.

Да—коль мы его
Не сломим прежде!

Г. НАГОЙ.

Как его сломить?

БЕЛЬСКИЙ.

Кой-что шепнуть мы про него могли бы!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Да нам-то не поверят. Он же нас,
Как Сицкого, одним словечком срежет!

М. НАГОЙ.

Нет—так нельзя; а можно бы иначе—
Да, вишь, князь Шуйский за него стоит!

ЩУЙСКИЙ.

Я? За него? Да что ж он мне, бояре?
Он мне ни кум, ни шурын, ни свояк!
Я лишь сказал, что он хлопот не стоит!

БЕЛЬСКИЙ.

Ну, слеп же ты!

ШУЙСКИЙ.

Нет, я не слеп, бояре!
Когда б дошло до дела, вы бы сами
Раздумали!

БЕЛЬСКИЙ.

• Нет, этого не бойся!

МСТИСЛАВСКИЙ.

Уж друг за друга мы бы постояли!

Г. НАГОЙ.

Готовы крест на этом целовать!

ШУЙСКИЙ.

Эк вам охота даром в петлю лезть!

БЕЛЬСКИЙ.

Ну, князь, прости мое худое слово:
Ты слеп, как крот, и первого тебя
Татарин этот выживет как-раз!

ШУЙСКИЙ.

Ты думаешь?

БЕЛЬСКИЙ

Да уж наверно так!

ШУЙСКИЙ.

Ну, коли так—тогда другое дело!

БЕЛЬСКИЙ.

Так ты согласен?

Ш У Й С К И Й.

Что ж мне одному
Быть против всех! Пожалуй, я согласен—
Да как же дело-то начать?

М. Н А Г О Й.

А вот как:

Теперь у нас везде, по всей Руси,
Поветрие и хлебный недород.
Уж были смуты: за Москвой-рекой
Два бунта вспыхнуло. В такую пору
Народ озлоблен; рад, не разбирая,
Накинуться на первого любого.
От нас зависит время улучшить
И натравить их в пору на Бориса!

Г. Н А Г О Й.

Оно б недурно! Пусть бы нас народ
Избавил от него—мы в стороне!

М С Т И С Л А В С К И Й.

Да, в стороне! А как поднять народ?
Ведь не самим же нам итти на площадь!

М. Н А Г О Й.

Вестимо, нужен верный человек!

Б Е Л Ь С К И Й.

Или такой, которого бы мы
В руках держали непрестанным страхом!

М С Т И С Л А В С К И Й.

А где его достать?

Ш У Й С К И Й—отворяя дверь в другой
покой.

Войди, Данилыч!

Входит Битяговский.

Вот он, бояре, кто теперь нам нужен!
Я с ним уж говорил—он рад служить.

Общее удивление.

Б Е Л Ъ С К И Й.

Так ты... Ну, князь, признаться, удивил!

Г. Н А Г О Й.

Перехитрил нас! Нечего сказать!

М С Т И С Л А В С К И Й.

А пил еще здоровье Годунова!

Шуйский смеется.

М. Н А Г О Й—указывая на Битягов-
ского.

Так он берется сладить это дело?
Но кто же он? Его нам надо знать!

Ш У Й С К И Й.

Он из дворян: Михайло Битяговский.
Прошу любить и жаловать его;
Он нас не выдаст!

Б Е Л Ъ С К И Й.

Князь, конечно, ты
Нам доказал, что ты хитрить умеешь;
Мы положиться можем на тебя;
Но все -ж дозвошь в таком опасном деле
Тебе не в гнев, ему не в осужденье,
Спросить тебя: чем отвечаешь ты?

Ш У Й С К И Й.

Бояре, дело просто: в зернь да в карты
Именье он до нитки проиграл.
В дочгах сидит по шую; правожом

Ему грозят; исхода два ему:
Послужит нам—долги его заплатим;
Обманет нас—поставим на правож.
Данилыч! Так ли? Ясен уговор?

БИТЯГОВСКИЙ.

Да, ясен.

ШУЙСКИЙ.

Если ж ты уладишь дело
Мы наградим тебя.

БИТЯГОВСКИЙ.

Само собой.

ШУЙСКИЙ.

Я говорил тебе не в укоризну,
А чтоб бояре лучше веру взяли.
Теперь садись.

БИТЯГОВСКИЙ.

Могу и постоять.

ШУЙСКИЙ.

На, выпей чару!

БИТЯГОВСКИЙ.

Чару выпить можно.

Пьет, кланяется и ставит чару на стол.

БЕЛЬСКИЙ.

Так вправду ты сумеешь на Бориса
Поджечь и взбунтовать народ?

БИТЯГОВСКИЙ.

Сумею.

М. НАГОЙ.

С кого ж начать ты хочешь?

БИТЯГОВСКИЙ.

С черных сотен.

Г. НАГОЙ.

Про что ж ты будешь говорить?

БИТЯГОВСКИЙ.

Про голод.

БЕЛЬСКИЙ.

Что скажешь ты?

БИТЯГОВСКИЙ.

Что в голову придет.

МСТИСЛАВСКИЙ.

А за успех стоишь ты нам?

БИТЯГОВСКИЙ.

Стою.

М. НАГОЙ.

Народ не в шутку должен возмутиться.

Сначала подготовь его искусно:

Борис, мол, вот кто цены вам набил!

Он, мол, царем как хочет, так и водит;

Все зло, мол, от него! Он зять Малюты!

Он и царя на казни подбивал!

Потом, в удобный день, на праздник, что ли.

Когда пойдет он в церковь, иль из церкви.

Ты их и подожди! Да не мешало б

Тебе товарища найти.

БИТЯГОВСКИЙ.

Не нужно.

БЕЛЬСКИЙ.

Тут надобны не крики и не шум,
 А чтоб они, увидя Годунова,
 Так на него б и кинулись, и разом
 На ключья б разорвали!

БИТЯГОВСКИЙ.

Разорвут.

ШУЙСКИЙ.

Уж положитесь на него, бояре!
 Он неохоч до слов, но он на деле
 Собаку съел,—ему ведь не впервой.
 А вы меж тем изведайте бояр:
 Чем больше будет с нами, тем мы легче
 И подведем его!

БЕЛЬСКИЙ.

На всяк случай

Я кой-кого еще пущу в народ.
 Есть на примете у меня один:
 Рязанский дворянин, Прокофий Кикин.

ШУЙСКИЙ.

Коль за него ты можешь отвечать,
 Пошли его, пожалуй, от себя:
 Пусть с двух концов они волнуют город.
 Не одному удастся, так другому.

МСТИСЛАВСКИЙ.

Твоими бы устами, князь Василий
 Иваныч, мед пить!

М. П А Г О Й.

Ну, теперь недурно
Идут дела! Благослови, Господь!

Входит слуга.

С Л У Г А.

Боярин Годунов!

Ш у й с к и й—про себя.

Ах, бес проклятый!
Входит Годунов. Гости встают в замешательстве.

Ш у й с к и й—идет навстречу Году-
нову с распростертыми
объятиями.

Борис Феодорыч! Вот гость любезный!
Челом тебе на ласке бью твоей!

Обнимаются.

Садись, боярин! Здесь, под образами!
Уважь домишко мой! Да чем же мне
Понотчевать тебя! Вот романея!
Вот ренское! Вот аликант! Вот бастр!

Г О Д У Н О В—кланяется.

Благодарю, боярин, князь Василий
Иванович! Не помешал ли я?
Быть-может, ты с гостями дорогими
Был делом занят?

Ш у й с к и й.

Делом? Нет, боярин!
Мы так себе балякали. Садись.
Прошу покорно! Да уважь, боярин,
Хоть чарочкой.

ГОДУНОВ—пьет.

Во здравие твое!

МСТИСЛАВСКИЙ—подходит к Шуйскому.

Хозяин ласковый, пора домой мне;
Прости.

БЕЛЬСКИЙ.

И мне пора домой, прости!

ОБАНАГИЕ.

Пора и нам! Прости же, князь Василий
Иванович.

ШУЙСКИЙ.

Что ж, гости дорогие?
Зачем так рано?

М. НАГОЙ.

Дома дело есть.

ШУЙСКИЙ.

Простите же, бояре! Много вас
За честь благодарк!

Провожает гостей и возвращается к Годунову.

Ну, слава Богу!

Ушли! Спасибо же тебе, боярин,
Что навестил! Ты не поверишь,
Как на тебя отрадно мне глядеть!
Ведь мы с тобой издавна заодно!
Что ты—то я!

ГОДУНОВ.

Спасибо, князь Василий
Иванович! А я вот за советом
К тебе пришел.

Ш У Й С К И Й.

Приказывай, боярин!

Г О Д У Н О В.

Ты знаешь, князь, меня не любят в думе:
Я—новый человек.

Ш У Й С К И Й.

Так что же в том?
Я за тебя горой стою; а правда,
Есть недруги у нас! Вот хоть бы этот
Мстиславский, или Бельский—кто их знает!
Завидно им, что любит царь тебя!

Г О Д У Н О В.

Царь жалует меня не по заслугам;
Я скользкою тропюю, князь, иду.
Пожалуй, на меня царю нашепчут;
А до беды у нас недолго, князь!

Ш У Й С К И Й.

А я на что ж? Я за тебя готов
В огонь и в воду. Ты мне тот же брэг!

Входит слуга.

С Л У Г А—к Шуйскому.

Князь, царь прислал за милостью твоей.

Ш У Й С К И Й—встает.

За мной? Теперь? Ну, не взыщи, боярин—
Царь ждать не может!

Г О Д У Н О В.

Не чинися, князь.

Шуйский поспешно уходит. Годунов остается
с Битяговским и пристально смотрит на
него; Битяговский смущается и отворачивается.

ГОДУНОВ.

Гы—дворянин Михайло Битяговский?

БИТЯГОВСКИЙ.

Да, дворянин.

Хочет уйти.

ГОДУНОВ.

Ни с места! Стой и слушай!
Ты разорился в карты. На правож
Тебя хотят поставить—дело плохо
Но может выйти хуже для тебя.
Ты грамоту писал в литовский стан
И предлагал Замойскому услуги.

БИТЯГОВСКИЙ.

Нет, это ложь! Меня оклеветали!

ГОДУНОВ.

Я грамоту твою перехватил—
И вот она от слова и до слова!

Вынимает из кармана грамоту. Битяговский
нагибается и сует руку за голенище.

Ты лезешь за ножом? Не беспокойся!
Твоя бумага за семью замками,
А это только список. Слушай, друг:
С тобой вчера князь Шуйский сторговался,
Чтоб на меня поднять народ. Сегодня
С двумя Нагими, с Бельским и Мстиславским
Об этом вместе толковали вы.
Мне стоит захотеть—и через час
Твое клевать вороны будут мясо!

БИТЯГОВСКИЙ.

Боярин... я... я не хотел...

Г О Д У Н О В.

Молчи!

Теперь ты должен притвориться, будто
 Ты служишь Шуйскому. Ступай шататься
 По площадям, по рынкам, по базарам,
 Но распускай молву, что Шуйский с Бельским
 Хотят царя отравой извести;
 Что погубить и Федора решили,
 И Дмитрия царевичей; что если б
 Не Годунов—они бы царский корень
 Уж извели; что Годунов один
 Блюдет царя и охраняет царство.
 Ты понял?

Б И Т Я Г О В С К И Й.

Понял.

Г О Д У Н О В.

Приходи сегодня

Ко мне в мой дом, по заднему крыльцу,
 Когда стемнеет. Там тебя дворецкий
 Проводит дальше. Каждый вечер ты
 Ко мне являться будешь. Все, что Шуйский,
 Иль Бельский, иль другой тебе прикажут,
 Ты будешь мне передавать. И помни:
 Где б ни был ты, я за тобой слежу—
 Не захоти и думать о побеге.
 Различье ж, знай, меж мной и Шуйским то,
 Что правезом тебя страшает Шуйский,
 А я тебе грожу такую казнью,
 Какой бы не придумал и Малюта
 Скуратов-Бельский, мой покойный тесть!

Уходит. Битяговский остается в оцепенении.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

Покои царицы Марии Федоровны.

Царица и мамка царевича Димитрия.

Ц А Р И Ц А.

Что ж, мамка? Уложила ты его?
Заснул ли он, голубчик мой, царевич?

М А М К А.

Заснул, царица-матушка, заснул!
Уж любовалась, на него я глядя;
Лежит смиренхонько, закрывши глазки
И этак ручки сжамши в кулачки.
Вишь, бегая, мой светик уморился;
Такой живой! Не в старшего он брата,
Не в Федора Иваныча пойдет!
Тот тих и смирен, словно не царевич,
Не то, что братец был Иван Иваныч!
Тот, царствие небесное ему,
На батюшку похож был. Ох-ох-ох!
Подумаешь, как кончился-то он!
Ах, грех какой! Не верится доселе!

Ц А Р И Ц А.

Не будем говорить про это, мамка.
Не присылал ли государь сказать,
Что он придет? Не присылал ли он
Кого спросить, здоров ли мой царевич?

МАМКА.

Нет, матушка, не присылал.

ЦАРИЦА.

Бывало,

Он каждый день навевывался сам!

МАМКА.

Нет, матушка, не присылал. А вот,
Когда мы давеча гулять ходили,
К нам подходил боярин Годунов,
Брал на руки царевича, ласкал
И любовался им.

ЦАРИЦА.

И ты дала

Ему ласкать царевича? Никто
Его ласкать не должен. Слышишь, мамка?

МАМКА.

Так, матушка. Боярин Годунов
Мне тоже говорил: смотри, мол, мамка,
Блюда царевича! Ты, говорит,
За каждый волосочек, мол, его
Пред Богом и землею отвечаешь!

ЦАРИЦА.

Послушай, мамка, этак не годится
Болтать со всяким. Никому вперед
Ты не давай с ребенком говорить!

МАМКА.

Так как же, матушка? А вот Никита
Романович к нам подходил намеренно—
И с этим, значит, говорить нельзя?

ЦАРИЦА.

Нет, с этим можно! Этому я верю;
Он все равно мне, что родной отец!

Входит сенная девушка.

ДЕВУШКА.

Царица! Может ли к тебе Никита
Романович взойти, Захарьин-Юрьев?

ЦАРИЦА.

Он здесь? Проси, проси его скорей!

Входит Захарьин.

ЗАХАРЬИН.

Царица Марья Федоровна, здравствуй!
Как можешь?

ЦАРИЦА—идет к нему навстречу.

Здравствуй, дядюшка Никита
Романович! Тебя сам Бог прислал!
Мне говорить с тобою надо! Мамка,
Ступай себе к царевичу, оставь нас.

Мамка уходит.

Мне надо говорить с тобой, Никита
Романович! Садись, сюда, поближе:
Не знаю, что со мною, право, случилось;
Все эти дни так тяжело на сердце,
Как будто чуется беда! Скажи,
Ты ничего не слышал? Что случилось?
Что царь задумал?

ЗАХАРЬИН.

Матушка-царица,
Ведь я пришел тебя предостеречь!
И сам уже не знаю, что с ним делать?
Беда и только!словно дикий конь,

Внезапно закусивший удила,
Иль ярый тур, все ломящий с разбега.
Так он не знает удержу теперь.
Подобная реке, его гордыня
Из берегов уж выступила вон
И топит все кругом себя!

Ц А Р И Ц А.

Скажи,

Что он задумал?

З А Х А Р Ь И Н.

Бог ему судья!

Ц А Р И Ц А.

О чем-то страшном шепчут во дворце—
Он с английским послом наедине
О чем-то долго толковал... Я знаю—
Я догадалась—он жениться хочет
На чужеземке, а меня он бросить
Собирается с Димитрием моим!

З А Х А Р Ь И Н.

Будь, дитяtko, готова ко всему!

Ц А Р И Ц А.

He даром сердце у меня щемило!

З А Х А Р Ь И Н.

Царица, он хотел сегодня утром
Быть сам к тебе. Не покажи и вида,
Что я с тобой об этом говорил;
Я буду здесь. Ты ж тыслушай его
С покорностью и, что б он ни сказал,
He возражай ни слова—будь нема!
Единый звук, единый вздох, движенье

Единое твое—и ты пропала!
 Дай буре про шуметь. Еще, быть-может,
 Смягчится он покорностью твоею;
 А если нет—я на свою главу
 Приму удар, скажу ему открыто,
 Что он бессовестно чинит!

Ц А Р И Ц А.

Боярин,

Спаси меня! Не за себя мне страшно!
 Я хлопочу не о себе, ты знаешь!
 Когда меня Иван Васильич взял,
 Не радовалась я высокой чести;
 И если бы со мной, тому три года,
 Он развелся, я Бога бы за то
 Благодарила—но теперь, боярин,
 Я не одна! Теперь я стала мать!
 И если он жену возьмет другую,—
 Ребенок мой—мне страшно и подумать—
 Мой маленький Димитрий—о, боярин!
 Сама не знаю, что я говорю,
 Чего боюсь, не ведаю—но смутно
 Мне чуется для Дмитрия опасность!
 Усвести, уговори царя!
 Тебя он чтит! Пусть он с тобою прежде
 Обсудит дело!

З А Х А Р Ь И Н.

Дитятко-царица!

Кого он чтит?! Я, правда, перед ним
 Еще ни разу не кривил душою,
 Но сам не знаю, как я уцелел!
 Лишь одного на свете человека
 Порою слушается он: дай Бог
 Здоровья Годунову! Он один
 Еще его удерживать умеет!

Ц А Р И Ц А.

О, дядюшка! Не верь ты Годунову!
 Нет, он не тот! Его смиренный вид,
 Его всегда степенные приемы,
 И этот взгляд, ничем невозмутимый,
 И этот голос, одинако ровный,
 Меня страшат не даром! Не могу я
 Смотреть, когда ребенка моего
 Ласкает он!

З А Х А Р Ь И Н.

Что ты, царица, что т ?
 Помилуй! Годунов-то!

Вбегает девушка запыхавшись

Д Е В У Ш К А.

Царь идет!
 Сейчас здесь будет!

Ц А Р И Ц А—с испугом.

Дядюшка! Мне страшно!
 Я не могу...

З А Х А Р Ь И Н.

Оправься поскорей,
 Чтоб не заметил он чего! Отри
 Скорей глаза!

Ц А Р И Ц А.

Ох, сердце замирает!

З А Х А Р Ь И Н.

Уйдиж на миг! Принарядись, а я
 Приму его!

Царица уходит. Иоанн входит в сопровождении Годунова.

И О А Н Н.—к Захарьину.

Что делаешь ты здесь?

ЗАХАРЬИН.

Царицы дожидаясь, государь.

И О А Н Н.

Какое дело у тебя с царицей?

ЗАХАРЬИН.

Наведаться зашел к ней.

И О А Н Н.

Где ж она?

ЗАХАРЬИН.

Услыша голос твой, она пошла
Для милости твоей принарядиться.

И О А Н Н.

Могла и так остаться. От нарядов
Пригожее не будет!

К Годунову—садясь.

Продолжай!

Ты говоришь, что виделся с послами?

ГОДУНОВ.

С обоими, великий государь.

И О А Н Н.

Ну, что ж?

ГОДУНОВ.

Посол Елизаветин, Баус,
Стоит на том, что выдать за тебя
Племянницу, Хастинскую княжну,

Согласна королева; но о том-де
 Он подписать не властен угоюра,
 Пока с царицей всенародно ты
 Не разведешься; да еще прибавил,
 Чтоб на Руси ты запретил торговлю
 Всем иноземцам всяких государств
 Опричь одних лишь английских гостей.
 На этом, говорит он, королева
 Нам обещает дружбу и союз
 И цесаря немецкого упросит,
 Чтобы на Польшу двинул он полки.

И О А Н Н.

Благодарю сестру Елизавету,
 Что нашей дружбой и худым родством
 Не брезгает она! Но обойтись
 Без милостей ее теперь мы можем,
 И цесаря не просим нам помочь.
 Уже мы сами скоро за рубеж
 Переведем полки. А что узнал ты
 От польского посла? Какие земли
 Сосед Степан за мир нам обещает?

Г О Д У Н О В.

Мы за вином, великий государь,
 Сидели с ним до самого рассвета.
 Гарабурда, хоть не природный лях,
 А пить здоров и говорить охотник;
 Но выведать я у него не мог,
 С чем он приехал. Одному тебе
 Открыться хочет он.

И О А Н Н.

Заране, видно,
 Хвалиться нечем!

Г О Д У Н О В.

Утром прискакал
К нему гонец от короля. Напрасно
В глазах посла старался угадать я
Письма значенье. На лице его
Не двинулася ни одна черта;
Усталый же гонец, как выпил чару,
Так и упал на землю и заснул.

И О А Н Н.

Я чай, не спал во всю дорогу! Видно,
Крутенько им пришлось и невтерпёж!

Г О Д У Н О В.

Когда бы только...

И О А Н Н.

Что-о?

Г О Д У Н О В.

Как бы он
Для нас недоброй вести не привез!

И О А Н Н.

Недобрых я вестей не получал;
Чего ж не знаю я—того и нет!

Г О Д У Н О В.

Будь осторожен, государы!

И О А Н Н.

Бориско!
Уж не опять ли ты советы мне
Давать изволишь? Струсил, говорю я,
Сосед Степан и новые уступки

Прислал в наказ Гарабурде! Гей! Марья!

Стучит о пол посохом.

Ты долго ль там укручиваться будешь?

Входит царица в большом наряде и, поклонившись Иоанну, останавливается перед ним молча.

И О А Н Н.—смотрит на нее пристально.

Зачем твои заплаканы глаза?

Царица молчит, потупя взор.

Ты слышишь ли? Что сталося с тобою?

Ц А Р И Ц А.

Мой господин, прости меня... я...

И О А Н Н.

Ну?

Ц А Р И Ц А.

Я видела недобрый сон.

И О А Н Н.

Какой?

Ц А Р И Ц А.

Мне снилось, государь... мне снилось, что...
Я разлучаюся с тобой!

И О А Н Н.

Сон в руку,

Ты негодна мне. Я объявить
Тебе пришел, что ты отныне боле
Мне не жена.

Ц А Р И Ц А.

Так это правда? Правда?

Меня с Дмитрием ты бросить хочешь?
С Дмитрием моим? Ты хочешь...

И О А Н Н.

Тише!

Я бабьих слез и криков не люблю.

Ц А Р И Ц А.

Нет, господин мой!—я не плачу—нет—
Ты видишь, я не плачу—но скажи,
Как развестись со мною хочешь ты?
Что скажешь ты святителям? Какую
На мне вину найдешь ты?

И О А Н Н.

Это что?

Ты, кажется, меня к допросу ставишь!
Кто ты? Какого ты владыки дочь?
Кому ответ держать мне о тебе?
Иль ты других пригожее и краше,
Чтоб мне тебя, как клад какой, беречь?
Иль я уж в доме у себя не властен?
Иль ты царица по себе?

Ц А Р И Ц А.

Прости,

Мой господин! Прости! Я не ропщу—
Я не молю о милости—на все
Готова я—но бедный мой Димитрий
Чем виноват?

И О А Н Н.

О нем не хлопочи.

Мой сын в удел получит город Углич.
Вины твоей не нужно мне! Тебя
Постричь велю я—вот и весь развод.
Святителей же, слава Богу, я
Не приучил в мой обиход вступаться
И требовать отчета от меня!

ЗАХАРЬИН.

Царь-государь! Дозволь мне слово молвить!

ИОАНН.

Старик, я вижу, что сказать ты хочешь!
Что б я ни сделал, все не по тебе!
Я знаю вас!

ЗАХАРЬИН.

Великий государь...

ИОАНН.

Я знаю вас! Вы рады бы мне руки
Опять связать, как при попе Сильвестре
Да при Адашеве! Ты был им друг!
Когда на них опалу положил я,
Каких уж бед ты ни пророчил мне!
Тебя послушать—царство распадалось!
И что ж? С тех пор минуло двадцать лет—
Где твой Адашев? Где Сильвестр твой?
А мы, меж тем, благословеньем Божиим,
Не уменьшили наших государств!
Без ваших наставлений, помаленьку,
Таки-живем себе умишком нашим
И руководства твоего, старик.
Не просим мы!

ЗАХАРЬИН.

Великий государь!

Что мы мечом завоевали, то
Мечом же можно и отнять у нас.
Все в Божьей воле, государь; но Бог
Лишь добрые дела благословляет.
Ты ж, государь, недоброе затеял!
Твоя царица пред тобой чиста,
Чиста, как день! Грешно тебе царицу

Хотеть менять на новую жену!
Чем с Англией искать тебе союза,
Взгляни на Русь! Каков ее удел!
Ты, государь,—скажу тебе открыто—
Ты, в юных днях испуганный крамолой,
Всю жизнь свою боялся мнимых смут
И подавил измученную землю.
Ты сокрушил в ней все, что было сильно.
Ты в ней попрал все, что имело разум,
Ты бессловесных сделал из людей—
И сам теперь, как дуб во чистом поле,
Стоишь один, и ни на что не можешь
Ты опереться; еси.—Бог избави.—
Тебя оставит счастье твое,
Ты пред несчастьем будешь наг и беден.
Несчастье ж недалеко, государь!
Не радуйся победе над Батуром—
Есть на Руси другие тесноты!—
Орда и швед грозят нам, а внутри
Неправосудье, неустройство, голод!
Их английским союзом не избыть!
Я стар, великий государь, и близок
Уже ко гробу. Не зачем мне даром
Тебе перечить! Да и сам-то ты
Уж немолод, великий государь.
В твои лета о новом браке думать
Грешно, да и негоже. Бога б ты
Благодарил за добрую царицу.
А не искал себе другой!

И О А Н Н.

Микита!

Я дал тебе домолвить до конца.
Ко гробу ближе ты, чем мыслишь. Мне
Наскучило тебя щадить. Легко б я
Мог отвечать на болтовню твою,

Но мой ответ: я так хочу! Довольно!
Ни слова боле! Время нам принять
Батурова посла. Ступай за мной.

К царице.

Ты ж будь готова в монастырь идти!

Уходит с Захарьиным.

Престольная палата.

Весь двор, в богатом убранстве, входит и размещается вдоль стен. У дверей и вокруг престола становятся рынды с топорами на плечах. Трубы и колокола возвещают приход И о а н н а. Он входит из внутренних покоев вместе с З а х а р ь и н ы м.

И О А Н Н—к Захарьину.

Впустить посла! Но почестей ему
Не надо никаких. Я баловать
Уже Батура боле не намерен!

Захарьин уходит. Иоанн садится на престол. Через приемную дверь входит Гарабурда и с низким поклоном останавливается перед Иоанном.

И О А Н Н—меря его глазами.

Не в первый раз тебя я вижу, пан
Гарабурда, перед моим престолом.
По смерти Жигимонта короля
Ты с поручением ко мне от сейма
Был прислан?

Г А Р А Б У Р Д А.

Так, великий государь.

И О А Н Н.

Мне помнится, что польские паны
Корону предлагали мне?

ГАРАБУРДА.

Так есть.

И О А Н Н.

Но учиниться вашим королем,
Не сделав власть мою наследной властью,
За благо мне не рассудилось. Вы же
Условия не изволили принять.

ГАРАБУРДА.

Великий царь, не можно было нам
Республики нарушить привилегий!
У нас закон, чтоб всякий раз король
От сейма выбран был.

И О А Н Н.

Хорош закон!

Достойного он в Генрике владыку
Доставил вам!

ГАРАБУРДА.

А бес его возьми!

То был совсем дрянной король! Когда
От нас утек он, мы рукой махнули
И выбрали другого.

И О А Н Н.

Да! Батура,

Того, который дань платил султану,
Когда был князем семиградским. Ну,
Чего он хочет? с чем тебя прислал он?

ГАРАБУРДА.

Пресветлый мой великий господин,
Король на Польше, семиградский князь,
Великий князь литовский...

И О А Н Н.

Погоди-ка!

Ты православной веры? Мне сказали,
Что ты ходил к обедне в наш собор?

Г А Р А Б У Р Д А.

Так, государь.

И О А Н Н.

Зачем же господином
Схизматика латинского зовешь ты?

Г А Р А Б У Р Д А.

А потому, великий царь, что он
Все вольности Украины утвердил,
Святую церковь нашу чтит и нам
Ксендзов проклятых дал повыгонять.

И О А Н Н.

Все веры для него равны, я слышал:
И басурманов также он честит.
Ну, говори, какое челобитье
Он нам прислал? О чем просить изволит
Сосед Степан?

Г А Р А Б У Р Д А.

Он просит наперед,
Чтоб ты, пан-царь, не звал его соседом,
А воздавал, и письменно и устно,
Ему ту честь, названия, и титул,
И почести, которые его
Пресветлому довлеют маестату!

И О А Н Н.

Ах он шутник! Теперь? В тот самый час,
Когда домой бежал он из-под Пскова?
Недурно! Дальше!

ГАРАБУРДА.

Дале, от тебя

Он требует, чтоб из земли Ливонской
 Немедля вывел ты свои полки
 И навсегда б короне польской отдал
 Смоленск и Полоцк, Новгород и Псков.

Ропот в собрании.

На этом мир с тобою заключить
 Согласен он.

И О А Н Н.

Посол! ты много-ль выпил
 Ковшей вина? Как смел ты предо мною
 Явиться пьяный?

К стольникам.

Кто из вас дерзнул
 Нетрезвого впустить в мои палаты?

ГАРАБУРДА.

Коли же милости твоей, пан-царь,
 Условия такие не смакуют,
 Король Степан велит тебе сказать:
 «Чем даром лить нам кровь народов наших,
 «Воссядем на коней и друг со другом
 «Смертельный бой на саблях учиним,
 «Как рыцарям прилично благородным!»
 И с тем король тебе перчатку шлет.

Бросает перед Иоанном железную перчатку.

И О А Н Н.

Из вас обоих кто сошел с ума?
 Ты иль король? К чему перчатка эта?
 Не для того ль, чтоб ею мне тебя
 Бить по лицу? Да ты забыл, собака,
 Что пред тобой не избранный король?
 Помазанника Божья смеешь ты

На поле звать? Я поле дам тебе!
 Защитого тебя в медвежью шкуру
 Велю я в поле псами затравить!

Г А Р А Б У Р Д А.

Ни! этого, пан-царь, не можно.

И О А Н Н.

Что?

Да он не шутит ли со мной? Бояре,
 Ужель забавным я кажусь?

Г А Р А Б У Р Д А.

Ни, ни.

Посла никак зашить не можно в шкуру.

И О А Н Н.

Вон с глаз моих! Плетьми его отсюда!
 Плетьми прогнать обратно к королю!
 Вон из палаты! Вон, собака! Вон!

Хватает у рынды топор и бросает в Гарабурду.

Г А Р А Б У Р Д А—отклоняя удар.

Поторопился ж ты, пан-царь. Ты, видно,
 И не слышал еще того, пан-царь,
 Что из Варшавы прибыл с новым войском
 Король Степан? Что на границе он
 Уж в пух и прах разбил твои полки?
 Ты, видно, не слышал, что швед уже
 Нарову взял и вместе с королем
 Готовится на Новгород идти.
 Дрянные ж воеводы у тебя,
 Что не дали и знать тебе об этом!

И О А Н Н—вставая с престола.

Ты лжешь, злодей!

ГАРАБУРДА.

А, ей же Богу, так.

Зачем мне лгать? Нет, лгать нехорошо.
 Коли ж, пан-царь, ты выехать не хочешь
 На честный бой с пресветлым королем,
 К тебе король, пожалуй, на Москву
 Приедет сам. Теперь же будь здоров!

Уходит. Общее смятение.

ГОДУНОВ—вбегая.

Великий государь! Что сделал ты!
 Ты оскорбил Батунова посла?

ИОАНН.

Он лжет, как пес!

ГОДУНОВ.

Нет, государь! Все правда!
 Сейчас гонцы от войска прискакали!
 Я видел их—Нарову взяли шведы—
 Полки разбиты наши!

ИОАНН.

Лгут гонцы!

Повесить их! Смерть всякому, кто скажет,
 Что я разбит! Не могут быть разбиты
Мои полки! Весть о *моей* победе
 Должна притти! И ныне же молебны
 Победные служить по всем церквам!

Падают в изнеможении в престольные кресла.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Площадь в Замоскворечье.

Площадь наполнена народом. В стороне хлебные лабазы. За рекой виден Кремль. Вечереет. Толпа народа волнуется перед лабазом.

ЛАБАЗНИК.

Ступайте прочь! Чего наперли снова!
Ведь сказана цена вам: семь алтын
За полчетверки!

ОДИН ИЗ НАРОДА.

Батюшка, помилуй!
Скинь хоть алтын!

ДРУГОЙ.

Четыре дня не ели!

ТРЕТИЙ.

Побойся Бога!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Смилуйся, родимый!
Отсыпь хоть в долг! О Пасхе заплачу—
Вот-те Христос!

ЛАБАЗНИК.

Проваливай! О Пасхе!
Вишь, в долг давай хозяйское доброе!
Прочь, говорю вам!

Дерется.

ПЕРВЫЙ.

Чтож ты, людоед?
Околевать нам, что ли?

ВТОРОЙ.

Лучше прямо
Ножом зарежь!

ТРЕТИЙ.

Разбойник! Душегуб!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Жидовская душа! Ты разве сам
Свой съешь запас? Сам, что ли?

ЛАБАЗНИК.

Караул!

Лабаз мой разбивают!

Подходят два пристава.

I - Й ПРИСТАВ.

Что за шум?

Кто тут буянит?

ЛАБАЗНИК.

Помогите! Бунт!

Ломают двери!

ОДИН ИЗ НАРОДА.

Вступитесь, государи!

ДРУГОЙ.

Велите цену сбавить, государи!

ТРЕТИЙ.

Не дайте с голодухи помереть.

Л А Б А З Н И К.

Они меня собирались грабить!

П Е Р В Ы Й.

Врет!

Он сам дерется! Чуть не изувечил!

1 - й п р и с т а в—к лабазнику.

Как смеешь ты народ увечить? А?

2 - й п р и с т а в.

В приказ его! К допросу!

Л А Б А З Н И К.

Государя!

Помилуйте! За что меня в приказ?

Хозяйское отстаивал добро!

Сует им деньги.

1 - й п р и с т а в.

Ну, разве так!

2 - й п р и с т а в.

Что ж сразу не сказал!

1 - й п р и с т а в—к народу.

Прочь, вы, разбойники! Вот я вас! Прочь!

2 - й п р и с т а в.

В застенки их! В приказ! К допросу!

Народ отступает.

То-то!

Оба пристава идут далее.

Л А Б А З Н И К—смотрит им вслед.

Хриstopродавцы! Ишь! Пошли по рынку

Выглядывать, с кого б еще содрать!

ОДИН ИЗ НАРОДА.

И по-делом тебе!

ДРУГОЙ.

С своим запасом

Чтоб лопнул ты!

ТРЕТИЙ.

Мы с голодухи мрем,

А он сидит, как крыса, в закромах

Да дуется!

Лабазник отходит.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

А приставам пожива!

ПЕРВЫЙ.

Порядок, вишь, приставлены блюсти!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ну, уж порядок! Пусть бы царь узнал!

ПЕРВЫЙ.

За взятки царь таки-казнил их прежде!

Я видел сам: раз девять человек

Висело рядом; а на шею им

Повешены их посулы все были!

ВТОРОЙ.

Да, царь в обиду не давал народ!

Бывало, сам выходит на крыльцо,

От всякого примаёт челобитье

И рядит суд, а суд его недолог:

Обидчик будь-хоть князь иль воевода,

А уличен—так голову долой!

Подходит Кикин, переодетый в странника, в черном подряснике, с палкою и четками в руках.

К И К И Н.

Так прежде было, сыне, прежде было!
 Теперь не то! Теперь, грех наших ради,
 Враг помрачил царицы очи. Ныне
 Уже не царь, а Годунов всем правит,
 Очами Годунова смотрит царь!

Народ столпляется вокруг Кикина.

Вы слышали, что говорил лабазник?
 Хозяйское, мол, не свое добро!
 А кто хозяин? Тот же Годунов!
 Кто цены набивает? Годунов же!
 Легко сказать! Четырнадцать алтын
 Четверка ржи! Кабы не Годунов,
 Она всего пошла бы два алтына!

Ропот в толпе.

Ох, прогневили Господа мы, братья!
 Нам мука по-делом! Глядим на грех
 Сложимши руки, а еретик тот
 Меж тем царя обходит да обходит!

Ропот усиливается.

Господь недаром знаменье явил:
 Кровавую хвостатую звезду!
 Чай, видели ее вы?

О Д И Н И З Н А Р О Д А.

Как не видеть!

Д Р У Г О Й.

Котору ночь она восходит там,
 Над тою башней.

Т Р Е Т И Й.

Вот она сейчас
 Взойдет опять, лишь небо потемнеет!

К И К И Н.

Великий гнев Господь являет ею!
 То огненный подъят над нами меч
 За то, что мы царя, а с ним всю землю
 Еретику в обиду злому дали!

П Е Р В Ы Й.

Отколе же то ведомо тебе?

К И К И Н.

Скитаюсь, сыне, по святым местам;
 Был в Соловках и на горе Афонской,
 В Ерусалиме был, всего наслышан,
 Моря исплавал, земли исходил,
 Кит-рыбу видел, птицу-Евстрафиль,
 И Алатырь, горючий белый камень!
 Теперь иду от Киева; там чудо
 Великое свершилось: со креста
 Софийского был слышен велий глас:
 Пророчил гибель русскому народу
 За то, что терпит Годунова!

П Е Р В Ы Й.

Братцы!

Вы слышите, что странник говорит!

К И К И Н.

И глас вещал: восстаньте, христиане!
 На Годунова чресла опояшайте,
 Бо от него все беды на Руси!

В Т О Р О Й.

Слышь, замечай! Все зло от Годунова!

К И К И Н.

Так, сыне, так! Все зло от Годунова!
 Он держит хлеб, он язвы насылает,

Он короля призвал на Русь, он хана
Поднять хвалился на Москву!

ТРЕТИЙ.

А, братцы?

Что ж, в самом деле? Если вправду он
Всему виной—мы порешим его!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Да вправду-ль так?

КИКИН.

Воистину и вправду!

Грех, сыне, нам не верить в Божий глас!

ПЯТЫЙ.

Ты сам ли слышал, отче странник?

КИКИН.

Сам

Как раз, когда народ валил из церкви
От всенощной, софийский крест в огне
Явился весь, и глас с него раздался.
Не я один, весь киевский народ
Ему внимал, и ниц все пали в страхе!

ТРЕТИЙ.

Ребята! Что-ж? Когда весь Киев-город
Тот слышал глас, так, стало-быть, уж правда.

Г О В О Р В Н А Р О Д Е .

Вестимо, правда! Значит, Годунов
Изменник! Да! изменник и колдун!
Он, стало, Божий гнев на нас накликал!
Антихрист он!

ОДИН ИЗ НАРОДА.

Эй, что вы, братцы? Полно,
Грех вам его порочить!

ДРУГОЙ.

Вправду грех!
Опричь добра, о Годунове, братцы,
Мы не слышали ничего!

КРИКИ В НАРОДЕ.

Вороны!

Что слушать их! Они за колдуна!
Крепки ли ребра? Бей того, кто будет
За вора говорить! Он хлеб наш держит!
Антихрист он! Всех наших бед заводчик!
Так порешим его! Чего тут ждать!

Слышен голос Битяговского, поющего удалую песню.

БИТЯГОВСКИЙ—поет за сценой.

«Уж ты, пьяница-пропойца, скажи,
«Что несешь ты под полою, покажи!»

ПЕРВЫЙ.

Кто там горланит? Что он на-смех, что ли,
В такую пору песню затянул?

БИТЯГОВСКИЙ—является, шапка на-
бекрень, кафтан
нараспашку.

«Из корчмы иду я, братцы, удалой,
«А несую себе я гусли под полой!»

КИКИН—к Битяговскому.

Великий грех в такую пору, чадо,
Когда на нас прогневался Господь,
Когда являет знаменья на небе,

На землю ж глад и скорби посылает,—
 Великий грех нам суете служить,
 Веселию мирскому предаваться
 И суесловием и песнопеньем
 Дьявола во аде потешать.

БИТЯГОВСКИЙ.

Красно, товарищ, сказано! Жаль только,
 Что невпопад! Когда ж и веселиться,
 Коль не теперь? Аль не слышали, братцы,
 Какую милость нам Господь явил?

Г О В О Р.

Какую? Говори! Какую милость?

БИТЯГОВСКИЙ.

А вот, ребята! слушайте! Бояре
 Князь Шуйский с Бельским—накажи их Бог!—
 Задумали—чтоб им на том свету
 В смоле кипеть!—задумали царя
 Отравой извести!

Г О В О Р.

Слышь, слышь, ребята!

Кикин делает знаки Битяговскому.

БИТЯГОВСКИЙ—не обращая на него
 внимания.

Господь греху не попустил свершиться!
 Проведал их злодейство Годунов,
 Да тот пирог, что для царя спекли,
 Собаке бросил. Та его как съела—
 Так и издохла!

Н А Р О Д.

Ах они злодеи!

Ах окаянные! Да кто—сказал ты—
 Кто спас царя? Кто бросил ему пирог?

БИТЯГОВСКИЙ.

Вестимо кто! Боярин Годунов!
 Кому ж другому? Он и днем, и ночью
 Блюдет царя! А без него давно
 Проклятый Бельский с Шуйским извели бы
 Весь царский корень!

ОДИН ИЗ НАРОДА—к Кикину.

Чтож ты говорил,
 Что Годунов изменник!

КИКИН.

Да, изменник!
 Иль даром нам Господь из-за него
 И знаменья, и голод посылает?

Тихо Битяговскому.

С ума ты, что-ль, сошел, аль пьян напился?

ВТОРОЙ—к Кикину.

Какой же он изменник, козь царя
 От смерти спас он?

ТРЕТИЙ—к Битяговскому.

Полно, так ли, брат?
 Вот странник слышал сам, как обличал
 С креста глас Божий Годунова!

БИТЯГОВСКИЙ.

Странник?

Какой? Вон этот, что ли? Ха-ха-ха!
 Хорош он странник! Он Прокофий Кикин,
 Рязанский дворянин! Мы с ним частенько
 По кружалам таскались! Из Рязани
 Он дале не ходил, как до Москвы!

Ударяет Кикина по плечу.

Прокофий Силыч, ты кого морочишь?
Вишь, нарядился Лазарем каким!

К И К И Н—тихо к Битяговскому.

Рехнулся ты?

Б И Т Я Г О В С К И Й—тихо Кикину.

Ты за кого стоишь?

К И К И Н—тихо к Битяговскому.

Как за кого? за Бельского! Ведь Бельский
Нас торговал!

Б И Т Я Г О В С К И Й—презрительно.

Пораньше было встать!

К И К И Н.

Так вот ты как, Иуда? Погоди-ка:
Я Бельскому скажу!

Б И Т Я Г О В С К И Й.

Небось, не скажешь!
Вязать его, ребята! Шуйский с Бельским
Его к нам подослали!

К И К И Н.

Нет, неправда.

Его вяжите! Он от Годунова
Сюда подослан!

Н А Р О Д.

Кто их разберет!
Один из двух морочит нас! Ребята!
Что долго думать! Вздернем их обоих!
—Зачем обоих?—Будет одного!—

Которого?—А первого!—Второго!—
Нет, первого!

Слышен звон бубен. Григорий Годунов
показывается верхом, с двумя бирючами.
За ними валит новая толпа.

Н А Р О Д.

Постой, ребята! тише!
Боярин едет с бирючами! Смирно!
Он говорить к нам хочет! Тише! Слушать!
Он говорит.

Г Р И Г О Р И Й Г О Д У Н О В—говорит с коня.

Зареченские люди
Московских черных сотен и слобод!
Слуга царев, его боярин ближний,
Борис Феодорович Годунов,
Шлет вам поклон! Скорбя о вашей доле
И ведая все ваши тесноты,
Поветрие и ржи дороговизну,
Он хлебные запасы на Москве
Какие есть, из собственной казны
Скупает все и завтра приказал
Раздать их вам безденежно, а вас
Молиться просит о его здоровье!

Н А Р О Д.

Отец он наш!—Дай Бог ему здоровья!
Кормилец наш!—Слышь, Годунов нам даром
Хлеб раздает!—Спаси его Господь!—
Воздай ему сторицей! Да живет
Боярин Годунов!—А кто сказал,
Что он нам враг?—Кто подымал нас, братцы,
На Годунова?—Где он, вор-собака?
Да мы его на ключья разнесем!

Кикин хочет бежать; народ бросается на него с криком.
Бей, бей его! Лови!

Б И Т Я Г О В С К И Й—заложа руки за пояс.

Что, дурень, взял?

Вперед смотри, откуда ветер дует!

Внутренние покои царя.

Ночь. ЦАРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА, царевна ИРИНА ФЕДОРОВНА и МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА глядят в окно. На звездном небе вырезаются башни Кремля и церковные главы. Между церквями Благовещения и Ивана Великого видна комета.

МАРИЯ ГОДУНОВА—к Ирине.

Золушка! смотри, как далеко
Звезда свой хвост раскинула! Как раз
Над городом пол-неба охватила!

ИРИНА.

Она как будто ярче с каждой ночью
И больше все становится!

Входит царевич Федор Иванович.

ФЕДОР—дергая Ирину за рукав.

Оставь,

Аринушка! Довольно! отойди!
Глядеть на это долго не годится;
Оно ведь не к добру!

ЦАРИЦА—к Федору.

Где государь?

Ужели все на знамение смотрит?

ФЕДОР.

Да, матушка. Стоит все на крыльце
И смотрит на звезду. Мне с ним хотелось
Заговорить, но страшно было. Он

Все молча смотрит, а кругом бояре
Очей поднять не смеют на него.

Ц А Р И Ц А—задумчиво.

Уже который вечер ходит он
Все на звезду смотреть.

И Р И Н А.

И каждый раз
Все пасмурней приходит и ни слова
Не вымолвит!

Ф Е Д О Р.

Нерадостные вести
Его тревожат.

И Р И Н А.

Правда ли, что хан
Уж подошел к Оке?

Ф Е Д О Р.

Борис сказал,
Что точно правда. Страшно и подумать!
Я вот хотел бы к Троице пешком
Отправиться, молебен отслужить,
Да как спросить у батюшки, не знаю.

И Р И Н А.

Ах, Господи! беда со всех сторон!
Уж не за тем ли и звезда явилась?

М А Р И Я Г О Д У Н О В А.

Бог весть! Недавно привезли сюда
Волхвов и ворожей, которых царь
Собрать велел, чтобы они ему
Поведали, зачем она явилась.

Ц А Р И Ц А.

Волхвов? Помилуй Бог! Царь видел их?

Ф Е Д О Р.

Нет, матушка; но говорил Борис,
Что уж они гадали всем собором
И батюшке сегодня принести
Должны ответ.

И Р И Н А.

Он, говорят, послал
За схимником каким-то?

Ф Е Д О Р.

Да, Арина:

Я от Бориса слышал, что послал.
То муж святой. Уж тридцать слишком лет
Затворником живет он. У него
Царь-батюшка спросить совета хочет.

Ц А Р И Ц А.

Дай Бог, чтоб схимник дал ему совет!

И Р И Н А.

Дай Господи! Зачем бы государю
Сбирать волхвов и на душу брать грех!

Ф Е Д О Р—озираясь.

Ирина, те! В сенях шаги как будто
Я батюшкины слышу!

С Т О Л Ь Н И К—поспешно отворяет дверь
и говорит шопотом.

Царь идет!

Иоанн входит, опираясь одною рукою на посох, другою на плечо Бориса Годунова. За ним бояре.

И О А Н Н—к Федору и женщинам.

Ступайте все сюда! Все подойдите
И слушайте!

Садится.

Я знамение понял!

Волхвы, которых я собрать велел,
Мне нового не скажут—сам я понял!

Молчание. Федор тихонько подталкивает Ирину.

И Р И Н А—боязливо к Иоанну.

Царь-батюшка... дозвожь тебя спросить,
Что понял ты?

И О А Н Н.

Вы видите звезду?

Она мне смерть явилась возвестить!

Ф Е Д О Р—бросаясь на колени.

Помилуй, батюшка! Помилуй, что ты!

И О А Н Н.

Встань и не хнычь. Еще успеешь хныкать.
Сперва принять ты должен государство.
Встань, говорю тебе!

Женщины поднимают вопль.

Молчите, бабы!

Успеете! Позвать ко мне врача!
Царица Марья! я с тобой намедни
Негоже говорил—забудь о том.
Сын Федор! ты в тяжелый, трудный час
Восходишь на престол—ты думал ли,
Что будешь делать, как меня не станет?

Ф Е Д О Р.

Царь-батюшка! Когда ты нас покинешь,
Не знаю, как и быть!

И О А Н Н.

Ты должен знать!
Ты скоро царь. Не век на колокольне
Тебе звонить. Ты продолжать ли будешь
Войну, иль мир с Батуром учинишь?

Ф Е Д О Р.

Как, батюшка, прикажешь!

И О А Н Н.

По грехам
Мне наказание послано от Бога!
Иван, Иван! Мой старший сын Иван!
Ты мне не так бы отвечал!—Врача!

Входит врач Якоби.

А, вот ты! Что? К чему мне послужила
Твоя наука? Умереть я должен!
Скажи, когда умру я? Говори!
Я знать хочу!

Я К О Б И—пощупав пульс.

Великий царь, ты болен,
Но умирагь тебе причины нет!

И О А Н Н.

Неправда! я умру—я знаю верно!
Кровавая звезда—я разве слеп?
Я понял все!

Я К О Б И.

Когда своим ты мненьем,
Великий царь, себе не повредишь,
Ты будешь здрав. Тебе я голоею
Готов за это отвечать.

И О А Н Н.

Ты лжешь!

Тебя бояре подкупили; Кубровский
И все мои злодеи подкупили,
Чтоб умер я без покаянья. А?
Кто подкупил тебя?

Я К О Б И.

Великий царь,
Твой мозг от долгих бдений раздражен,
И кровь твоя воспалена. Дозволь
Тебе напиток на ночь приготовить,
Он освежит тебя.

И О А Н Н.

Я не умру
Без покаянья! Слышишь? Я успею
Покаяться!

К боярам.

Успею—вам на зло!
Позвать волхвов! От них узнаю я,
Когда мой час придет. А до того
Я царь еще! Я наказать сумею
Того из вас, кто хочет, чтоб я умер
Как пес, без покаянья!

Входят два волхва.

Вот они!

Зачем вас только двое? Где другие?

I - й волхв.

Все вместе, царь, мы в Рафлях и в Зодес
Три дня читали. Ныне наш собор
Нас двух к тебе с ответом присылает.

И О А Н Н.

Ну—что же?

2 - й волхв.

Царь, нам страшно говорить!

и о а н н.

Я знаю все. Мне смерть? Скажите прямо!

1 - й волхв.

Так, государь.

и о а н н.

Когда?

1 - й волхв.

В Кириллин день.

2 - й волхв.

В Кириллин день—осьмнадцатого марта.

и о а н н—про себя.

Осьмнадцатого марта! Это скоро!

Я думал позже—я не ждал так скоро!

К волхвам.

Откуда вы?

1 - й волхв.

Я родом из Корелов.

2 - й волхв.

Я из Литвы.

и о а н н.

А кто вас научил
Кудесничать и звезды толковать?

1 - й волхв.

Из рода в род к нам перешло от предков.

И О А Н Н.

Вы христиане?

2 - й волхв.

Нас крестили, царь.

И О А Н Н.

Проклятые! Вы знаете ль, что наша
Святая церковь ворожбы не терпит?

1 - й волхв.

По твоему лишь царскому указу
Гадали мы.

И О А Н Н.

По моему указу
Волхвов казнят! Зловещие уста
Я вам живым велю землей засыпать!

2 - й волхв.

Мы не виновны, царь. Не наша власть
Из наших уст тебе вещает.

И О А Н Н.

Чья же?

1 - й волхв.

Не спрашивай.

2 - й волхв.

Не спрашивай нас, царь!
Ты знаешь сам.

И О А Н Н.

Нет! Бог свидетель мне,
От власти той я отрекаюсь. Вас же,

Богоотступников, я выдам церкви!
Сковать обоих и с другими вместе
Отвести в тюрьму!

Волхвов уводят.

Осьмнадцатого марта!

Немного дней осталось мне. Явиться
Перед Судьей пришла пора. Но я
Не дам моим врагам торжествовать
И с миром все мои покончу счеты!

К Годунову.

Борис! Сходи в опочивальню—там
На полнице лежит, под образами,
Начатый мной синодик. Принеси
Его сюда.

Годунов уходит. Иоанн продолжает, косясь на бояр.

Ни одного из тех,
Которых я казнил за их измены,
Я не оставлю без поминовенья—
Ни одного! Последнему холопу
Назначу вклад за упокой!—Что взяли!

Годунов возвращается с бумагою.

Поди сюда. Так. Это тот синодик.
Прочти мне вслух—возьми перо—и если
Кого-нибудь еще припомню я,
Того ты впишешь!

Г О Д У Н О В—берет перо и читает.

«Упокой, Господь,
«Твоих рабов: боярина Михайлу,
«Окольных Ивана и Петра,
«Боярина Василия с женою,
«Да их холопей тридцать человек.
«Помилуй воеводу князь-Григорья
«С княгинею, с двумя их дочерьми,
«Да с малолетним сыном, а при них
«Холопей их сто двадцать человек.

«Боярина князь-Якова с княгиней
 «Мариєю, с княжной Елизаветой,
 «С княжатами с Никитой и с Иваном,
 «Да их холопей сорок человек.
 «Игуменов Корнилия, Васьяна,
 «Архиерея Леонида, с ними ж
 «Пятнадцать иноков...»

И О А Н Н.

Постой—пятнадцать?—
 Их было боле—двадцать напиши!

Г О Д У Н О В—пишет и продолжает.

«Помилуй, Господи, и упокой
 «Крестьян опальных сел и деревень
 «Боярина Морозова, числом
 «До тысячи двухсот! Трех нищих старцев,
 «Затравленных медведем. Девять женок,
 «Что привезли из Пскова. Всех сидельцев,
 «Которые сдалися королю
 «И были им отпущены на волю,
 «Числом две тысячи... Новгородцев,
 «Утопленных и избиенных,
 «Двенадцать тысяч, их же имена
 «Ты веши, Господи!...»

И О А Н Н.

Постой!—За дверью
 Там кто-то говорит!

Бельский выходит и тотчас возвращается.

Б Е Л ь с к и й.

Дворецкий твой
 Из слободы приехал, государь.

И О А Н Н.

Об эту пору? Ночью? Что случилось?
Позвать его!

Входит дворецкий.

Зачем приехал ты?

Д В О Р Е Ц К И Й.

Царь-государь! Гнев Божий нас постиг!
Вчерашнею утра в твой царский терем
Ударил гром и сжег его до тла!

И О А Н Н.

Теперь? Зимой?

Д В О Р Е Ц К И Й.

Гнев Божий, государь!
В морозное, безоблачное утро
Нашла гроза. В твою опочивальню
Проникла с треском молонья—и разом
Дворец вспылал. Никто из старожил
Того не помнит, чтоб когда зимою
Была гроза!

И О А Н Н про себя.

Да! Это Божий гнев!

В покое том я сына умертвил—
Там он упал—меж дверью и окном—
Раз только вскрикнул и упал—хотел
За полог ухватиться, но не мог—
И вдруг упал—и кровь его из раны
На полог брызнула...

Вздрыгнув.

Что это было?

Борис! оставь, оставь теперь синодик—
Мы после кончим! Слышите? Что там
Скребет в подполье? Слышите? Еще!
Еще! Все ближе! Да воскреснет Бог!
Я царь еще! Мой срок еще не минул!

Я царь еще—покаяться я властен!
Ирина, Федор, Марья! Станьте здесь—
Друг подле друга. Ближе, так! Бояре!
Все рядом станьте здесь передо мной—
Чего боитесь? Ближе! Я у всех—

кланяется в землю.

У всех у вас прощения прошу!

Б Е Л ь с к и й тихо к Шуйскому.

Помилуй нас Господь!

ш у й с к и й тихо к Бельскому.

Остережемся—

Быть-может, он испытывает нас!

И О А Н Н стоя на коленях.

Вы, верные рабы мои и слуги!
Меж вами нет ни одного, кого б
Не оскорбил я делом или словом!
Простите ж мне! Ты, Бельский,—ты, Захарын,—
Ты, князь Мстиславский,—ты, князь Шуйский,—ты...

ш у й с к и й.

Помилуй, государь! Тебе ль у нас
Прощения просить?

И О А Н Н.

Молчи, холоп!

Я каюсь и унижаться властен,
Пред кем хочу! Молчи и слушай! Каюсь:
Моим грехам несть меры ни числа!
Душою скотен—разумом растлен—
Прельстился я блещаньем багрянницы,
Главу мою гордыней осквернил,
Уста—божбой, язык мой—срамословьем;
Убийством—руки и грабленьем злата,

Утробу—объядением и пьянством,
 А чресла—несказуемым грехом!
 Бояре все! Я вас молю—простите,
 Вы все простите вашему царю!

Кланяется в землю.

ЗАХАРЬИН.

Царь-государь! Когда то Божья воля,
 Чтоб ты от мира в вечность отошел,
 То о делах теперь подумать должен
 И о войне, которую оставишь
 В наследство сыну, а грехи твои
 Мы все тебе усердно отпускаем
 И Господа все молим за тебя!

ИОАНН вставая.

Ты прав, старик. Сын Федор, подойди—
 Немного дней—и ты на царство сядешь—
 Услышь теперь последний мой наказ:

Опускается в кресла.

Цари с любовью, и с благочестьем,
 И с кротостью. Напрасно не клади
 Ни на кого ни казни, ни опалы.
 Моим врагам, которыми от царства
 Я прогнан был и, аки бедный странник,
 Искал себе приюта на Руси,
 Не мсти по мне—Всевышний нас рассудит!
 Мою царицу, мачеху твою,
 Блюди и милуй; с Дмитрием же, с братом,
 Будь за-один; не захоти никак
 Присвоивать к себе его удела,
 Зане же Каин Авеля убил,
 Наследства же не взял братоубийца.
 Войну с Литвой старайся кончить миром
 И силы все на хана устреми.

Советуйся с Борисом; верь ему;
Он ведает мои предначертанья
И в думном деле мной самим от млада
Был вразумлен. На первый раз тебе
Он делатель изрядный будет. После ж
Делам посольским, ратным и судейским
Сам навывай, чтоб не тебе другие,
А ты б другим указывал во всем.
Опричнину ж ты снова ль учредишь,
Иль будешь всей землею государить—
В твоей то воле—ты рассудишь сам,
Как то тебе и брату прибыльнее,
А образец вам учинен готов.
Ты все ли понял?

ФЕДОР.

Батюшка! Даст Бог,
Ты не умрешь! Даст Бог, еще меня ты
Переживешь молитвами моими!
А мне куда на царство? Сам ты знаешь,
Я не готовился к тому!

И О А Н Н гневно.

Феодор!

Тебя не спросят: нелюбо иль любо—
Ты за меня на царство должен сесть,
Когда меня не станет!

ФЕДОР.

Не гневись,
Царь-батюшка—но я молю тебя—
Поставь другого! Мало ль на Руси
Людей, меня достойнейших и лучших
А я, царь-батюшка, доволен был бы
И небольшим уделом.

И О А Н Н.

Пономарь!

Я говорю с тобой как с мужем, ты же
 Как баба отвечаешь! Горе, горе!
 Сыноубийце мстит за брата брат!
 Иван, мой сын! Мой сын, убитый мною!
 Я для того ль всю жизнь провел в борьбе,
 Сломил бояр, унизил непокорство,
 Вокруг себя измену подавил
 И на крови наследный мой престол
 Так высоко поставил, чтобы вдруг
 Все рушилось со мной!

Григорий Нагой входит с бумагами.

Г Р. Н А Г О Й.

Великий царь,

Две грамоты к тебе!

И О А Н Н.

Отдай Борису—

Пусть он прочте!.

Г О Д У Н О В просмотрев обе грамоты.

Из Серпухова пишут,

Великий государь, что чрез Оку
 Переправляться хан уж начинает,
 А из Казани—что кругом восстала
 Вся Луговая Черемиса вместе
 С ногами.

И О А Н Н.

Нет! Столько разом бед
 Упасть не может на одну главу!
 Не верю! Нет! Подай сюда листы!

Годунов подает ему грамоты; он долго
 в них смотрит, роняет и остается не-
 движимым. Молчание. Входит стольник
 и шепчет на ухо Бельскому.

Б Е Л Ъ С К И Й к Иоанну.

Великий царь! К тебе пришел тот схимник,
Которого ты привести велел.

И О А Н Н вздрогнув.

Впустить его. Вы все ступайте прочь—
Я с ним хочу наедине остаться.

Все выходят.

И О А Н Н один.

Всевышний Боже! Просвети мой разум!

Остается погружен в размышления. Через
несколько времени входит схимник. Иоанн
встает и преклоняет пред ним главу.

Благослови меня, отец!

С Х И М Н И К—благословляет его.

Во имя

Отца и Сына и Святого Духа!

И О А Н Н садясь.

Я много слышал о тебе. Ты долго
Затворником живешь. В глубокой келье
Свой слух и зренья суете мирской
Ты заградил. Таким мужам, как ты,
Господь дарит чудесное прозренья
И их устами истину гласит.

С Х И М Н И К.

Так, сын мой; есть в Минеях Четиях
Тому примеры; но до тех мужей
Мне далеко.

И О А Н Н.

Давно ты схиму принял?

С Х И М Н И К.

В тот самый год, когда ты, государь,
Казань завоевал; а сколько лет
Тому прошло—не ведаю.

И О А Н Н.

Тому
Уж тридцать лет. И с самой той поры
Ты заперся от мира?

С Х И М Н И К.

Я сегодня
Его увидел снова в первый раз.
Из подземельной келии моей
Меня насильно вывели.

И О А Н Н.

Прости,
Святой отец, что потревожил я
Твое уединенье и молитвы,
Но мне был нужен твой совет. Скажи,
Наставь меня, как отвратить мне гибель
От всей земли и от престола?

С Х И М Н И К.

Гибель?

Какую гибель?

И О А Н Н.

Разве ты не знаешь?

С Х И М Н И К.

Не знаю, сын мой. Вести до меня
Не доходили.

И О А Н Н.

Отче, за грехи
 Господь меня карает. Королю
 Он одоление надо мной послал—
 Ливонию воюют шведы—хан
 Идет с ордою на Москву—ногаи
 И черемисы бунтом восстают—
 Что делать мне?

С Х И М Н И К.

Великие ж с тех пор
 Настали перемены! Ты в то время
 Врагам был грозен. Ты стоял высоко;
 Никто не смел подняться на тебя;
 Мы ж знаменья не раз воспоминали,
 Которым при рождении твоём
 Свидетелями были: в самый час,
 Как ты рождался, гром ударил в небе,
 Весь день гремел при солнечном сияньи,
 И было так по всей Руси; и много
 Отшельников пришло из разных стран
 Предвозвестить твое величье
 И колыбель твою благословить.

И О А Н Н.

Так, мой отец. И милостив был долго
 Ко мне Господь; но ныне от меня
 Свою десницу отнял Он. Престол мой
 Шатается; враги со всех сторон
 Меня теснят!

С Х И М Н И К.

Пошли навстречу им
 Твоих вождей. Довольно у тебя
 Есть воевод. Они тебе приыкли
 Языцей покорять.

И О А Н Н.

Святой отец,
Вождей тех нет, которых ты знавал.

С Х И М Н И К.

Ни одного? А где ж Горбатый-Шуйский,
Князь Александр Борисович, который
Разбил на Волге князя Япанчу?

И О А Н Н.

Он изменил мне—и казнен.

С Х И М Н И К.

Горбатый?

Он верный был тебеслуга. А где
Князь Рязанский тот, что столько славных
Побед над ханом одержал?

И О А Н Н.

Казнен.

С Х И М Н И К.

А Федоров, конюший твой, который
В земле Рязанской сокрушил орду
И полонил царевича Мамайя?

И О А Н Н.

Он мной убит за то, что захотел
Похитить у меня престол мой.

С Х И М Н И К.

Царь,

В твоих речах я истины не слышу!
Все те мужи тебе служили верно—
Я знал их всех. Но у тебя остался
Боярин князь Михайло Воротынский?

Когда Казань мы брали, первый он
Крест водрузил на вражией стене.
Врагам он вedom.

И О А Н Н.

Он на пытке умер.

С Х И М Н И К.

Князь Воротынский!—Царь! А где же Пронский,
Князь Турунгай, который в славной битве
Под Полоцком Литву разбил?

И О А Н Н.

Утоплен.

С Х И М Н И К.

Да будет милостив к тебе Господы!..
Но Курбский, князь Андрей Михайлыч, твой
Сподвижник добрый в славный день казанский?

И О А Н Н.

Не спрашивай о нем! Меня он бросил—
Мне изменил—и ко врагам моим
Ушел в Литву.

С Х И М Н И К.

В былое время, помню,
Тебя любили; от тебя никто
Не уходил; из дальних стран стекались
Тебе служить. Но где ж князя: Щербатый?
Щенятев? Оболенский?

И О А Н Н.

Мой отец,

Не называй их—их уж нет.

С Х И М Н И К.

А Кашин?

А Бутурлин? Серебряный? Морозов?

И О А Н Н.

Все казнены.

С Х И М Н И К.

Как? Все до одного?

И О А Н Н.

Все, отче,—все.

С Х И М Н И К.

Всех погубил ты?

И О А Н Н.

Всех.

Молчание.

Я каялся, отец мой. Мне недолго
Осталось жить—я должен умереть—
И срок уж мне назначен.

С Х И М Н И К.

Кто тебе

Назначил срок?

И О А Н Н.

Не спрашивай, отец мой! —
Не спрашивай, но вразуми меня,
Как царство мне спасти?

С Х И М Н И К.

Когда б ты не был

И слаб, и хвор, я бы сказал тебе:
Встань, государь! И за святое дело
Сам поведи на брань свои полки!
Но ты согбен недугом—я в тебе
Не узнаю воителя Казани,
И должен ты другому воеводство
Свое вручить, такому, чье бы имя
Одушевило Русь. Твой сын Иван

Теперь быть должен возмужалый воин—
Пошли его.

И О А Н Н—быстро вставая.

Монах! Ты для того ли
Его назвал, чтоб издеваться мне?
Ты смел назвать Ивана? Я тебе
Велю язык твой вырвать!

С Х И М Н И К.

Царь, твой гнев
Не страшен мне, хотя и непонятен.
Уже давно я смерти жду, мой сын!

И О А Н Н—садясь.

Прости меня! Прости, отец святой!
Но неужель ты ничего не слышал?
Ужель в твою обитель никакая
Весть не проникла?

С Х И М Н И К.

Дверь в мою обитель
До дня сего заделана была,
И проникал в глухое подземелье
Лишь дальний гул Господней непогоды
Да слабый звон святых колоколов.

И О А Н Н.

Отец мой,—я исполнить не могу
Совета твоего: мой сын Иван—
Преставился!

С Х И М Н И К.

Кто ж твой наследник ныне?

И О А Н Н.

Второй мой сын, Феодор; но и телом,
И духом слаб он. Нечего и думать,
Ждать от него пособия иль дела!

С Х И М Н И К.

Тогда—у Бога помощи проси!

И О А Н Н.

И никакого наставленья боле
Ты мне не дашь?

С Х И М Н И К.

Царь, прикажи меня
Отвесь обратно в келию мою.

И О А Н Н—вставая.

Святой отец; молися за меня!

С Х И М Н И К.

Всемиловитый Бог да ниспошлет
Мир совести твоей!

И О А Н Н—провождает схимника и,
отворив дверь, говорит:

Святого старца

Отвесь опять в его обитель! Вы же
Все можете войти!

Федор и бояре входят.

И О А Н Н—садится и говорит,
помолчав.

Мстиславский! Бельский!
Захарьин! Годунов! Целуйте крест,
Что будете Феодору служить
До смерти и до крови!—Ты ж, Феодор,

Им четверым доверься. Ничего
 Не начинай без их совета. Если ж
 Господь дозволит, чтобы князь Иван
 Петрович Шуйский уцелел во Пскове,
 Он будет пятый. Им я завещаю
 С тобою вместе Русью управлять.

Подает им свой нагрудный крест.

Целуйте крест!

М С Т И С Л А В С К И Й, З А Х А Р Ъ И Н, Б Е Л Ъ С К И Й
 И Г О Д У Н О Б —прикладываясь ко кресту.

Целуем, государь!

И О А Н Н.

Послов в Литву отправить сею ж ночью
 И добрый мир, во что бы то ни стало,
 Хотя на срок с Батуром учинить.

«Челом-де быю возлюбленному брату
 «Стефану королю»—и полный титул
 Весь прописать его, в конце ж назвать
 Владетелем ливонским—так он хочет:—
 «Землею-де Ливонской быю челом.

«Возлюбленному брату и прошу
 «Оставить мне один лишь город Юрьев,
 «А достальное будет все его!»

Ему же уступаю города:

Велиж, Усвят, Озорище и Полоцк,
 Изборск, Себеж, Холм, Заволочье, Остров,
 Гдов, Невель, Луки, Красный и другие
 Все города, им взятые у нас!

Ропот между боярами.

З А Х А Р Ъ И Н.

Помилуй, государь! Такое стыдно
 Нам заключать условие!

М С Т И С Л А В С К И Й.

Государь!

Вели нам всем итти на бой с Батуром,
Лишь не вели срамиться нам!

Б Е Л Ь С К И Й.

Дозволь,

Великий-царь, мы все именье наше
Пожертвуем!

В С Е Б О Я Р Е—говорят наперерыв.

Все ляжем за тебя!

Все продадим! Заложим земли наши!
До смерти постоим! Грольем до капли
Всю нашу кровь! Умрем до одного!
Лишь наших русских, кровных городов
Не прикажи нам отдавать!

И О А Н Н.

Молчите!

Я разве рад тому?—Нельзя иначе;
Забыли вы, что хан уж под Москвой?
Что черемисы поднялись? Что шведы
Грозят итти на Новгород?

З А Х А Р Ь И Н.

Но, царь,

Псков наш еще! Доколе он не сдастся,
Батур не может тылом стать к нему!
Он дале не пойдет! В его полках
Мятеж и мор, безденежье и голод—
Пожди еще—пожди, и скоро он,
Осаду сняв, уйдет и все свои
Завоеванья нам отдаст!

И О А Н Н.

Нельзя!

Нельзя мне ждать! Кровавая звезда
 Меня зовет! От Федора же боле
 Еще Батур потребует! Нельзя!

Б Е Л Ь С К И Й.

Но, государь, ты слышишь: бунт и голод,
 И мор в их войске! Неужель теперь,
 Теперь—когда напором дружным можно
 Их разгромить—мы им уступим столь
 Владений русских?

И О А Н Н.

Нам не победить!

Забыли вы, что не ему, а мне
 Вон та звезда погибель предвещает?

З А Х А Р Ь И Н.

Царь-государь! Когда б и в самом деле
 Ты сам погиб—зачем же хочешь ты
 И Русь еще губить с собою?

М С Т И С Л А В С К И Й.

Зачем

Унизить хочешь нашу честь?

И О А Н Н—гордо.

Когда,

Мои грехи пред смертью искупая,
 Я унижаюсь—я, владыка ваш—
 Тогда не вам о вашей чести думать!
 Ни слова боле!—Шуйский! ты к рассвету
 Мне грамоту к Батуру изготовишь,
 А Пушкину с товарищи велишь,
 Чтобы, чем-свет, они сбирались ехать;

Чтобы они в своих переговорах
 Вели себя смиренно, кротко, тихо,
 Чтобы сносили брань и оскорбленья
 Безропотно—чтоб все сносили—все!

Б О Я Р Е.

Нет, государь! Нет! Этого нельзя!
 Ты в наших головах, в имени нашем,
 Во всем волен! Но в нашей земской чести
 Ты не волен! Нет, государь! Такого
 Никто наказа не подпишет!

И О А Н Н—вставая.

Так-то

Присягу бережете вы свою?
 Так помните Писанье? В оный день,
 Когда хотел с престола я сойти,
 Зачем меня собором вы молили
 Остаться на престоле? Иль в тот день
 Я власть от вас условную приял?
 Иль я не тот же царь, который вам
 От Бога дан и вами ж избран снова?
 Иль есть у вас иной ответ, как только
 Повиноваться мне? Или, быть может,
 Так мало дней осталось мне жить,
 Что уж не стоит мне повиноваться?
 Клятвопреступники! Мой срок не минул!
 Я царь еще! Кто смеет говорить,
 Что я не царь? Ниц! В прах передо мною!
 Я ваш владыко!..

Шатается.

Г О Д У Н О В—подхватывая его.

Государю дурно!
 Позвать врачей!

И О А Н Н—поддерживаемый Годуновым.

Под страшной смертной казнию,
Послов, немедля, снарядить! Велеть им,
Чтоб все сносили—все терпели—все—
Хотя б побои!

Бояре удаляются.

Боже всемогущий!
Ты своего помазанника видишь—
Достаточно ль унижен он теперь!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ.

Дом Годунова.

Годунов и жена его провожают с поклонами царевича
ФЕДОРА.

ГОДУНОВ.

Прости ж, царевич! Много благодарны
Тебе за честь! Да не кручинься боле!
Ты видишь—вот Кириллин день настал,
Беды ж с собою не принес: напротив,
Сегодня стало государю легче,
И добрые все вести к нам пришли:
Царев гонец успел его посольство
Вернуть назад; разлив мешает хану
Прейти Оку; а что король со Пскова
Осаду снял, та весть еще и прежде
Оправила царя! Пожди немного,
И скоро здрав он будет.

МАРИЯ ГОДУНОВА.

Государь!

Куда ж спешешь ты? Я ведь и закуской
Попотчевать тебя-то не успела!

ФЕДОР.

Уволь, невестушка! Хотя и легче
Сегодня стало батюшке-царю,
А все на сердце как-то беспокойно.
Вся на тебя моя надежда, шурин;

Не отрекись от слова своего!
 Когда бы что, не дай Господь, случилось,
 Я буду как в лесу! Тогда уж ты мне
 Указывай, что делать!

ГОДУНОВ.

Я, царевич,
 Тебе слуга и верный твой холоп;
 Но если б что случилось, посмотри:
 Мне не дадут тебе служить; все будут
 Меня чернить!

ФЕДОР.

Я не поверю им!
 Отец тебя мне слушаться велел,
 И на тебя во всем я положуся.
 Прости ж, Борис! Прости же, дорогая
 Невестушка! Прошу не провожать!

Уходит сопровождаемый Годуновым.

МАРИЯ—одна.

О, Господи! Когда бы этот день
 Скорей прошел! Что муж ни говори,
 А сам он неспокоен. Мне ж всю ночь
 Камень драгоценное все снилось
 И крупный жемчуг—и руками царь
 Все рылся в нем и яхонты, любуясь,
 Пересыпал. К беде, а не к добру
 Такие сны!

Задумывается.

ГОДУНОВ—возвращается и смотрит
 на нес.

Мария, что с тобою?

МАРИЯ.

Прости меня! Мне страшен этот день.
 Ворожен...

Г О Д У Н О В

Ворожеи солгали;
Царь стал бодрей. Я видел сам его.

М А Р И Я

Однако если б—если б не солгали
Ворожеи?

Г О Д У Н О В—понижая голос.

Когда бы то случилось—
Скажи, Мария—мы теперь одни—
Ужели б ты?

М А Р И Я.

Нет, господин мой, нет!
Не за него, а за тебя мне страшно!

Г О Д У Н О В.

Как? За меня?

М А Р И Я.

Не говорил ли Федор,
Что если что случится, он не знает,
Как быть ему? Что должен будешь ты
Ему во всем указывать? Борис!
Что, если вдруг сегодня на тебя
Падет вся тяжесть государства? Если
За мятежи, за голод, за войну,
За все, за все перед землею будешь
Ты отвечать?

Г О Д У Н О В.

Когда бы в самом деле
Случилось то, чего боишься ты,
Не слабою рукою б я тогда
Приял бразды! Не власти я страшуся,
Я чувствую в себе довольно силы
Русь поддержать в годину тяжких бед!

Нет, я страшусь, что выпадет на долю
 Не полная мне власть. Правитель царства,
 Каков ни будь он—тень лишь государя;
 Он с завистью других бороться должен
 И мысль свою не может воплотить
 Заветную—всецельно, без ущерба,
 Как мог бы я, когда бы не в подданстве,
 А на престоле был рожден!

МАРИЯ.

О, будем
 Мы Господа благодарить за то,
 Что не высоко рождены. Ужасен
 Ответ царей!

ГОДУНОВ.

А этого царя
 Ответ еще ужасней будет. Но
 Напрасно ты тревожишься. Недуг
 Его прошел, и много лет, быть может;
 Еще пройдет, пока ему придется
 Свой дать ответ.

МАРИЯ.

Ты беспокоен сам!

ГОДУНОВ.

Спокоен я—все к лучшему—солгали
 Ворожеи. Поди к себе, Мария,
 Оставь меня; мне дело есть.

Мария уходит. Годунов отворяет боковую
 дверь и впускает двух скованных волхвов.
 Потом садится и смотрит на них молча.

ГОДУНОВ—значительно.

Сегодня
 Кириллин день, осьмнадцатое марта!

1 - й волхв.

Так, государь.

г о д у н о в.

Царю сегодня лучше.

2 - й волхв.

Спаси его Господы!

г о д у н о в.

Вы, стало быть,
Ошиблися, когда ему сегодня
Кончину предсказали?

1 - й волхв.

Что мы в звездах

Прочли, то и сказали.

г о д у н о в.

Отчего же
Так скоро спал с него недуг?

1 - й волхв.

Не знаем;

Но долог день, и солнце не зашло.

Молчание.

г о д у н о в.

А обо мне, как я вам указал,
Гадали вы?

1 - й волхв—озираясь.

Гадали, государь.

г о д у н о в.

Вы можете здесь говорить открыто—
Нас не услышат. Что узнали вы?

I - й волхв.

Сплетаются созвездия твои
С созвездьями венчанных государей,
Но три звезды покаместь затмевают
Величие твое. Одна из них
Угаснет скоро.

Г О Д У Н О В.

Говори яснее!

I - й волхв.

Чем дале путь твой стелется, тем шире,
Тем ярче он.

Г О Д У Н О В.

Куда он приведет?

2 - й волхв.

Чего давно душа твоя желала,
В чем сам себе признаться ты не смел—
То сбудется.

Г О Д У Н О В.

Волхвы! Скажите прямо,
Что ожидает в будущем меня?

О Б А В О Л Х В А—становятся на колени.

Когда на царский сядешь ты престол,
Своих холопей помяни, боярин!

Г О Д У Н О В—вставая.

В уме ли вы!

I - й волхв.

Так выпало гаданье.

Г О Д У Н О В.

Тс! Тише! Тише! Стены нас услышат!

Подходит к дверям, осматривает их
и останавливается перед волхвами.

Кудесники! Когда б я мог подумать,
Что вы теперь морочите меня,—
Для вас на свет бы лучше не родиться!

1 - й волхв.

Мы говорим, что видим. Мы читали
В небесных знаках; прочие ж на кровь
И дым гадали, и во мгле туманной
Все на престоле видели тебя
В венце и в царских бармах...

Г О Д У Н О В.

Тише, тише!

Когда случится то, что вы сказали?

1 - й волхв.

Когда—не знаем.

Г О Д У Н О В.

Много ли мне лет
Царить придется?

2 - й волхв.

Твоего царенья
Семь только будет лет.

Г О Д У Н О В.

Хотя б семь дней!
Но чем достигну я верховной власти?

1 - й волхв.

Не ведаем.

Г О Д У Н О В.

Кого бояться мне?

2 - й волхв.

Не спрашивай.

Г О Д У Н О В.

Я знать хочу, кто главный
Противник мой?

1 - й волхв.

Темны его приметы.

Г О Д У Н О В.

Скажите их!

1 - й волхв.

Он слаб, но он могуч.

2 - й волхв.

Сам и не сам.

1 - й волхв.

Безвиновен перед всеми.

2 - й волхв.

Враг всей земле и многих бед причина.

1 - й волхв.

Убит, но жив.

Г О Д У Н О В.

Нет смысла в сих словах!

1 - й волхв.

Так выпало гаданье. Боле знать
Нам не дано.

Г О Д У Н О В.

С меня пока довольно.
В темницу вас обратно отведут;

Я ж во-время вас выпустить велю
И награжу по-царски. Но смотрите!
Приказываю вам под смертной казною
Самим забыть, что вы сказали мне!

Отворяет дверь—волхвы уходят.

Г О Д У Н О В—один.

«Чего давно душа моя желала,
В чем сам себе признаться я не смел!»
Да, это так! Теперь я вижу ясно,
Какая цель светила мне всегда!
Теперь вперед, вперед идти мне надо
И прорицанье их осуществить.
Нас не судьба возносит над толпою,
Она лишь случай в руки нам дает—
И сильный муж не ожидает праздно,
Чтоб чудо кверху подняло его.
Судьбе помочь он должен. Случай есть—
И действовать приходит мне пора!

Топают ногой. Входит дворецкий.

Позвать сюда которого-нибудь
Из государевых врачей!

Дворецкий уходит.

Семь лет!

Семь только лет! И ведать не дано мне,
Далек тот день иль близок? Между тем
Часы бегут. Безумьем Иоанна
Все рушится—и для моей державы
Готовятся развалины одни...
«Но солнце не зашло еще!» сказали
Сейчас волхвы... Кто знает? Может быть?..
Умри сегодня этот зверь, сегодня ж
Мой слабодушный деверь власть свою
Мне передаст—я буду господином!..
Но то ли мне волхвы сулили? Нет!

Они в венце и в бармах, на престоле,
 В венце и в бармах видели меня!
 Они сказали: «Три звезды покамест
 Мое величье затмевают—три!»
 Одна из них—то Иоанн, другая—
 Царевич Федор, третья—то ж иной,
 Как не Димитрий? Тот противник сильный,
 Которого бояться должен я,
 Кому ж и быть ему, как не младенцу
 Димитрию? Он, он—преграда мне!
 «Слаб, но могуч; безвинен, но виновен;
 Сам и не сам»—оно как раз подходит
 К Димитрию! Но что могло бы значить:
 «Убит, но жив?» Как дико мне звучит
 Зловещее, загадочное слово:
 «Убит, но жив!» Кем будет он убит?
 Не может быть! А еслиб кто и вправду
 Решился руку на него поднять,
 То как ему, убитому, воскреснуть?
 Я словно в бездну темную гляжу!
 Рябит в глазах и путаются мысли...
 Довольно! прочь бесплодные догадки!
 Жив иль убит—судьба его в грядущем.
 Мне ж дорог настоящий миг!

Входит дворецкий.

д в о р е ц к и й.

К тебе пришел, боярин, царский дохтур.

г о д у н о в.

Пускай войдет!

Входит Якоби.

Роман Елезарыч,
 Я за тобой послал, чтоб ты подробно
 Поведал мне, насколько государю
 Сегодня легче? Можно ль уповать,
 Что миновала для него опасность?

Я К О Б И.

Его болезнь, боярин, многосложна:
 Не плоть одна страдает—болен дух.
 От юности привыкший, чтобы все
 Перед его державной гнулось волей,
 Последнего не мог он униженья
 Перенести. Но добрые его
 Оправили и ободрили вести.
 И будет здрав он, если нам удастся
 От раздражений охранить его.

Г О Д У Н О В.

А если бы, не дай Бог, чем-нибудь
 Он раздражился?

Я К О Б И.

Мы бы не могли
 Тогда ответить ни за что. Сосуды,
 Которые проводят кровь от сердца
 И снова к сердцу, так напряжены,
 Что может их малейшее волненье
 Вдруг разорвать.

Г О Д У Н О В.

Но чем же помешать нам,
 Чтоб как-нибудь не опалился он?

Я К О Б И.

Все случаи волненья и досады
 Во чтоб ни стало надо удалить.
 Пусть только то и видит он и слышит,
 Что развлекать его способно.

Г О Д У Н О В.

Как

Оставил ты его?

Я К О Б И.

Он после ванны
Прилег заснуть, но ключнику велел,
Чтобы меж тем в соседнюю палату
Сокровища из главной кладовой
Перенесли, дабы, по пробужденьи,
Осматривать их мог он. Близ него
Остался мой товарищ, Ричард Эльмс.

Г О Д У Н О В.

Вы трудное условие положили
Для исцеленья царского недуга—
Вы знаете царя!

Я К О Б И.

Боярин Бельский,
Чтоб от забот и дел его отвлечь,
Собрал толпу шутов и скоморохов.
Мысль недурна. Пусть в играх этот день
Пройдет и в смехе.

Г О Д У Н О В—встает.

Мы стараться будем
Исполнить наставления твои.

Я К О Б И.

Прости, боярин.

Уходит. Годунов топает ногой. Входит дворецкий.

Г О Д У Н О В.

Здесь ли Битяговский?

Д В О Р Е Ц К И Й.

Здесь, государь.

Г О Д У Н О В.

Пощли его сюда.

Дворецкий уходит и вскоре выпускает Битяговского.

Г О Д У Н О В.

Что деется в народе?

Б И Т Я Г О В С К И Й.

Слава Богу.

Г О Д У Н О В.

На Шуйского и Бельского они
Озлоблены ль как надо?

Б И Т Я Г О В С К И Й.

Так и рвутся.

Г О Д У Н О В.

И стало-быть подымутся на них,
Когда мы захотим?

Б И Т Я Г О В С К И Й.

Коли б не прежде.

Г О Д У Н О В.

Ты должен быть готов перед царем
Свидетелем предстать, что возмущенье
Нагие подготовили.

Б И Т Я Г О В С К И Й.

Могу.

Г О Д У Н О В.

И присягнутъ, что слышал ты своими
Ушами, как холопей подсылали
Они в народ.

БИТЯГОВСКИЙ.

Зачем не присягнуть!

ГОДУНОВ.

Будь у меня сегодня под рукою:
Быть-может, ты понадобишься мне;
Теперь ступай!

Битяговский уходит.

ГОДУНОВ—один.

Я больно ошибаюсь,
Иль многое решится в этот день!

Уходит.

Богатая палата во дворце.

Слуги вносят и расставляют драгоценную утварь. За ними надзирают дворецкий и ключник.

ДВОРЕЦКИЙ—к слугам.

Живей! Живей! Кончайте поскорей!
Сейчас проснуться государь иззолит!

КЛЮЧНИК—к дворецкому.

Скажи, пожалуй, для чего он рухлядь
Сбирается смотреть?

ДВОРЕЦКИЙ.

Да, говорят,
Невесте хочет за море подарки
Отправить.

КЛЮЧНИК.

Как? Он разве не раздумал
На ней жениться?

Д В О Р Е Ц К И Й.

Да, раздумал-было,
Да вот сегодня, кажется, опять
За прежнее взялся. Вишь, много легче
Сегодня стало милости его!

К Л Ю Ч Н И К.

Ну, как он знает! Жаль царицы Марьи
Феодоровны! Добрая царица!

Д В О Р Е Ц К И Й—смотрит в окно.

Народу-то! Народу-то! Кишмя
Так и кишат!

К Л Ю Ч Н И К.

Да! Уж который день
У теремов с утра они толпятся:
Все о здоровье царском узнают!

Д В О Р Е Ц К И Й.

Ну, слава Богу! Видно, обманулись
Ворожей! Кириллин день настал,
А государю легче!

К слугам.

Что? Готово?

К Л Ю Ч Н И К—смотрит в список.

Все на-лицо!

Д В О Р Е Ц К И Й—к слугам.

Ну, с Богом! Уходите!

Слуги уходят.

Вишь, как статьи подобраны под ряд!
Чего тут нет! Каменьев самоцветных,
И золота, и шелку, и парчи!
Так вся палата и горит!

К Л Ю Ч Н И К.

Тс! Кто-то

Идет сюда!

Д В О Р Е Ц К И Й.

Ах, Господи, не царь ли?

Входит Бельский.

К Л Ю Ч Н И К.

Нет, это Бельский!

Б Е Л Ь С К И Й.

Все ль у вас готово?

Д В О Р Е Ц К И Й.

Все, государь.

Б Е Л Ь С К И Й.

Сейчас изволит царь
 Пожаловать. Смотрите же, чтоб он
 Остался всем доволен; чтоб ему
 От нас досады в чем не приключилось!
 Врачи сказали: Боже сохрани
 Его прогневать чем-нибудь сегодня!

Слышен хохот.

Кто там хохочет?

Входит шут. За ним толпа скоморохов,
 в странных нарядах, с гудками, волынками,
 сковородками и разной звонкой посудой.

Ш У Т—к Бельскому.

Дядюшка Богдан!

Я хоровод тебе привел! Послушай!

С К О М О Р О Х И—с пляской.

Ой, жги, жги, жги!
 Настежь, баба, ворота:
 Тащи козла за рога!

Ой, жги, жги, жги!
Пошла, баба, в три ноги!

Ш У Т.

Ну что, как нравится тебе?

Б Е Л Ь С К И Й—осматривает скоморохов.

Изрядно!

Смотрите ж, хари! Пяток не жалеть!
Перед царем вертеться кубарями!
Теперь пока ступайте в ту налату,
Там спрячьтесь. Когда я крикну: «Люди!»—
Вбегайте все, да эту песню гряньте
Повеселей!

Скоморохи проходят через сцену в боковую дверь.

Б Е Л Ь С К И Й—к шуту.

Ты около царя

Все время будь—гляди ему в глаза,
И только лишь он брови понахмурит—
Ты шутку выкинь посмешней!

Ш У Т.

Да, выкинь!

Не хочешь ли сам выкинуть? А он
Тебя в окошко выкинет!

Дверь отворяется.

Вот он!

Поди, шути!

Иоанна вносят на креслах. Он в халате; лицо его изнурено болезнью, но выражает торжество. Кресла опускают среди палаты и перед ними ставят небольшой треугольный стол. За Иоанном входят: Годунов, Мстиславский, Шуйский и другие бояре, кроме Захарьина.

И О А Н Н.—сидя в креслах, к Годунову.

Нельзя еще сегодня
 Нам видеть королевина посла.
 Пусть завтра к нам он, без меча и корда,
 Откланяться придет. В опочивальне
 Мы примем запросто его. Теперь же
 Посмотрим, что назначить нам в подарок
 Сестре Елизавете да ее
 Племяннице, невесте нашей!

Б Е Л Ь С К И Й.

Вот

Из Персии, великий государь,
 Уздочки разное. Быть-может,
 Оно пригодно королеве?

И О А Н Н.

Нет,

Тряпьем ее не удивишь. Обычай
 Ее не бабий. Писемский нам пишет
 Из Лондона, что любит-де она
 В лесах гонять оленей; любит также
 Потеху птичью и звериный бой.
 Мы припасем подарок ей по вкусу.
 Подайте мне ту сбрую с бирюзой,
 С жемчужными наузами, да к ней
 Вон тот чепрак, что яхонтами сажен!

Иоанну подают требуемые предметы. Он осматривает их и велит знаком отложить в сторону.

Еще пошлем ей двух живых медведей
 На золотых цепях, да кречетов
 Сибирских шесть. Пусть тешится сестрица.
 Да поминает нас! Княжне ж Хастинской—
 Другое дело! ей найдем наряд.

Подать сюда все кольца и монисты!

Иоанну подают разные драгоценности. Он берет их в руки и осматривает одну за другою.

Вот это ожерелье из алмазов
 И яхонтов лазоревых с червцами
 Пошлем княжне. Лазорев темный яхонт,
 Когда взглядеться в глубину его,
 Покоит душу, скорби разбивает,
 Червец же верность женскую блюдет,
 Затем, что цвет его—сердечной крови.
 Из перстней же вот этот ей пошлем,
 Он всех ценней: зовется камень лал;
 Привозится к нам из земли Индийской,
 А достается не легко, затем,
 Что страховидные там звери, грифы,
 Его стрегут. От укушенья змей
 Он исцеляет. Пусть его невеста
 На пальчик свой наденет, нам в любовь!
 А что до тканей—в них я не знаток,
 О них спросить царицу Марью. Бабы
 На том собаку съели. Что царице
 Полюбится, то и послать княжне!

Ш У Т.

Царь-батюшка!

И О А Н Н.

Что?

Ш У Т.

Ты когда жениться

Сбираешься?

И О А Н Н.

Тебе на что?

Ш У Т.

Да так;

Указывая на Михайла Нагого.

Хочу вот Мишке службу сослужить:
Нагих-то время при дворе прошло,
Так я хочу вот этого пристроить!

Снимает свой колпак и ходит с ним от
одного к другому, будто прося милостыни.

И О А Н Н .

Что делаешь ты, шут?

Ш у т .

По нитке с миру
Сбираю, царь, Нагому на рубаху!

И О А Н Н .

Ха-ха! Вот это шут так шут! Не бойся,
Нагим не станет по прозванью.

К Нагим.

Вы!

Коль будете по правде мне служить,
Я не оставлю вас!

Окидывает глазами сокровища.

Есть, слава Богу,
Казны довольно у меня; могу
Пожаловать кого хочу, надолго
Еще мне станет!

Слышны крики на площади.

Что за крики там?

Г О Д У Н О В .

Народ шумит, великий государь,
И веселится о твоём здоровье!

И О А Н Н .

Пусть веселятся! Выкатить на площадь
Им сотню бочек меду и вина!

А завтра утром новая потеха
 Им будет: всех волхвов и звездочетов,
 Которые мне ложно предсказали
 Сегодня смерть, изжарить на костре.
 Борис, ступай и казнь им объяви,
 Да приходи поведать мне, какие
 Они состроят рожи!

Годунов уходит.

Вишь, хотели
 Со мной шутить! Кириллиным, вишь, днем
 Хотели запугать! Никто не может
 Кончины день узнать вперед! Никто!
 Вы! Слышите ли?

ш у й с к и й.

Слышим, государь.

и о а н н.

Что ж вы молчите? Разве может кто
 Сказать вперед: я проживу вот столько?
 Иль так-то жизнь окончу я мою?

м с т и с л а в с к и й.

Нет, государь!

и о а н н.

Ну, то-то ж! Что же вы
 Молчите, а?

ш у й с к и й.

Великий государь,
 И день и ночь мы о твоём здоровье
 Все молим Бога!

м с т и с л а в с к и й.

Исцели тебя

Скорей Господь!

И О А Н Н.

Да разве я еще
 Не исцелен? Что вы сказать хотите?
 Я разве болен? Солнце уж заходит,
 А я теперь бодрей, чем утром был,
 И проживу довольно лет, чтоб царство
 Устроить вновь! В мой смертный час, когда
 Митрополит у моего одра
 Молиться будет со святым синклитом,
 Я им скажу: не плачьте, я утешен,
 Бо легкую примет сын державу
 Из рук моих! Так отойду я к Богу!

Бельский делает знак шуту, который рассматривал разные вещи на столах. Шут берет ящик с шахматами и подносит к Иоанну.

Ш У Т.

Надёжа-царь! Вишь, куколки какие!

И О А Н Н—к боярам.

Волхвов за ложь на казнь я осудил.
 Не прав мой суд, по-вашему?

Б О Я Р Е.

Прав, царь!

И О А Н Н.

А коли прав, так что же языки
 Связало вам?

Б О Я Р Е.

Великий государь!
 Помилуй нас! Не знаем, что сказать!

И О А Н Н.

Не знаете? Так, стало, я безвинных
 На казнь обрек? Так, стало, не солгали
 Ворожеи?

Б О Я Р Е.

Солгали, государь!
Они солгали! По вине им мука!
За их вину и казни мало им!

И О А Н Н.

Насилу-то! Вишь, рот раскрыть боятся!
Из них слова тащить клещами надо!

Молчание.

Что шепчетесь вы там?

Ш У Й С К И Й.

Нет, государь!

Мы не шептались!

И О А Н Н.

Вы как-будто ждете
Чего сегодня? А? чего вы ждете?

Ш У Т.

Царь-солнышко! да посмотри ж сюда
На куколки!

И О А Н Н.

Что это у него?

Б Е Л Ь С К И Й.

То шахматная, государь, игра,
Которую прислал тебе в подарок
Персидский царь.

Ш У Т—разглядывая фигуры.

Нарядные какие!

Б Е Л Ь С К И Й—берет со стола доску.

Вот и доска к ним!

И О А Н Н.

Покажи сюда!

Осматривает шахматы.

Давно в игру я эту не играл.

Садись, Богдан, посмотрим, кто сильнее!

Слуги вносят свечи. Иоанн расставляет игру. Бельский садится против него на столыце и также расставляет.

Ш У Т—к Иоанну, указывая на шахматы:

Точь-в-точь-твоя бояре! Знаешь что?

Живых-то ты всех по-боку, а этих
Всех в думу посади. Дела не хуже
У них пойдут, а есть они не просят!

И О А Н Н.

Ха-ха! Дурак не слишком глуп сегодня!

Подвигает пешку. Игра начинается. Все становятся полукругом за царскими креслами и смотрят.

Ш У Т.

Иль, вместо их, меня поставь в бояре!

Я буду в думе заседать один,

И разногласья у меня не будет!

Не то пошли меня, надежда-царь,

Послом в Литву, поздравить короля!

И О А Н Н.

С чем, шут?

Ш У Т.

Да с тем, что псковские стены
Он лоб разбил!

И О А Н Н.

Тебя послать недурно;
Послал же он Гарабурду ко мне

С своей перчаткой! Чай, теперь игти
На Новгород раздумали!

Ш У Й С К И Й.

Куда им!

И О А Н Н.

На сейме ихнем королю в пособие
Отказано! Достойно, право, смеху!
Свой же люди своему владыке
Да денег не дают!

Ш У Т.

У нас не так!

Понадобилось что—хап, хап! и есть!

Б Е Л Ь С К И Й—подвигая ферязь.

Шах, государь.

И О А Н Н—заслоняется слоном.

Шах ферязи твоей!

Ш У Й С К И Й—к Бельскому, смеясь.

Что взял, боярин? Ферязь-то пропала!

И О А Н Н.

Да, кажется!

Б Е Л Ь С К И Й.

Как есть пропала ферязь!

И О А Н Н.

Сдается нам, мы не совсем еще
Играть забыли! Наш недуг у нас
Еще не вовсе отнял разуменье!
Кириллин день! Вишь выдумали что!

Проклятые! Куда пропал Борис?
Что он нейдет с ответом?

Бельский берет царского слона. Иоанн хочет
взять его фезызь царем и роняет его на пол.

Ш У Т—бросаясь подымать.

Ай, ай, ай!

Царь шлепнулся!

И О А Н Н—вспыхнув.

Шут! Ври, да меру знай!

К Бельскому.

Тебе ходить!

Игра продолжается. Годунов показывает-
ся в дверях.

Г О Д У Н О В—тихо, указывая на Иоанна
одному боярину, стоящему
позади других.

Каков он?

Б О Я Р И Н—тихо к Годунову.

Больно гневен!

Уж раза два сердиться начинал!

Годунов подходит и становится напротив Иоанна.

И О А Н Н—подняв голову.

Ты здесь? Ну, что? Ты видел чародея?

Каков их был ответ? Зачем молчишь ты?

Что-ж ты не говоришь?

Г О Д У Н О В.

Гм, государь!

И О А Н Н.

Что ты так смотришь на меня?

Отодвигается от Годунова.

Как смеешь

Ты так смотреть!

Г О Д У Н О В.

Великий государь!

Волхвы тебе велели отвечать,
Что их наука достоверна.

И О А Н Н.

Как?!

Г О Д У Н О В.

Что ошибиться им нельзя, и что—
Кириллин день еще не миновал!

И О А Н Н—встает, шатаясь.

Не миновал?—Кириллин день?—Ты смеешь—
Ты смеешь мне в глаза—злодей!—Ты—ты—
Я понял взгляд твой!—Ты меня убить—
Убить пришел!—Изменник!—Палачей!—
Феодор!—Сын!—Не верь ему!—Он вор!—
Не верь ему!—А!

Падает навзничь на пол.

Ш у й с к и й—бросается к нему и под-
держивает его голову.

Боже! Он отходит!

Б е л ь с к и й.

Позвать врачей! Скорей позвать врачей!

И О А Н Н—открыв глаза.

Духовника!

Б е л ь с к и й.

Бегите за попом!

Скорей бегите! Люди! Люди! Гей!

Вбегают скоморохи с пением, свистом и пляской.

С К О М О Р О Х И.

Ой, жги, жги, жги!
Тащи козла за рога!

Б О Я Р Е.

Что́ это? Что́? Назад! Побойтесь Бога!

Б Е Л Ь С К И Й—бросается на скоморохов.

Назад! Назад! Безбожники! Назад!
Царь умирает!

М С Т И С Л А В С К И Й.

Дохтура зовите!

Иоанн умирает. Некоторые бояре бросаются из палаты. Скоморохи разбегаются. Входят Эльмс и Якоби.

Я К О Б И.

Где государь?

Б Е Л Ь С К И Й—указывает на труп.

Вот он!

Я К О Б И—нагибается и щупает пульс
Иоанна.

Не бьется пульс!

Э Л Ь М С—берет другую руку.

Не бьется—нет!

Я К О Б И—щупает сердце.

Не бьется сердце!

Э Л Ь М С.

Умер!

Я К О Б И.

Окончил жизнь!

Г О Д У Н О Л—подходит и кладет руку
на сердце Иоанна.

Преставился!

Отворяет окно и кричит на площадь.

Москва!

Царь Иоанн Васильевич скончался.

Говор и гул на площади. Годунов выходит из палаты. Бояре обступают Иоанна и глядят на него молча. Входит Захарьин и останавливается перед трупом.

ЗАХАРЬИН.

Свершилось! Так вот ты, царь Иван,
 Пред кем тряслась так долго Русь! Бессилен,
 Беспомощен лежишь ты, недвижим
 И посреди твоих сокровищ беден!
 Чего же мы стоим и ждем, бояре?
 Во прахе ли пред нами быть тому,
 Пред кем полвека мы лежали в прахе?
 Иль страшно вам коснуться до него?
 Не бойтесь! Уж не откроет он
 Своих очей! Уж острого жезла
 Не схватит длань бессильная, и казни
 Не изрекут холодные уста!

Они поднимают Иоанна, кладут его на скамью, делают ему изголовье и покрывают его парчою. Вбегают Федор, царица и царица Ирина.

ФЕДОР—бросаясь к трупу.

Царь-батюшка!

ЦАРИЦА.

О, Господи, помилуй!

ИРИНА.

О, Господи!

Все трое голоса и рыдают. Крики на площади усиливаются. Входит стрелецкий голова.

ГОЛОВА—к Федору.

Великий государь!

Народ бунтует! Лезут на крыльцо!

Что надо им?

ФЕДОР—с испугом.

ГОЛОВА.

Кричат, что Шуйский с Бельским
Огравой государя извели!

Вбегает стрелецкий сотник.

СОТНИК.

Народ царь-пушкой овладел! Хотят
Разбить дворец!

БЕЛЬСКИЙ—к Федору.
Вели по ним стрелять!

ФЕДОР.

Где шурин мой? Борис! Борис! Что делать?

Входит Годунов.

ГОДУНОВ—торжественно к Федору,
опускаясь на колени.

Великий царь!

ФЕДОР—бросается к нему.

А, вот ты наконец!

Крики на площади, между которыми слышны
имена Шуйского и Бельского.

ШУЙСКИЙ—к Федору.

Решайся, государь!

ФЕДОР—указывая на Годунова.

Вот тот, кто должен

Теперь решать! Ему препоручаю
Огненные власть мою!

ГОДУНОВ—поклонившись Федору,
подходит к окну.

Народ московский!

Федор Иоанныч, Божьей волей

Великий князь и царь всея Руси,
Вам повестить велел, что от недуга
Скончался царь Иван. В его же смерти
Виновных нет. Но Шуйский с Бельским долго
Теснили вас; что ведая, царь Федор
Ссылает их далеко от Москвы!

Гул на площади.

ш у й с к и й.

Борис Феодорыч! Помилуй! Что ты?

б е л ь с к и й.

За что нас в ссылку?

г о д у н о в.

Вы вольны остаться—
Хотите-ль выйти на крыльцо?

ш у й с к и й.

Помилуй!

Нас разорвут!

б е л ь с к и й.

Нас разорвут на клочья!

г о д у н о в.

Я думаю.

К стрелецкому голове.

За крепким караулом
Бояр отправить из Москвы. В Покрове
Вас известят, куда их отвезти.

Шуйского и Бельского окружают стрельцы.

З А Х А Р ь И Н—к Годунову.

Ты скор, боярин. Мы еще не знаем,
Кто поднял бунт?

ГОДУНОВ.

Нагие со Мстиславским.

Указывая на Битяговского, который входит
в приличном виде и в добром платье.

Вот кто на них свидетелем стоит!

НАГИЕ И МСТИСЛАВСКИЙ.

Как? Он?

БИТЯГОВСКИЙ—нагло.

Да, я!

ГОДУНОВ—к Мстиславскому.

Князь, ты достоин смерти,

Но царь тебя лишь в монастырь ссылает.

К Нагим.

А вас обоих, из любви к царице,
Прощает он и в Углич вам велит
Отправиться с царевичем и с нею.

К царице, указывая на Битяговского.

Вас всех блюсти вот этот наряжен!

ЦАРИЦА—к Федору.

Не верь ему! Не верь ему, Федор!
Не отсылай нас, царь!

ФЕДОР—к Годунову.

Нельзя ли, шурин,

Царице здесь остаться?

ГОДУНОВ.

Государь,

Там лучше ей.

ЗАХАРЬИН.

Боярин Годунов!

Я вижу, ты распорядиться мастер!
Всем место ты нашел—лишь одного
Меня забыл ты! Говори, куда

Идти я должен? В ссылку? В монастырь?
В тюрьму? Или на плаху?

Г О Д У Н О В.

Мой отец,

Тебя царь просит оставаться с ним.

Ц А Р И Ц А—к Захарьину.

Спаси меця! Спаси меня, боярин!
Пропали мы!

З А Х А Р Ь И Н.

Дай Господи, царица,
Чтобы не все пропало!.. Злое семя
Посеял ты, боярин Годунов!
Не доброй жатвы от него я чаю!

Обращаясь к трупy Иоанна.

О, царь Иван! Прости тебя Господь!
Прости нас всех! Вот самовластья кара!
Вот распаденья нашего исход!

Ф Е Д О Р—к царице со слезами.

Не плачь, царица-матушка! Чтò ж делать!
Так, видно, надобно!

Г О Д У Н О В—подходит к окну.

Народ московский!

Великий царь Федор Иоанныч
Прощает вас! Ступайте все молиться
За упокой души царя Ивана,
А завтра утром будет вам раздача
По всей Москве и хлеба, и вина!

К Р И К И Н А П Л О Щ А Д И.

Да здравствует царь Федор Иоанныч!
Да здравствует боярин Годунов!

Федор бросается, рыдая, на шею Годунову.
Они стоят, обнявши друг друга.

К О Н Е Ц.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ НА СЦЕНУ ТРАГЕДИИ „СМЕРТЬ ИОАННА ГРОЗНОГО“.

Готовясь поставить на сцену трагедию: «Смерть Иоанна Грозного», я считаю необходимым изложить для руководства художников, которые ее исполнят, как общую идею этой трагедии, так и все ее характеры, в том смысле, как я понимаю то и другое. Верное определение идеи уяснит каждому исполнителю степень важности занимаемого им места и те пределы яркости, через которые он не должен переступать под опасением нарушить гармонию целого.

Верное понимание отдельных характеров будет иметь следствием возможное совершенство игры, что самое облегчит зрителю понимание общей идеи. Тогда только возникнет перед публикою цельное и осмысленное создание, где не только ни один из исполнителей не понесет ущерба в своих правах, но где каждому без исключения представится случай показать себя настолько великим художником, насколько он будет способствовать к единству и гармонии целого.

ОБЩАЯ ИДЕЯ ТРАГЕДИИ.

Общая идея трагедии очень проста. Иоанн, властолюбивый от природы, испорченный лестью окружающих его царедворцев и привычкою к неограни-

ченной власти, сверх того раздражен случившимися в его детстве попытками некоторых бояр завладеть им, как орудием для своего честолюбия. С тех пор он видит врагов во всех, кто стоит выше обыкновенного уровня, все равно чем: рождением ли, заслугами ли, общим ли уважением народа. Ревнивая подозрительность и необузданная страстность Иоанна побуждают его ломать и истреблять все, что кажется ему препятствием, все, что может, по его мнению, нанести ущерб его власти, сохранение и усиление которой есть цель его жизни.

Таким образом, служа одной исключительной идее, губя все, что имеет тень оппозиции или тень превосходства, что, по его мнению, одно и то же, он под конец своей жизни остается один, без помощников, среди расстроенного государства, разбитый и уничтоженный врагом своим Баторием, и умирает, не унося с собою даже утешения, что наследник его, слабоумный Федор, сумеет достойно бороться с завещанными ему опасностями, с бедствиями, вызванными и накликаемыми на землю самим Иоанном через те самые меры, которыми он мечтал возвысить и утвердить свой престол.

Бояре, с своей стороны, думавшие только о своих личных выгодах, пренебрегавшие благом всей земли для достижения мелких честолюбивых целей, раболепные перед Иоанном, но разъединенные между собою, интригующие друг против друга,—бояре, из которых каждый надеялся, по смерти самодержца, наследовать часть его власти—видят себя, вследствие своего эгоизма и распада, в руках и под полной зависимостью гениального честолюбца, который при жизни Иоанна умел незаметно их опутать и проложить себе путь для собственного возвышения.

В этой трагедии все виноваты и все наказаны, не какую-нибудь властью, поражающею их извне,

но силою вещей,—результатом, истекающим с логической необходимостью из образа действий каждого, подобно тому, как из зерна образуется растение и приносит свой собственный плод, себе одному свойственный.

Торжествуют один Годунов и клевет его, Битяговский, но зритель предчувствует, что им также придется пожать плоды посеянного ими семени.

НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ УСПЕХА НА СЦЕНЕ.

Если кто-нибудь из художников наших театров понимает Иоанна иначе, чем я, то он не должен своего личного взгляда вносить в исполнение. Его дело быть истолкователем поэта, и для этого ему представлено широкое поприще.

Поэт же имеет только одну обязанность—быть верным самому себе и создавать характеры так, чтобы они сами себе не противоречили; ч е л о в е ч е с к а я правда—вот его закон; и с т о р и ч е с к о й правдой он не связан. Укладывается она в его драму—тем лучше; не укладывается—он обходится и без нее. До какой степени он может пользоваться этим правом, признаваемым за ним всеми эстетическими критиками, начиная от Аристотеля до Ретчера и Белинского—это дело его совести и его поэтического такта. На сценических же исполнителях лежит обязанность проникнуться духом характеров, как понимал их поэт, написавший драму, хотя бы другие поэты, или даже историки, понимали их иначе. Только полное согласие исполнителей и поэта упрочивает художественный успех представления; антагонизм их ведет неминуемо к ослаблению или запутанности впечатления, а затем и к падению пьесы.

Приступим теперь к объяснению характеров, сперва мужских, потом женских, и начнем с Иоанна.

И о а н н.

Он является в драме в последний год своей жизни, весь сгоревший в страстях, истерзанный угрызениями совести, униженный победами Батория, но не исправленный несчастьем и готовый при первом благоприятном обороте дел воспрянуть с прежнею энергиею, снова начать дело всей своей жизни, дело великой крови и великого поту, борьбу со мнимой оппозицией, которой давно не существует. После безграничного самовластия, вторая черта в Иоанне—это страстность и впечатлительность. Весьма ошибся бы сценический художник, который, передавая его выходки раскаянья, его желание оставить свет, его самоунижение, вложил бы в свою роль хотя легкий оттенок притворства. Иоанн слишком страстен и слишком проникнут божественностью своих прав, он слишком презирает людей, чтобы низойти до притворства с ними. Он всегда искренен и чистосердечен, но он не может долго оставаться под одним впечатлением. Он жесток по природе и по системе; он не для того только губит, чтобы губить; он губит с политической целью, но пользуется случаем, чтобы потешить свою жестокость. Он чрезвычайно умен и проницателен и, если бы природные его способности не были затемнены постоянною мыслью об измене, которая сделалась его хроническою болезнью, он был бы великим государем. Эта боязнь измены, это беспокойное охранение своей власти, которую никто у него не оспаривает, эта злопамятная подозрительность ко всему, что превышает обыкновенный уровень,—составляет третью, главную черту его характера.

Он так же чистосердечно религиозен, но религиозен по-своему. Он служит богу, как бояре служат ему: по страху наказания и в надежде награды. Он

хочет купить царствие небесное вкладами, синодиками, земными поклонами и постом, и как в нем нет ничего мелкого, то он щедро сыплет вкладами и поклонами и изнуряет себя постом до полусмерти, пока другое впечатление не заменит первого.

Эта искренность Иоанна во всех проявлениях его характера есть единственная сторона, которая примиряет с ним зрителя, и поэтому исполнитель должен всегда иметь ее в виду. Он должен показать, что Иоанн—не простой злодей или сумасшедший, как какой-нибудь Нерон, но что у него есть цель, что он даже хочет блага России, разумеется, по-своему, т.-е. первым благом России считает безграничное увеличение произвола для себя и для своих наследников. Он верит своему призванию и своей непогрешимости в делах правления; он проникнут мыслью, что может ошибаться и грешить, как человек, но как царь—никогда! Художник, который возьмет на себя роль Иоанна, должен возбудить в зрителе впечатление, что Иоанн глубоко несчастен; что если он предавался разврату, то разврат его не удовлетворял, а только заглушал в нем на время его душевные страдания; что если Иоанн палач России, то он вместе с тем и свой собственный палач; наконец, художник, играющий Иоанна, должен, среди самых безумных проявлений этого характера, давать просвечивать тем качествам, которые могли бы сделать из него великого человека, если бы не были подавлены страстями, раболепством его окружающих и раннею привычкою к неограниченной власти. Качества эти: глубокий государственный ум, неутомимая деятельность, необыкновенная энергия, страшная сила воли и полная искренность в убеждениях. Но все это испорчено, помрачено, подточено в корне пороками и произволом, и ничего не идет ему в прок.

В роли Иоанна есть три главных вида. Сначала

он является мучимый угрызениями совести вследствие убийства своего старшего сына. Он хочет оставить свет и уступить свой престол другому. Он согбен и подавлен, но он не окончательно сломан. Решимость его удалиться от царства есть добровольная.

В этой решимости он еще выказывает собственную волю, которой земля должна подчиниться. Он знает, что от него зависит переменить свое намерение, когда ему вздумается, и в этой уверенности есть для него нечто утешительное. Это своего рода удовлетворение произвола, своего рода наслаждение властью.

Второй вид—это пробуждение Иоанна к жизни и к жажде государственной деятельности вследствие благоприятного известия об отбитии Баториева приступа ко Пскову.

С этой минуты забыты все угрызения, он сожалеет о своем желании оставить свет, и горе боярам, которые, по его приказанию, дерзнули бы выбрать другого царя! Бранное письмо Курбского разжигает в нем еще более сознание силы и жажду власти, которую он чуть-было не выпустил из рук. Он принимает прошение бояр остаться на престоле, как должную дань, и с этого времени его высокомерие, его самоуверенность, его ничем неудержимый произвол растут с усугубленною силой до той минуты, когда он, ослепленный удачею, оскорбляет Гарабурду и узнает от него, что войска его разбиты и что шведы идут на Новгород.

Здесь наступает третий вид. Бедствия за бедствиями обрушаются на Иоанна. Баторий, шведы, татары, черемисы—все идет на него. Дурные известия приходят одно за другим, и на небе является комета, как знаменье божьего гнева. Иоанн понимает, что его звезда зашла навсегда, что ему теперь

уже не подняться. Теперь он сломан окончательно. Силы его упали, энергия его оставила, он ожидает смерти, он хочет примириться с богом. Но он не забыл, что он—царь, что на нем лежит до конца ответственность за государство; он, среди самого страха загробных возмездий, дает наставления сыну и делает распоряжения о заключении мира с Баторием.

В этом месте роли Иоанна есть для сценического художника интересная и благодарная задача.

Он должен показать, как в этом характере перепутываются чувство высоких обязанностей, сознание сделанных ошибок и раскаянье в бесполезных преступлениях с закоренелюю привычкою не знать ничего, кроме своего произвола, и не терпеть противоречия ни в чем и ни от кого. Иоанн искренно хочет спасти Россию, но он до конца проникнут мыслью, что она, дарованная ему в собственность божьею милостью, не что, как материал, из которого он может делать, что ему угодно; он убежден, что Россия есть тело, а он душа этого тела, и потому в праве оторвать от России часть, как в праве отрезать у себя палец. Его уступки Баторию кажутся ему государственною необходимостью; но, рядом с этим, он, считая себя тождественным с Россией, приносит ее в жертву для искупления своих грехов, как не усомнился бы принести в жертву свое тело для спасения души.

В этом Иоанн совершенно наивен, и художник, его представляющий, должен играть так, чтобы зритель, осуждая Иоанна, вместе с тем ощущал к нему сожаление.

Новое пробуждение Иоанна к энергии, являющееся в пятом действии вследствие улучшения его здоровья, в тот самый день, когда ему предсказана смерть—есть только искусственное. Иоанн сам не уверен, что он спасен; он только старается себя в этом уверить.

Тут опять художнику представляется случай выказать свое понимание характера в полной силе. Настал тот день, которого Иоани ожидал с трепетом, к которому готовился с той минуты, когда волхвы предсказали ему смерть. К его удивлению, к его радости, ему в этот день лучше. Мысль, что волхвы ошиблись, которая, как слабая надежда, мелькала иногда перед ним, но на которой он не смел остановиться, теперь принимает значение вероятности. Иоани, с свойственной ему страстностью, хватается за эту мысль и, в противоположность слабым характерам, боящимся с г л а з и т ь то, чего они желают, предается надежде, которую тотчас же облакает в форму полной уверенности, потому что вообще половинные или неполные ощущения ему несносны. Он объявляет, что снова принял отмененное им недавно намерение жениться на Марии Гастингс, велит себя нести в палату, где собраны его сокровища, и выбирает подарки для невесты. Он кажется спокоен и даже весел, но, вопреки его желанию считать себя выздоровевшим, предсказание волхвов беспрестанно приходит ему на ум и тревожит его. Кириллин день еще не прошел! Он это знает, он знает также, что царедворцы смотрят на него с недоумением, и он подозрительно прислушивается к их разговорам. Каждое слово, каждое движение кажется ему намеком на его близкую смерть, и он, в нетерпении, прежде окончания дня посылает Годунова объявить казнь волхвам, как бы для того, чтобы убедить самого себя в лживости их предсказания и сделать эту лживость неисправимою. «Царь приказал казнить волхвов; царь ошибиться не может; стало-быть, волхвы виноваты; стало-быть, они солгали». Так точно Иоани, в конце третьего действия, услышав, что войска его разбиты, приказывает служить победные молебны, как бы для того, чтобы этою мерою обратить в ложь

известие, привезенное гонцами. Между тем, лишь только Годунов ушел, беспокойство Иоанна увеличивается. Он хочет, чтобы царедворцы подтвердили ему, что предсказание было ложно, он требует от них поддакивания своим словам. Он насмехается над волхвами и говорит утвердительно, что никто не может сказать вперед, ни когда, ни как он умрет, но тотчас же сам себе противоречит, объявляя, что он проживет довольно лет, чтобы устроить царство, а умрет окруженный святым синклитом и напутствуемый молитвами митрополита. Это противоречие Иоанн должен высказать как будто под невольным влиянием роковой силы, которая обращает в насмешку над ним самим только-что им сказанное. Играющий его роль должен обдумать это место и выставить его так, чтобы оно поразило зрителя.

Дабы дать мыслям Иоанна другое направление, Бельский привлекает внимание его на шахматы. Хитрость удалась, и Иоанн начинает играть с Бельским. Но он играет рассеянно; он судорожно подвигает фигуру и время от времени смотрит на дверь, ожидая возвращения Годунова. Во всех его шутках проглядывает теперь принужденность, и надо полагать, что Бельский нарочно дает ему себя обыгрывать. Наконец Годунов возвращается и неприметно становится напротив Иоанна в то время, как глаза последнего опущены на шахматную доску. Но Иоанн магнетически почувствовал его присутствие и поднял голову. Глаза их встретились, и прежде, чем Годунов открыл рот, Иоанн уже понял, в чем дело. Он понял, что ответ Годунова недобрый, понял также, с каким намерением Годунов готовится к этому ответу.

Здесь представляется художнику случай выразить немую игрой все, что происходит в сердце Иоанна.

Услыша свой приговор, он, верный своему харак-

теру, предается порыву гнева, но с гневом смешан ужас смерти и ужас Годунова, которого он узнает только в эту последнюю минуту. Как истинный царь, он и теперь не забывает о государстве, но зовет своего наследника, чтобы предостеречь его от Годунова. Напрасно! Час его пробил, и он падает навзничь, сраженный нервическим ударом, не успев распорядиться об устранении того, которого слушаться он сам велел своему сыну. Федор и вся Россия будут в руках его убийцы. Лежа на полу, поддерживаемый Шуйским, Иоанн еще раз открывает глаза и зовет духовника. На место его вбегают скomorохи. Здесь предстоит художнику выразить немою игрой, как Иоанн объясняет себе появление в его смертный час этих безобразных, кривляющихся существ, и какой смысл его совесть может придать их бессмысленной песне.

Предостерегаю художника в одном. Он не должен хотеть развивать эту сцену; довольно одного намека. Ужас в лице Иоанна, отчаянное движение назад и вытаращенные глаза, которые, прежде чем закрыться навеки, вперяются в скоморохов, достаточно объяснят зрителю, за кого он их принимает.

Остается сказать несколько слов о наружной стороне этой роли. Иоанн был высок, строен, имел орлиный нос, пронизательные глаза, чувственные губы с опущенными краями, русые волосы и русую бороду. Но в последние годы его жизни стан его согнулся, и волосы и борода почти вылезли. Когда он является в драме, ему пятьдесят четыре года, но он кажется гораздо старше. Представить его на сцене плешивым и безбородым было бы не художественно. Достаточно дать ему редкие волосы и бороду, расположенную сивыми клочьями. Приемы Иоанна всегда важны и благородны. Он никогда не перестает быть царем, даже когда стоит на коленях перед боярами

и просит у них прощения. На лице его написано глубокое убеждение в своем призвании и в своих божественных правах. Речь его отзывается презрением к людям. Глаза смотрят то гордо, то подозрительно и всегда готовы вспыхнуть. Движения, обыкновенно спокойные, делаются судорожными в минуту душевных волнений. Вся его наружность должна производить впечатление, что он истерзан страстями, которых никогда не умел и не хотел обузывать.

Задача сценического художника—разыграть всю гамму самых противоположных состояний души, начиная от иронии до отчаянья, и мотивируя каждое из них искусными переходами, так, чтобы зритель сказал: иначе и быть не могло!

У нас нет удовлетворительных портретов Иоанна.

Что касается до его одежды, ее можно найти в «Собрании Русских Древностей» Солнцева. В первом действии он является сперва в шелковом домашнем кафтане, сверх которого надета простая черная ряса. Голова открыта. Потом, сверх того же кафтана, он, вместо рясы, надевает всем известное царское облачение. Во втором действии на нем может быть другой кафтан, опашень и колпак. В третьем действии, в сцене с царицей, на нем опять домашний шелковый кафтан; в сцене же с Гарабурдой опять царское облачение. В четвертом действии он входит в комнату в шубе и меховой шапке, потому что возвращается с красного крыльца, с которого он наблюдал комету. Шубу он скидает и остается в домашнем кафтане, но уже не шелковом, а бархатном. Шапка ни в каком случае не должна на нем быть высокая, в каких обыкновенно во все эпохи являются у нас на сцене бояре. Таких шапок при Иоанне не носили. Его шапка, как и все тогдашние шапки, низкая, круглая и мягкая, с меховой опушкой, какую мы видим у Герберштейна на портрете Василья

Иоанновича, отца Иоанна Грозного. В пятом действии он в халате и в колпаке, который может снять или оставить на голове, по произволу. На руках у него всегда кольца и перстни с дорогими камнями. Саног его желтые, зеленые или красные, смотря по большей или меньшей нарядности остального костюма. Посох, в роде теперешних поповских, но с историческим железным острием, у него всегда или в руке, или под рукою, исключая первой сцены, где он удалил его, как орудие смерти сына, в которой он в эту минуту раскаивается.

Г о д у н о в.

Роль не менее важная Иоанновой есть роль Годунова. Постараемся рассмотреть и объяснить ее, как она понята в трагедии. По праву драматурга я сжал в небольшое пространство несколько периодов жизни этого лица, которых историческое развитие требовало гораздо долшего времени.

По тому же праву я позволил себе здесь, равно как и в роли Иоанна, отступать от истории везде, где того требовали выгоды трагедии.

Годунов есть во многих отношениях противоположность Иоанна. Энергия и сила у них одне, ум Годунова равняется уму Иоанна. Но насколько Иоанн раб своих страстей, настолько Годунов всегда господин над самим собой, и это качество даст ему огромный перевес над Иоанном.

Честолюбие Годунова столь же неограниченно, как властолюбие Иоанна, но с ним соединено искреннее желание добра, и Годунов добивается власти с твердым намерением воспользоваться ею ко благу земли. Эта любовь к добру не есть, впрочем, идеальная, и Годунов сам себя обманывает, если он думает, что любит добро для добра. Он любит его потому, что

светлый и здоровый ум его показывает ему добро, как первое условие благоустройства земли, которое одно составляет его страсть, к которому он чувствует такое же призвание, как великий виртуоз к музыке.

Годунов страдает, глядя на заблуждения, на произвол, на жестокость Иоанна, потому что видит во всем этом государственные ошибки. Он, как гениальный анатом, присутствующий при трудной операции, негодует на хирурга, заставляющего бесполезно страдать своего пациента, и хотел бы вырвать у него инструмент, чтобы самому приступить к операции, не потому, что ему жалко пациента, а потому, что он боготворит свою науку и не терпит на несягательства. Годунов, в начале своей драмы, способен пожертвовать своими личными интересами для блага государства, но пожертвовать ими только временно, то-есть добровольно замедлить свое возвышение; совершенно же уничтожиться он не способен; тогда как Иоанн (не исторический, а мой Иоанн), если бы ему сказали, что, сойдя с престола, он может упрочить за своими наследниками положение богов на земле, был бы в состоянии принести эту жертву, которую, вероятно, не выдержал бы, но на которую бы решился с увлечением и искренностью, свойственными его характеру. В этом отношении он стоит выше Годунова. В начале трагедии Годунов еще не переступил за черту, за которую он делается безусловным честолюбцем. Участие его к России равносильно его желанию возвыситься. В первом действии он говорит в пользу Иоанна потому, что в самом деле считает удержание его на престоле условием спасения земли. Во втором он видит, что Иоанн может своим разводом с царицей восстановить против себя духовенство и повредить своей популярности. По собственному побуждению и под впечатлением своего разговора с Захарьиным он высказывает Иоанну

свои опасения. Он решается, для блага земли, удержать его от развода, несмотря на то, что он этим спасает своих врагов, Нагих, которые, как братья царицы, потеряли бы всякое значение, когда бы царь взял другую жену. Иоанн с оскорбительною насмешкой отвергает его предостережение. Тогда Годунов отказывается навсегда от всякой попытки действовать прямо и начинает тот знаменитый окольный путь, который современем приведет его к престолу. Но пока о престоле нет еще и помину. Честолюбие Годунова еще не представляет ему другой цели, как упрочить себе влияние на Иоанна и быть первым боярином в думе.

Чрез своих лазутчиков Годунов узнал все подробности существующего против него заговора. Он идет к Шуйскому, застаёт своих врагов врасплох и одним взглядом узнает Битяговского, долженствующего служить им орудием. Гости Шуйского уходят в замешательстве, он остается с хозяином и ведет с ним незначительный разговор, чтобы продлить время, пока, по его распоряжению, слуга Шуйского, давно уже им купленный, придет вызвать своего господина и оставит Годунова глаз-на-глаз с Битяговским. Чтобы показать зрителю, что этот вызов подготовлен заранее, Годунов, разговаривая с Шуйским, должен иногда оборачиваться на дверь, как будто кого-то поджидая. Вообще, как в этом месте, так и в других, сценический художник должен пополнять немою игрой то, что автор не мог высказать, не расширив условленных пределов драмы.

По уходе Шуйского, Годунов легко подчиняет себе Битяговского и с этой минуты растет до конца. В третьем действии роль его не представляет больших затруднений. Он докладывает Иоанну о своих переговорах с послами, а после приема Гарабурды вбегает в престольную палату с известием о поражении наших войск.

Четвертое действие самое трудное для художника. В нем Годунов постоянно на сцене, но почти вовсе не говорит. Он только читает Иоанну синодик, докладывает в двух словах содержание грамот из Серпухова и из Казани, а в конце акта, подхватывая шатающегося Иоанна, восклицает: «Государю дурно! Позвать врачей!» С первого взгляда казалось бы, что автор в этом действии вовсе забыл о роли Годунова, но он нигде не предоставил художнику такого широкого поля для игры, как именно здесь. Один из лучших немецких актеров, дрезденский артист Квантер (который теперь сошел со сцены), готовился играть эту роль по превосходному переводу г-жи Павловой и более всего рассчитывал для своего успеха на четвертое действие. В самом деле, Годунов, хотя без слов, играет здесь от начала до конца, и художник, взявший его роль, не будучи ни в чем стеснен автором, может воспроизводить по своему личному воззрению все рефлексy, которыми отражаются на Годунове многочисленные и разнообразные события этого действия.

Годунов, в числе прочих бояр сопровождавший Иоанна на Красное крыльцо, откуда больной царь наблюдал комету, возвращается с ним вместе в палату и поддерживает его.

Что выражает теперь лицо Годунова?

Царь еще не объявил заключения, которое он вывел из своих наблюдений, но проницательный Годунов, умеющий читать в его чертах, уже догадался, что настала минута решительная. Он весь превратился в ожидание, которое старается скрыть от Иоанна. К счастью, царь слишком занят своими мыслями, чтобы обратить на него внимание. Он объявляет присутствующим о своей близкой смерти. Федор падает на колени, женщины поднимают вопль, бояре пугаются. Как держит себя в это время Году-

нов? Это минута опасная. Всякая неловкость может раздражить Иоанна. Недаром он прикрикнул на женщин и на сына. Годунов должен найти середину между явным высказываньем скорби, которое может показаться Иоанну навязчивым, и излишнею сдержанностью, которая может навлечь на него подозрение в равнодушии. Истинный художник найдет эту середину. Годунов должен держать себя так, чтобы Иоанн заметил и мнимую его скорбь, и благоговение, мешающее ее высказать. Вместе с тем Годунов не должен играть свою комедию слишком ярко, иначе он покажется отвратительным зрителю. Следует сцена с доктором и сцена с волхвами. К обоим Годунов относится, как тайный наблюдатель. Приказание Иоанна принести синодик выводит его на время из напряженного положения. Он читает синодик с покорностью, подобающей слуге, не имеющему своей воли. Чтение прерывается дворецким Александровой слободы, привезшим известие о сожжении Иоаннова дворца грозю. Царь, в припадке угрызений и ужаса, просит на колёнях прощения у бояр. Здесь Годунов не только не суется вперед, но с дипломатическим благоразумием становится позади других, дабы царь его не заметил. Неловкая выходка Шуйского спасает Годунова от личного обращения к нему Иоанна, который это вряд ли простил бы ему, если б впоследствии выздоровел. Следуют наставления царевичу, известия о хане и о черемисах и, наконец, доклад о приходе схимника, после чего Годунов удаляется из палаты вместе с другими. Когда все, кроме женщин, возвращаются, Иоанн заставляет Годунова вместе с Захарьиным, Мстиславским и Бельским целовать крест в верности Федору. Затем он приказывает унижительное посольство к Баторию. Приказ этот пробуждает в боярах столь долго дремавшее чувство чести. Они

протестуют и непрерывно предлагают Иоанну свою кровь и свое имущество, чтобы он не уступал врагам русских городов. Годунов в это время, один между всеми,—молчит. И молчание это выказывает его характер красноречивее всяких слов. Заявления патриотизма были бы теперь оппозицией, а Годунов не может быть в оппозиции. И он прав; сопротивление ни к чему не послужит; Иоанн ссылкой на св. писание и на божественность своих прав убьет боярский патриотизм, как будто бы его и не бывало, а Годунов выждет время и найдет случай иначе парализовать царскую волю. Постыдное посольство отправится в путь, но будет остановлено и вернется с дороги. Решившись на неслыханное унижение и подавив сопротивление бояр, Иоанн шатается и готов упасть. Здесь место Годунову быть впереди всех. Он, а не кто другой, подхватывает Иоанна и зовет врачей ему на помощь. Таким образом играющий Годунова не остается празден ни на одну минуту во все продолжение четвертого действия. Он обдумает заранее, как ему войти, где ему стать, на какую сторону перейти, когда выступить вперед и когда ступаться с толпою. Он взвесит заранее каждое свое движение, каждое изменение своего лица и не забудет, что каждое из них знаменательно, потому что зритель не спускает с него глаз и делит свое участие между ним и Иоанном. Если же играющий Годунова даровит, он найдет тысячу оттенков, которых невозможно предвидеть и на которые я мог только намекнуть. Само собой разумеется, что в этом действии первая роль принадлежит Иоанну, и что Годунов не должен отвлекать от нее внимание. У Годунова есть другие акты, где он стоит на первом плане, и ему принадлежит конец трагедии. Здесь же он особенно должен быть замечен своею преднамеренною незаметностью.

Пятый акт открывается разговором Годунова с царевичем. Кириллин день настал, будущий царь уже весь в руках Годунова. Но чем выше восходит Годунов, тем выше он жаждет подняться. Ему уже не довольно сделаться правителем государства; он сожалеет, что не рожден на престоле. Это первое место в трагедии, где Годунов выказывает всю глубину своего честолюбия. Оно должно сделать на зрителя впечатление бессознательности. Годунов не часто бывает так откровенен, но здесь он у себя, дома, без свидетелей, он уверен в жене и может наконец перестать наблюдать за собою. Человеческие отношения его к жене служат, между прочим, и контрастом отношений Иоанна к царице. Они должны также примирить зрителя с постоянною скрытностью Годунова, которая иначе могла бы сделаться утомительною. Здесь он должен быть прост и естествен. По уходе жены, он впускает волхвов, и в разговоре его с ними сквозит досада, что здоровье Иоанна поправилось. Предвещание ему престола поражает его, как электрический удар. Все, что доселе смутно носилось перед ним, выступает ясно и осязательно. Слово выговорено, и цель его воплотилась. Он уже не может отвести очей от этой цели; он должен идти к ней безостановочно, что бы ему ни попалось на дороге. С этой минуты он переродился. Взгляд его стал повелителен, приемы решительны, голос потерял обычную мягкость. В монологе, который он произносит по удалении волхвов, зритель должен слышать, что хотя он еще и не думает об убиении Дмитрия, но не остановится перед преступлением, если ценою его будет престол. С лихорадочным нетерпением он заботится теперь об устранении ближайших препятствий. Но дело еще далеко не выиграно, и он должен продолжать носить личину. С притворным участием спрашивает он у доктора

о состоянии царского здоровья и об условиях его исцеления.

«А если бы, не дай бог, чем-нибудь
Он раздражился?»

В этих словах Годунова, выговоренных медленно, с расстановкой, с испытующим взглядом на доктора, должен звучать для зрителей смертный приговор Иоанну. Приказания, отдаваемые Битяговскому, которыми заключается первая половина пятого действия, подтверждают в зрителе убеждение, что Годунов теперь не остановится ни перед чем, и должны возбудить ожидание трагического исхода.

Во второй половине того же действия Годунову опять приходится играть немую, но немаловажную роль до того места, где он, исполнив царское поручение, возвращается в палату и застаёт Иоанна, играющего в шахматы. В появлении Годунова должно теперь быть нечто торжественное. Он решился на поступок, который, если не удастся, будет стоить ему головы. Он играет в банк; он пан или пропал; но он действует не очертя голову, а взвесив все возможные случайности, и, по закону вероятностей, дерзкое предприятие должно удался. Бледный, но решительный, он медленным, но твердым шагом подходит к группе бояр и, узнав от одного из них, что Иоанн находится в раздраженном состоянии, то-есть именно в том, которое ему нужно, он не спеша обходит шахматный стол и становится напротив Иоанна. Он неподвижно встречает и выдерживает царский взгляд. Он своим взглядом заставляет Иоанна затрепетать и отшатнуться. Он нарочно медлит ответом, чтобы продлить в Иоанне первическое ожидание и потом сразить его наверняка резко и отчетливо выговоренным ответом. Он, от самого своего прихода до произнесения этого рокового ответа, как будто

натягивает лук и выискивает место в своей жертве, куда бы удобнее пустить стрелу. Вся эта сцена должна быть художественно развита до малейших подробностей. Чем долее она продлится, тем лучше. Здесь нечего опасаться утомить зрителя; если Годунов сыграет свою роль хорошо и найдет в других артистах добросовестное и понятливое содействие, зритель не останется равнодушен.

Но вот ответ произнесен, Иоанн упал на землю, врачи подтвердили его смерть, Годунов удостоверился, что царское сердце более не бьется, и, открыв окно, возвещает народу, что не стало царя Ивана Васильича.

Глухая буря подымается на площади, а Годунов уходит, чтобы окончить начатое и приготовить последнюю сцену, где он явится полным господином царства и поставит ногу на первую ступень, ведущую к престолу. С благоговейною торжественностью возвращается он в палату и опускается на колени пред растерявшимся Федором. Федор передает ему правление, и Годунов, не колеблясь, вступает в свои права, как будто они ему не новы, и он уже повелевал всю свою жизнь. Не дав никому опомниться, он с неожиданною решительностью избавляется от своих главных врагов. Федор, рыдая, бросается ему на шею, и народ смешивает их имена в своем ответственном восклицании. Этим кончается роль Годунова, а с нею и трагедия. Ему принадлежит последнее слово, и зритель понимает, что он не остановится на этой ступени, но сумеет осуществить сделанное ему предсказание.

Роль Годунова несравненно труднее роли Иоанна. В ней нет той яркости, благодаря которой Иоанн виден из каждого своего слова, почти без комментариев. Здесь автор предоставил все личному воззрению художника.

Наружность исторического Годунова была самая привлекательная. Он был так же, как Иоанн, высок и строен. Лицо его было смугло; черные глаза, осененные темными бровями, глядели ласково. Короткая темная борода окаймляла правильный очерк лица, и на изящно выгнутых губах играла приветливая улыбка. Годунов подчинял себе людей столько же превосходством своего ума, сколько своей обходительностью.

Литографированную копию с современного портрета можно видеть в сочинении Висковатого: «Вооружение русских войск».

В трагедии приемы Годунова благородны и сдержанны. Голос его никогда не возвышается, исключая в разговоре с волхвами и в следующем за ним монологе, но и то умеренно.

Держит он себя сообразно тому, с кем имеет дело. К равным он относится скромно, к Иоанну с благоговением, к Захарьину с почтительною доверчивостью, к царевичу Федору, до его вступления на престол, с родственною дружбой, не забывающей расстояния, которое их разделяет. С Битяговским он говорит повелительно и смотрит на него, как на червяка, которого может раздавить во всякую минуту. Сверхтого, Годунов—мастер изменять свои приемы, смотря по обстоятельствам. Вызванный Захарьиным на говорение в думе, он начинает свою речь чрезвычайно скромно, но по мере успеха голос его получает уверенность, и под конец в нем слышится власть, которая дается сознанием превосходства. В споре своем с Сицким он отличается умеренностью с легким оттенком иронии, и этот оттенок становится чувствительнее, когда он несостоятельным боярам предлагает в цари, одного за другим, таких людей, которых они только-что отвергли. Но верхом дипломатического расчета есть тон его с Иоанном, когда

он, как выборный от бояр, приносит ему решение думы. Несмотря на раболепный оборот в конце речи, Годунов произносит ее не как униженное моление, но как приказ от всех к одному. И расчет оказывается верен. Иоанн доволен, что его принуждают; он покоряется думе и, целуя Годунова в голову, говорит:

«Я дерзкую охотно слышу речь,
Текущую от искреннего сердца!»

В разговоре Годунова с Захарьиным, в начале второго акта, есть смесь искренности с долей притворства. Он действительно потому идет окольным путем, что не может идти иначе, но он не столько об этом сожалеет, как показывает. Сожаление выставлено более для Захарьина, коего прямая натура не могла бы иначе примириться с характером Годунова. С Шуйским Годунов, когда приходит к нему в дом, говорит с полным самообладанием, не отступая ни на шаг от принятой на себя роли, и спокойствие его составляет контраст с суетливым радушием Шуйского. К Битяговскому, когда он остается с ним глаз-на-глаз, Годунов обращается с неумолимым хладнокровием. Здесь особенно он должен сделать на зрителя впечатление неумолимости. В самом деле, Иоанна легче умолить, чем Годунова. Иоанн может иногда, по капризу, помиловать, кого он осудит; но кого в своем сердце осудит Годунов, того он никогда не помилует. Приговоры его внушены ему не гневом, не мстительностью, но холодным убеждением в их необходимости. Иоанн губит своих врагов со злобою; Годунов, без всякой злобы, устраняет их, как препятствия. Он вовсе не жесток от природы, но когда он думает, что жестокость нужна для устрашения его врагов, она его не пугает. Он это доказал впоследствии, когда, чтобы заставить молчать угли-

чан, обвинявших его в убиении Дмитрия, он разом велел казнить двести человек и всех жителей Углича переселил в отдаленные области.

О других изменениях наружности Годунова в остальных частях трагедии уже сказано выше.

Одежда его обыкновенная боярская. При великолепной постановке он может переменить ее несколько раз в продолжение пьесы.

Ш у й с к и й.

После Годунова первые два места в трагедии занимают Захарьин и Шуйский. Начнем с последнего, которого характер примыкается естественно к характеру Годунова. Шуйский есть, в некотором смысле, слабый и искаженный с него снимок. Он неудачная попытка природы произвести Годунова. Когда Годунов прибегает к хитрости, он делает это потому, что не имеет лучшего способа для достижения своих целей. Если б он мог достичь их прямо, он отверг бы хитрость, как замедляющее средство. Шуйский, напротив, любит хитрость для хитрости. Он в ней катается, как сыр в масле. Ему доставляет удовольствие сначала притвориться, а потом поразить всех неожиданным эффектом. Он по своей природе заговорщик, тогда как Годунов уже потому не может быть заговорщиком, что он ни с кем не делится своими планами, а всех употребляет как свои орудия, и друзей, и врагов. Годунов знает всю подноготную Иоанна; Шуйский знает только его главные черты. Оттого он и суется так неудачно с своею фразой, когда Иоанн просит у него на коленях прощения. Цель Годунова, еще до мысли о престоле, это—подчинить себе всю Россию; цель Шуйского—составить себе партию. Годунова взвела на престол Россия, Шуйского взвела партия; оттого он и не

удержался. Но рядом с этою посредственностью у Шуйского есть и хорошие качества. Он неустрашим в опасности и тверд в несчастьи. Когда он сделался царем, он соблюдал законность; когда народная дума свела его с престола, он показал достоинство; когда его насильно постригали, он отказался произносить монашеский обет; когда Жолкевский привез его, пленником, в Варшаву, он не хотел кланяться королю и, лишенный престола, явил истинно-царское величие. Но все эти черты лежат вне трагедии, и я только для того указываю на них, чтобы исполняющий роль Шуйского получил ясное о нем понятие.

Наружность Шуйского не имела благородства наружности Иоанна и Годунова. Его описывают толстым, небольшого роста, с маленькими глазами. Портрет его, находящийся, кажется, в московской оружейной палате, вряд ли дает о нем верное понятие.

Приемы его должны быть льстивы, особенно с Иоанном; лицо хитро и подозрительно, хотя и видна в нем решительность: он высматривает и выслушивает; он не умеет скрыть то, что он хитер. Он прислушивается и поддакивает Иоанну, но вместе с тем он не должен казаться хамом. Этот оттенок принадлежит скорее Нагим, братьям царицы, о которых речь будет после.

Захарьин.

Захарьин, известный Никита Романович, брат царицы Анастасии, первой жены Иоанна, дядя царевича Федора, родоначальник Романовых, есть по народным преданиям олицетворение добра в темную эпоху Иоанна.

Он является в старинных песнях как добрый гений, как противоположность Малюты Скуратова;

он дает добрые советы Иоанну, он удерживает его от казней. Характер этот я старался сохранить ему и в трагедии. Он в полном смысле честный и прямой человек, готовый всегда идти на плаху скорее, чем покривить душой или промолчать там, где совесть велит ему говорить. Но он живет в эпоху Иоанна, в такую эпоху, где злоупотребление власти, раболепство, отсутствие человеческого достоинства сделались нормальным состоянием общества.

На все это он насмотрелся вдоволь, и его способность негодовать притупилась. В нем есть только протест, в нем нет инициативы. Он не герой; он может быть только мучеником; он стоит ниже Сицкого, в котором негодование кипит в полной силе. Смирение Захарьина смешано с долей апатии. В том-то и проклятие времен нравственного упадка, что они парализуют лучшие силы лучших людей. Подобные примеры мы видим в истории Рима и Византии. Захарьин свыкся с окружающим его порядком, и энергия его пробуждается только в экстренных случаях, когда Иоанн уже черезчур далеко хватил. В трагедии я избежал выставить все ужасы Иоанновой эпохи и указал на них только рефлексами. Это спасает роль Захарьина, иначе зритель не мог бы помириться с его терпимостью. Захарьин, как он стоит в трагедии, должен быть противоположностью всех низких, злых и эгоистических начал, которые кишат вокруг него. Он, как брат Анастасии, первой и более всех любимой жены Иоанна, уцелел от его периодических казней. Со времени смерти сестры он пережил шесть цариц и привязался к последней, к Нагой, напоминающей ему Анастасию своей кротостью. Он любит ее, как дочь, называет ее дитятком, а она его дядюшкой, и между ними существует чистая и нежная привязанность, на которой зритель должен отдохнуть после всего гру-

бого и нечистого, представленного ему доселе. Лучшая минута Захарьина—это его монолог к Иоанну перед приемом Гарабурды. Здесь он выходит из своей обычной пассивности. Он начинает сдержанно, голос его дрожит, но мало-по-малу он одушевляется, говорит с жаром и кончает с энергией, доходящей до негодования. Второе место, где Захарьин выходит из своего спокойствия — это обращение его к Годунову после смерти Иоанна. Он уже перестал называть его «Борисом», когда Годунов велел Шуйского и Бельского схватить стрельцам. «Ты скор, боярин!»—говорит он ему с неудовольствием. Теперь же, когда Годунов отправляет царицу и Нагих в Углич, терпение его истощилось. «Боярин Годунов,— говорит старик:

«Я вижу, ты распоряжаться мастер:
 Всем место ты нашел; лишь одного
 Меня забыл ты. Говори, куда
 Итти я должен? В ссылку? В монастырь?
 В тюрьму? Или на плаху?»

Слова эти должны быть произнесены с достоинством и благородством оскорбленного нравственного чувства и обманутого доверия к Годунову.

В следующих затем словах, которые Захарьин произносит после обращения к нему царицы и которые суть его последние:

«О, царь Иван! Прости тебя Господь!
 Прости нас всех! Вот самовласть кара!
 Вот распаденья нашего исход!»—

должны звучать глубокая горесть и предвиденье будущих несчастий. В них заключается смысл и синтез всей трагедии; и потому весьма важно, чтобы художник произнес их верно, и чтобы они сделали должное впечатление на зрителя. Играющего роль Захарьина считаю нужным предостеречь в одной

опасности. Он не должен забывать, что Захарьин не есть отвлеченная личность, на которой лежит обязанность читать мораль другим, но живой человек со всеми свойствами человека, иначе он рискует сделаться похожим на Правдина, Здравомысла и других благонамеренных резонеров наших комедий прошлого века.

Не знаю, существует ли где портрет Захарьина, но наружность его не может быть достаточно почтенна. Высокий рост, седые волосы и седая борода очень пристанут его характеру.

Бельский.

Союзник Шуйского во вражде его к Годунову есть Богдан Яковлевич Бельский, думный боярин и оружничий государев. Роль его в драме очень коротка, но, как историческое лицо, он заслуживает некоторых указаний. После смерти Малюты Скуратова, он наследовал при Иоанне место доверенного человека по всем тайным и кровавым поручениям. Он был решителен и заносчив, любил роскошь и сыпал деньгами. Из этого видно, что выражение его должно быть сурово, а приемы надменны. Собственно о его наружности мы не знаем ничего, кроме того, что у него была длинная и окладистая борода, которую Годунов впоследствии велел у него выщипать.

В сцене шахматной игры мне некоторые заметили, что Бельский должен не сидеть, но стоять перед Иоанном. Я с ними не согласен. Иоанн не подчинялся церемониалу до такой степени, чтобы пожертвовать ему своим комфортом. Если бы Бельский, играя, стоял, то Иоанну пришлось бы смотреть ему в живот или, говоря с ним, поднимать голову. Он не для Бельского, а для собственного удобства велит ему сесть, как велел бы ему лечь, если б нашел

это сподручнее. К тому же, если б даже сиденье Бельского и не было согласно с обычаем, то здесь необходимо отступление от исторической правды для сценических требований. Годунов, вернувшийся с ответом, должен один, отдельно от всех, стоять перед Иоанном и господствовать над ним всею осанкой. Другой, стоящий рядом с Годуновым, испортил бы картину и ослабил бы впечатление.

Мстиславский.

Второй союзник Шуйского, Мстиславский, старший боярин в думе, не замечателен ничем ни в истории, ни в драме. Положением своим он обязан не личным достоинствам, но знатности, которою он очень гордится.

Братья Нагие.

Нагие, братья царицы, оба грубые люди, дурного воспитания, попавшие в честь, которой они и во сне не ожидали, и которая вскружила им голову. Михайло Нагой, сверх того, еще и пьяница. В сцене своей с Салтыковым он должен быть немного подгулявши.

У Григория Нагого есть довольно интересное место: чтение письма Курбского. Он должен читать так, чтобы в его голосе слышался страх, но чтобы чрез то не была ослаблена язвительность письма и ни одна из дерзостей Курбского не прошла бы незамеченною.

Сицкий.

Сицкий—благородная, горячая натура, один из тех людей, которые являлись, как исключение, в царствованье Иоанна и весьма скоро сходили со сцены, не поддержанные общим мнением. Замечание Годунова: «меня князь Сицкий старше» относится

не к летам его, но к породе. Он должен быть молод, потому что при Иоанне такие люди до старости не достигали. Речь его дышит пылкостью и благородством. Эта роль невелика, но очень эффектна. Ее не надобно давать статисту, она стоит тщательного исполнения.

Б и т я г о в с к и й .

Битяговский и Кикин—два мошенника, один на другого не похожие. Битяговский—мошенник грандиозный. Он кинулся во все пороки, очертя голову, и отказался от совести безо всякого сожаления и усилия. У него нет ничего святого.

Отличительные черты его—смелость и наглость. Проигравшись в карты, он продается Замоискому, потом продается Шуйскому, а наконец продается Годунову и служит ему верно потому, что находит в том свою выгоду. Он сорви-голова; любит разгул и удалство; но в присутствии людей высшего круга ему не совсем ловко, не потому, чтобы он чувствовал к ним почтение, а потому, что привычки у них другие. Когда Шуйский и его гости толкуют с ним о способе погубить Годунова, он отказывается сесть, отвечает сурово и односложно. Зато на базаре, среди простого народа, он в своем элементе. Он затягивает песню, говорит речисто, смеется и исполняет свое поручение с молодецкою развязностью.

К и к и н .

Кикин, напротив того, обыкновенный плут; между ним и Битяговским такое же расстояние, как между Шуйским и Годуновым.

Чтобы взбунтовать народ, он прибегает к переодеванию, он изменяет свою речь и прием; он забирает издалека, чтобы наклеветать на Годунова.

Битяговский же является на площадь, как он есть, и отхватывает свою клевету на Шуйского и Бельского безо всяких приготовлений. Наружность их также противоположна. Битяговский человек сильного телосложения, вид его разбойничий; волосы и борода нечесанные; цвет лица бледный, глаза воспаленные, взгляд дерзкий; голос хриплый от водки.

Кикин человек низенький, пухленький, с заплывшими глазками, с круглым красным носом, с лысиной на лбу; приемы его добродушны, голос масляный. Он хотя тоже гуляка, но совсем другого рода. Когда Битяговский целые ночи просиживал в кабаке, а утром вставал из-за стола, как встрепанный, Кикин после первого штофа спускался под стол. Когда Битяговский смело передергивал карты, не заботясь о том, заметят ли это или нет, Кикин осторожно пускал в ход сверленные кости. Когда Битяговский хватался за нож, Кикин хватался за шапку. Роль Битяговского важнее роли Кикина, но обе требуют понятливых исполнителей, ибо они освещают целую сторону драмы: отражение на народе придворных интриг.

Г а р а б у р д а.

Михайло Богданович Гарабурда, секретарь великого княжества Литовского и посол короля Батория, является только один раз в драме, в одной из самых коротких сцен, но на нем основан перелом Иоанновой судьбы, и он представляет ту ось, на которой совершается оборот всего хода событий, когда драматическое движение из восходящего превращается в нисходящее. Он есть вершина драматической пирамиды, и потому коротенькая роль его одна из самых важных. К тому ж он поставлен к Иоанну в исключительное положение явного антагониста, положение, в котором изо всех прочих дано стоять

одному Годунову, да и этому только в конце трагедии. Если Годунов убивает Иоанна физически, Гарабурда является в самой середине трагедии, чтобы убить его морально и приготовить его физическую смерть. На эту роль нельзя достаточно обратить внимания, ни приложить к ней слишком много старания. Художник, берущий ее на себя, никак не должен увлекаться оттенком комизма, который слышится в словах Гарабурды. Развивать этот комизм, напр. заставлять Гарабурду говорить ломаным русским языком или придавать ему ужимки из оперы: «Москаль-чаривник»—было бы грубой ошибкой. Малороссийское происхождение Гарабурды достаточно обозначено оборотами его речи. Играющий его может прибавить к этому более мягкий выговор, напр., ве-ди-ер произносить как ве-ди, а не как ферт, и более ничего.

Национальность Гарабурды заключается в его характере.

Приехав в Москву во время продолжительной и неудачной осады Пскова, когда счастье Батория грозило ему изменить, он, вероятно, был уполномочен на уступки. Но в самый день, назначенный для его приема, к нему прискакал литовский гонец и привез известие о победе короля над русскими войсками, а вместе с тем и новые инструкции. Иоанн об этом еще не знает, но уже отзывался презрительно о Батории. Гарабурда не говорит никому ни слова и решается проучить Иоанна. Он вступает в престольную палату с скромным достоинством, и лицо его не выражает ни малейшего торжества. Он терпеливо сносит насмешки Иоанна, но когда царь задевает его короля, он сам принимает иронический тон и, не выходя из своего хладнокровия, осаживает Иоанна. Если это место будет сыграно хорошо, оно должно произвести большой эффект. Это первое униже-

ние, претерпенное Иоанном на сцене. Надобно вообразить себе неограниченного владыку, перед кем все трепещет, окруженного всем блеском своего величия, которому, в присутствии его рабов, иностранный посол, русский по происхождению, дает урок. Но Иоанн скрывает свою досаду под презрительную насмешку и велит послу продолжать. Тогда Гарабурда, тем же хладнокровным тоном, высказывает ему неожиданные и неумеренные требования Батория. Ропот раздается в собрании, буря собирается в сердце Иоанна, и чем более он ее сдерживает, тем сильнее она должна разразиться. Это минута всеобщего ожидания. Гарабурда, не изменяя своего голоса, предлагает Иоанну поединок от имени Батория и бросает перед ним перчатку (западный рыцарский обычай, о котором вряд ли московский царь имеет и понятие).

«Из вас обоих кто сошел с ума?

Ты, иль король? К чему перчатка эта?»—

начинает Иоанн сдержанным голосом, которого поддельное хладнокровие составляет контраст с действительным хладнокровием Гарабурды. Но вскоре царь не в силах себя сдерживать. Он уже не владеет собою. Очи его вспыхнули, он весь задрожал, ругательства загремели из уст его, и, выхватив у рынды топор, он бросает его в посла.

«Поторопился ж ты, пан царь!»—

говорит Гарабурда с невозмутимым спокойствием и объявляет Иоанну, что он разбит, и что шведы взяли Нарову и идут на Новгород. Вот где перелом в судьбе Иоанна, вот откуда он начинает падать, и вот где оборотная точка трагедии, дающая такую важность этой сцене.

Гарабурда остается хладнокровным до конца. От-

личительная черта его—невозмутимость. На лице написаны ум, твердость и скрытность.

Он, как малороссиянин, хотя и прикидывается добродушно-простоватым, но этот оттенок никогда не доходит до карикатурности.

Исторический Гарабурда приезжал несколько раз в Россию и пользовался у нас большим уважением. Он был православной веры и хорошо знал русский язык. Наружность его нам известна. Одежда должна быть малороссийская, в роде той, какую мы видим на портретах гетманов; волосы острижены в кружок, борода бритая, усы длинные; лет ему под пятьдесят.

Царевич Федор.

Царевич Федор Иоаннович играет весьма незначительную роль в трагедии, но как он историческое лицо, и как личность Иоанна отражается на нем рефлексам, то необходимо сказать несколько слов и о нем.

Это доброе, ограниченное и забитое существо. Он более, чем другие, боится Иоанна. Он застенчив и набожен; ему хотелось бы сходить пешком к Троице, но он боится попроситься у батюшки. Он пугается мысли взойти на престол; он знает о политических событиях только через Бориса; второе слово его: Борис. В нем он видит наставника и будущего своего спасителя. Он плачет, когда Годунов отсылает в Углич его мачеху и брата, но он не смеет противиться Борису. Все внимание артиста должно быть обращено на то, чтобы не сделать его смешным. Он должен возбуждать жалость, а не смех, и на всех его приемах должно быть видно влияние Иоанна.

Здесь считаю уместным заметить вообще, что всем лицам трагедии предстоит постоянно отражать это влияние, каждому по-своему.

Например, перед всяким появлением Иоанна во всех присутствующих заметно волнение. Иной опра-вится, другой откашлянется, третий погладит бороду, и все лица напрягают свое выражение; никто не остается самим собою, разве только один Захарьин.

Федор же, когда услышит батюшкины шаги, сперва засуетится, а потом так и замрет.

Портреты Федора не внушают мне доверия. Но мы знаем, что он был мал, дрябл и опухловат. В бороде природа ему отказала или дала такую жи-денькую, что о ней не сто́ит и говорить. Одежда его должна быть самая богатая; не потому, чтобы он любил наряжаться, но потому, что Иоанн не позво-лил бы ему ходить как-нибудь. Он хочет, чтобы все к нему близкое, все е м у п р и н а д л е ж а щ е е, носило печать его собственности и его величия. Фе-дор, одетый в парчу и в бархат, должен казаться как не в своем платье. Ему бы скорее хотелось надеть подрясник, но батюшка не велит. Все движения его нерешительны, и главный характер его наружности—запуганность.

С х и м н и к .

Схимник—роль очень эффектная, но довольно легкая. Тут нужно более отрицательных, чем поло-жительных качеств. Исполнитель должен только по-мнить, что он уже тридцать лет отказался от света, не видел людей, не знает ничего и весь ушел в себя. Глаза его потухли, стан согнулся, голос ослаб от непривычки говорить, лицо выражает равнодушие и кротость. Когда он входит, в нем незаметно никакого любопытства узнать, зачем он понадобился Иоанну. Только при воспоминании о Казани он относительно оживляется. Он сам брал Казань, он знает всех зна-менитых воевод того времени, и картина минувшей славы мало-по-малу воскресает в его воображении

и облачается в яркие краски. На минуту, но только на одну минуту, он забывает, что он схимник, и воображает себя снова воином, когда он говорит:

«Встань, государь, и за святое дело
Сам поведи на брань свои полки!»

Ни малейшего волнения не производит в нем грозное восклицание Иоанна, когда царь слышит от него имя своего убитого сына.

«Царь, твой гнев
Не страшен мне, хотя и непонятен!
Уже давно я смерти жду, мой сын».

Эти слова схимник произносит совершенно просто и спокойно, без малейшего пафоса.

Признания Иоанна во всех казнях и убийствах потрясают эту чистую душу, и когда на вопрос царя:

«И никакого наставленья боле
Ты мне не дашь?»

он отвечает:

«Прикажи меня
Отвесь обратно в келию мою!»—

в его кротком голосе слышится ужас, внушаемый ему Иоанном. Считаю почти излишним заметить, что все вопросы схимника о казненных воеводах — совершенно наивны, и что в них нет и тени желанья попрекнуть Иоанна. Схимник действительно ничего не знает. Отличительные черты его—это кротость и простота. Если бы он мог явиться на сцену в схиме, эта живописная, мрачная одежда произвела бы прекрасный контраст с богатою одеждою Иоанна, но как, по нашим театральным правилам, схима не допускается, то пусть он будет в простой черной рясе, в роде той, в которую одет Иоанн в первом действии.

Пусть, по той же причине, он назовется на афише не схимником, а старцем.

Гонец из Пскова.

Коротенькая роль гонца из Пскова также требует скорее предостережения, чем указаний. Важнее всего, чтобы исполнитель избегал напыщенности, а говорил бы просто, иначе он будет напоминать Рашиновского Ферамена. Гонец человек военный; он прибыл из осажденного города, где мало занимаются церемониалом. Поэтому, при всем его благоговении к Иоанну, в нем нет того оттенка раболепства, который более или менее заметен в других лицах трагедии. В нем видны радость успеха и чистосердечная благодарность к богу. Одежда его бранная; на голове шлем или мисюрка. Он прямо с коня явился к Иоанну, и потому доспехи его не могут блестеть, как только-что вычищенные наждаком, а должны быть запылены и заржавлены. На такого рода мелочи слишком мало обращается внимания, а между тем они много способствуют к впечатлению правды или, лучше сказать, их несоблюдение сильно разрушает это чувство.

Ш у т.

Про шута, являющегося во второй половине последнего действия, не могу сказать ничего, кроме, что он есть арабеск, долженствующий усилить наружную пестроту обстановки. Все, что в конце трагедии блестит и сверкает вокруг Иоанна, есть золотистый грунт, на котором отделяется мрачная катастрофа. Чем цветистее и ярче эта наружная сторона, тем живее чувствуется приближающееся событие. Но шут имеет еще и другое назначение: он дает повод Иоанну обнаружить некоторые черты своего характера, которые высказать доселе не было случая. Иоанн шутив; он любит фарсы. Грубое издевание над Нагим, выходка насчет бояр, насмешка над королем—находят в нем одобрение. Только перед возвращением

Годунова Иоанном овладевает беспокойство, и веселость его делается натянутой. Когда он роняет шахматного короля, а шут неосторожно восклицает: «Царь шлепнулся!»—это восклицание должно произвести впечатление невольного пророчества, а вспышка Иоанна—напомнить, что жизнь его висит на волоске. Шут не должен хотеть занимать собою публику. Когда говорят другие, он должен теряться в толпе. Всякое излишнее или неуместное кривляние было бы верхом не только безвкусыя, но и непонимания своего назначения. Одежда шута полусермяжная, полупарчевая, во всяком случае очень пестрая, а на голове у него колпак с бубенчиками.

Скоморохи.

Здесь кстати сказать несколько слов о скоморохах. Они должны быть как можно более безобразны: с горбами, с большими носами, с пеньковыми бородами, некоторые, пожалуй, с золочеными рогами, иные в польских, другие в немецких одеждах того времени, в насмешку шведам и полякам, врагам Иоанновым. Им не только позволяется, но ставится в обязанность кривляться. Они появляются два раза: сначала, когда шут представляет их Бельскому, потом в минуту смерти Иоанна. Первое появление имеет целью врезать их наружность и некоторые из их слов в памяти зрителя, второе должно только напомнить о них зрителю, так, чтобы он им не удивился, а тотчас понял бы, что это ему знакомые скоморохи и что они вбежали по ошибке. В первый раз они могут проплясать пред Бельским целую маленькую пантомиму, то-есть ровно столько времени, сколько нужно, чтобы пропеть свои пять стихов; второе появление должно быть мгновенное. Бояре не дают им добежать до авансцены; и как

скоро Иоанн их увидел, они должны исчезнуть. Это чрезвычайно важно, чтобы не возбудить рукоплесканий в райке. Последнее появление должно быть одним намеком. Скоморохов не следует представлять страшными, они только уродливы; одна нечистая совесть Иоанна может насчет их ошибиться.

В о л х в ы .

Роль двух волхвов не так легка, как она кажется с первого взгляда. Если где-либо нужен такт, то, конечно, в этой роли. Малейшая фальшивая нота может сделать их смешными и испортить впечатление двух весьма важных сцен в трагедии. Первою заботою играющих должно быть отсутствие всего риторического и театрального, при некоторой торжественной речи. Эту середину найти довольно трудно. Волхвы не обманщики; они убеждены в истине своей науки. Многие опыты показали им, что предвещения их сбываются, и это объяснить не трудно. Сильно потрясенное воображение часто производит то, чего оно желает или чего боится. Таким образом, не прибегая даже к сверхъестественному (которое в известной степени допускается в трагедиях), могло бы случиться, что Иоанн, потрясенный ожиданием предстоящей ему смерти, действительно умер бы в назначенный день, даже и без содействия Годунова. Жизнь его висит на волоске, он верит в предсказание, и Годунов дает лишь толчок дереву, уже подпиленному у корня. Он совершает убийство, не предвиденное уголовными уложениями. Предсказание Годунову престола (если оно действительно случилось, как говорят летописи) также должно было немало способствовать к его успеху. Если бы Макбету шотландский трон не был предсказан, он, вероятно, на него не взшел бы.

Итак, прежде всего, волхвы люди убежденные. Вид их мрачен, как сдружившихся с недоброю силой. Иоанн спрашивает их, христиане ли они? Волхвы отвечают, что их крестили. Двусмысленность этого ответа не должна пройти незамеченною. Она должна набросить на всю сцену колорит чего-то недоброго и нечистого, внушающего ужас Иоанну, который, по своему обыкновению, отделяется от него, обрекая на казнь людей, его испугавших.

Я нарочно одного из волхвов назвал корелом, другого литвином. Это дает случай к разнообразию костюмов. Не знаю, как одевались корелы того времени, но полагаю, что в роде нынешних чухонцев. Волосы у корела должны быть черные, плоские и длинные, борода и усы бритые, на теле рысий или волчий полушубок, на ногах сапоги. Рожа у него в роде старушечьей, но с сильно развитыми скулами, со впалыми и беспокойными глазами, цвет лица нечистый. Литвин может быть рыж и с бородой. На нем что-нибудь в роде белорусской свитки, а на ногах лапти. У обоих волхвов на поясах разные медные привески и побрякушки, как у теперешних коновалов, между которыми и поныне есть знахари. У одного из них может быть заткнут за пояс короткий ореховый прут. Шапки нет ни у одного. Они их, из почтения, бросили в сени. Боже сохрани сделать волхвов в чем-либо похожими на западных астрологов. Они из простого народа, и хотя читают в «Рафлях», но не имеют никакого образования. В их речи звучит убеждение, таинственность, иногда торжественность, но отнюдь не высокопарность.

Врачи Эльмс и Якоби.

Иностранные врачи, Эльмс и Якоби, также представляют камень преткновения для исполнителей. Из них Якоби говорит в двух сценах довольно про-

должительно; Эльмсу же приходится сказать только несколько слов над умершим Иоанном. Но чем короче роль, тем требовательнее к ней зритель, беда, если она будет поручена непонятливым статистам. Они в состоянии испортить не только ее, но целые те сцены, и очень важные, где участвуют врачи.

Есть люди, наделенные от природы смешным голосом. Когда роль их длинна, публика мало-по-малу к ним привыкает; но если они являются только для того, чтобы сказать два слова, и эти два слова прощат или прокричат в нос, то результатом бывает всеобщий смех. Мне помнится один герольд в «Роберте», который приходил вызывать его на поединок от имени гренадского принца. Кажется, чему бы тут смеяться? Но голос герольда был таков, что вся зала тряслась от смеха, и эффект разрушался надолго. Этого знаменитого герольда еще кое-как спасала музыка, но что спасет врачей, когда они, нагнувшись над Иоанном, начнут, с неверными интонациями говорить:

«Не бьется пульс!

— Не бьется, нет!

— Не бьется сердце!

— Умер!

— Окончил жизнь!»

Эта минута—торжественная, и играющие должны, сверх приличного голоса, иметь еще довольно уха, чтобы попасть в надлежащую ноту. Весьма было бы желательно, чтобы хорошие артисты пожертвовали собою и взяли на себя роли волхвов и врачей.

Трудно вообразить, какое значение получает самая незначительная роль, когда она сыграна мастерски, тем более роль, так тесно связанная с жизненными частями трагедии. Если б я был великим артистом, я бы нарочно искал случая играть иногда второстепенные, даже самые последние роли, чтобы по-

казать товарищам моим, что нет такой роли, которой бы следовало пренебрегать, а публике, что нет такой роли, из которой нельзя было бы сделать чего-нибудь примечательного. Я сейчас употребил слово: пожертвовать собой. Это выражение неверно. Нигде талант сценического художника не находит случая заявить свое превосходство, как именно в ролях, повидимому, бесцветных. Чтобы испортить яркую, цветистую роль, где самый текст указывает и предписывает характер игры, нужно быть решительно посредственным актером; но малейший недостаток драматического чутья достаточен, чтобы испортить роль, где автор не указал ни на что, а все предоставил такту художника.

Врачи носят европейскую одежду XVI века, присвоенную их званию, но говорят самым чистым русским языком.

Пристава.

В роли двух приставов, являющихся в первой части четвертого действия, можно допустить маленькую карикатурность. Вся эта часть написана тоном ниже остальных; здесь нет ничего возвышенного, и зрителю можно дать случай два раза улыбнуться прежде, чем он будет введен в мрачный покой Иоаннов, где начнутся сцены видений, раскаянья и приготовления к смерти.

Итак, пусть пристава будут пузатые, румяные, заплывшие жиром, который они высосали из народа. Пусть их наружность составляет контраст с бледными, испитыми лицами голодных людей, толпящихся вокруг лабаза; на головах у них колпаки, в руках высокие палки.

Григорий Годунов.

О Григории Годунове, являющемся в конце той же сцены, говорить нечего. Это роль статиста, ода-

ренного громким голосом. Но можно заметить нечто об его лошади и о лошадях бирючей, его сопровождающих. Нет ничего более неприятного, как стук лошадиных копыт по театральным доскам. Во-первых, он мешает слушать играющих, а во-вторых,—у зрителя тотчас отымается иллюзия, что он под открытым небом, и вся искусственность театрального устройства неумолимо бросается ему в глаза. Устранить это неудобство очень легко. Стоит только подковать лошадей толстой гуттаперчей.

Дворецкий кремлевского дворца и ключник, открывающие вторую половину пятого действия, суть только средства посвятить зрителя в положение дел. Это роли совершенно понятные, и потому о них говорить нечего.

Дворецкий Александровой слободы.

Дворецкий Александровой слободы, приносящий Иоанну весть о пожаре его терема, должен находиться под страхом ответственности за этот пожар, произведенный грозой. Ему, по-настоящему, следовало бы броситься Иоанну в ноги; но в трагедии и без того уже столько коленопреклонений и земных поклонов, что они могут утомить зрителя. Поэтому достаточно, чтобы голос и колени дворецкого дрожали и он все свое извинение искал бы в повторении слов: «Гнев божий!»

Стрелецкий голова, стрелецкий сотник и лабазник, равно и все стольники и слуги, не требуют никаких замечаний, исключая, что последние не менее бояр боятся Иоанна и дрожат при его приближении.

Перебрав все главные и второстепенные мужские роли, обратимся к женским.

Их всего четыре: царица, царевна Ирина, Мария Годунова и мамка. Из них важна одна царица, во-

первых, сама по себе, а во-вторых—как повод для Иоанна выказать пароксизм своего произвола.

Царица Мария Федоровна.

Царица Мария Федоровна Нагая, после царевича Федора, более всех чувствует гнет Иоаннова характера. Мягкая и женственная натура ее совершенно им подавлена.

Здоровье ее расстроено, а нервы приведены в такое раздражение, что они чувствуют атмосферу событий еще прежде их наступления. Так для страдающего невралгией бывает ощутительно не только малейшее прикосновение, но и самая близость иных предметов.

Та невидимая оболочка нашей души, которая отделяет ее от внешнего мира и замедляет его впечатления, исчезла для царицы. Она все воспринимает непосредственно. Она чувствует, что царь хочет с ней развестись; она знает, что ее сыну грозит опасность от Годунова. Это болезненное ясновидение есть дело Иоанна. Его влияние отражается постоянно на всех лицах трагедии.

Брошенная насильственно в среду, для нее враждебную, постигая всех и опасаясь каждого, царица счастлива, что встретила Захарьина и что может ему довериться. Дружба к нему и любовь к своему ребенку—единственная светлая сторона ее жизни. Такою она должна показаться зрителю с первого своего появления. В разговоре с болтливою мамкой видна ее материнская заботливость, но она не совсем верит и мамке и потому не высказывает ей своей антипатии к Годунову, а только велит ей н и к о м у не давать говорить с ее сыном. С Захарьиным она вполне откровенна. В присутствии Иоанна она чувствует себя парализованною до той минуты, когда

он объявляет ей о разводе. Здесь материнское чувство берет верх, и она, вопреки предостережениям Захарьина, восклицает вне себя: «Так это правда?» но тотчас же подавляет свое волнение и с тоном совершенной покорности просит пощады для сына. Когда Иоанн после наблюдения кометы объявляет о близкой своей смерти, царица плачет не из одной обрядности, но и по человеческому чувству, внушающему нам прощать, в минуту их смерти, тем, кто нам сделал зло. Если все эти переходы из одного состояния души в другое будут выражены верно, роль царицы выйдет привлекательна и интересна.

Царица должна быть непременно молода и красива. Иначе Иоанн не женился бы на ней. Речь ее беспокойна, неровна, лихорадочна, но отнюдь не плаксива. Она меняет свой костюм четыре раза. В сцене с мамкой и с Захарьиным она является во вседневной домашней одежде. Потом, для принятия Иоанна, надевает большой или царский наряд. В четвертом действии, когда она смотрит на комету, на ней снова домашняя одежда, но богаче первой, и, наконец, в последней сцене пятого действия она одета в праздничное платье по случаю улучшения Иоаннова здоровья.

Прекрасные образцы женских одежд можно найти в «Русских Древностях» Солнцева.

Мария Годунова и царица Ирина.

Марии Годуновой характер сильнее царицы. Она, не будучи в постоянном соприкосновении к Иоанну и чувствуя в муже своем сильную опору, не так запугана. То же можно сказать и о царице Ирине, в которой есть доля нравственной силы ее брата, Годунова. Но прекрасный исторический характер Ирины не мог быть развит в трагедии, и ей прихо-

дится сказать только несколько слов. Тем не менее они должны быть сказаны с достоинством и скромностью, составляющими ее особенность.

Мария Годунова, когда муж ее, в пятом действии, обнаруживает при ней всю глубину своего честолюбия, должна испугаться, а весь разговор ее с мужем должен дать зрителю возможность заглянуть в душу Годунова, доколе непроницаемую. Этим установится переход к следующей сцене (Годунова с волхвами), к которой зритель должен быть подготовлен заранее, так, чтобы переворот в Годунове не показался ему сюрпризом.

Вообще никаких психологических сюрпризов не должно быть в трагедии. Я старался избегать их в тексте, но многие переходы должен был подразумевать за недостатком места. На сценических артистах и артистках лежит обязанность пополнять и объяснять эти переходы своею игрою.

Царевна Ирина и Марья Годунова также молоды и красивы. В «Русских Древностях» Солнцева они найдут себе богатый выбор костюмов.

М а м к а.

О мамке царевича Дмитрия необходимо сказать только, что она не та историческая мамка, боярыня Василиса Волохова, которая участвовала в убиении царевича. Волохова была приставлена к Дмитрию позже. Моя мамка простая, добрая и бестолковая баба, как большая часть мамок. На ней парчевая душегрейка и такая же шапочка.

Здесь кончается обзор всех наших отдельно действующих лиц; но нам остается разобрать еще два важных характера в трагедии, а именно: бояр и народ.

Бояре и народ.

Когда дед Иоанна Грозного, Иван Васильевич III, положил конец удельной системе, независимые князья, лишившиеся своих дружин и владений, стали в ряды московских царедворцев, уже испорченных и порабощенных. Областные интересы обратились в придворные, характеры измельчали, и началась пора местничества, явления уродливого, смеси западной родовой иерархии с каким-то чиновничеством и генеральством. На первых порах эта запутанность понятий и сбивчивость положений много способствовали к усилению верховной власти, которая пользовалась ими, руководствуясь правилом: «Divide et impera». Но впоследствии местничество стало большим неудобством для самой верховной власти, особенно во время внешних опасностей. Управление делами замедлялось, сражения проигрывались, потому что воеводы и военачальники спорили о первенстве в самые решительные минуты, и ни один не хотел быть под начальством другого, на том основании, что отец или дед его занимал когда-нибудь высшее место. Сама железная воля Иоанна Грозного не могла искоренить этот пагубный обычай, и царь в важных случаях должен был довольствоваться временным приказанием: быть без мест.

Таково положение общества, когда открывается трагедия.

Несостоятельность бояр должна с первого раза броситься в глаза. Созванные для избрания нового государя, они думают только о том, как бы не уронить своего личного звания. Все понятия о чести у них извратились, вся энергия сосредоточилась в заботе каждого о себе самом на счет всех прочих.

Безусловно покоряясь высшему произволу, они в свою очередь позволяют себе безусловный произ-

вол над низшими и всячески угнетают народ. Явление понятное: кто не признает за собою никаких человеческих прав, тот не признает и никаких обязанностей в отношении других, и наоборот. Интриги, доносы, клевета и обрядность—вот жизненное содержание этих растленных бояр, низошедших до рабства, но жадных ко власти и к почестям. Рядом с этим они мужественно дерутся в боях и почти равнодушно умирают на плахе. Странное противоречие, которое вряд ли достаточно объясняется их фатализмом, облеченным в религиозную форму; явление, которому трудно было бы поверить, если бы история Византии не представляла нам сходных примеров. Исключений, слава богу, было не мало, но они тем не менее оставались исключениями, и общий уровень был самый безотрадный.

Иоанн, после бурной своей юности начавший под руководством Адашева и Сильвестра заниматься делами, между прочим обратил внимание и на угнетенное состояние народа.

Он издал судебник, ограничил права воевод и областных судей и положил строгое наказание за кривосудие и лихоимство. Народ вздохнул под его правлением, и когда вскоре потом начались боярские казни, он ими не возмутился, видя в казненных своих угнетателей. Но Иоанн казнил бояр не для того, чтобы оградить народ (для этого не нужно было такого сильного средства); не для того даже, чтобы сделаться популярным. Он казнил их от страха и из мщенья; от страха измены, которой не существовало; из мщенья за их олигархические попытки во время его детства. Если бы он был тот друг народа, которым старается выставить его новая школа, он не велел бы избивать целые деревни, целые села и посады, принадлежащие опальным боярам; он не травил бы медведями нищих, приходивших просить

у него милостыни; он, чтобы сделать неприятность своим сановникам, не приказывал бы резывать их слуг.

Нет, Иоанн не знал лицепрятия к сословиям. Народ был для него таким же материалом, как и бояре, и он убивал крестьян своих опальников так точно, как убивал их скот и разорял их жатвы. Он действительно хотел равенства, но того равенства, которое является между колосьями поля, потоптанного конницей или побитого градом. Он хотел стоять над поработанной землею один, а к и д у б в ч и с т о м п о л е. Тщетно историк будет искать последовательности или системы в его действиях. Он везде наткнется на противоречия. Единственная система Иоанна было ломание и уничтожение всего, что с поводом или без повода попадало под его немилость. Единственный способ объяснить его характер, это признать, что он был раб своих страстей и жил в такую пору, когда нация не только не протестовала против произвола, но как будто сговорилась помогать ему всеми силами. Если может быть извинение Иоанну, то его следует искать в сообщничестве всей России. Что была возможность ему противостоять— это доказывает, между прочим, и самое местничество, которого он не в силах был истребить, потому что оно имело свой корень в у б е ж д е н и и в с е х.

Итак, если народ вздохнул под правлением Иоанна, то относительное благоденствие его было непродолжительно. Удалив Сильвестра и Адашева, Иоанн стал первый попирать ногами собственные свои законы. Неустройство земли под конец его царствования достигло высшей степени. Она была разорена и опричиною, и войнами, и ханскими набегами, и голодом, и алчностью воевод, которым царь в последние годы опустил поводья. Когда частные случаи неправосудия или лихоимства доходили до него, он

казнил виновных и в этом походил на известного доктора Санградо, лечившего все болезни одним и тем же средством. Не менее того эти отдельные случаи скорого правосудия получали известность в народе, который, не будучи избалован и не находясь в личном соприкосновении к Иоанну, продолжал видеть в нем защитника и славил издали его справедливость. Все доброе относилось к нему, все дурное к его воеводам, Иоанн же был огромная сила, а сила всегда нравится народу.

О стремлении к настоящему и прочному ограждению от административного произвола не было в народе и понятия. Ни народ, ни бояре не заботились об общих началах. Всякий думал лишь о настоящем дне и радовался беде своего врага или угнетателя, не помышляя о том, что и над ним всякую минуту могла разразиться такая же беда. Никто не искал от произвола другого средства, кроме произвола; он был и болезнью, и лекарством. Ни в боярах, ни в народе не было чувства законности, и в этом заключается их вина и трагическая сторона, которую я старался выразить.

Передать эту вину игрою в отдельных сценах почти невозможно. Она должна явствовать из целой трагедии; но я считал нужным указать на нее здесь, потому что она набрасывает свет на все характеры и события вообще.

Что касается до игры масс, то я замечу следующее. Вся сцена боярской думы должна идти как можно живее. Она только вступительный аккорд, которым зритель посвящается в положение России и готовится к своему знакомству с Иоанном. Все споры, восклицания, перебивки и то, что я назвал г о в о р о м, должны сыпаться как горох. В некоторых местах следует всем говорить вместе. Не беда, если зритель и проронит иное слово; где играют массы, важны не слова, а общие психические движения.

После сцены в думе, бояре являются еще массою, когда просят Иоанна остаться на престоле; потом при приеме Гарабурды; потом, когда восстают против унижительного посольства, и, наконец, в последней сцене, когда Иоанн умирает.

Во всех этих случаях им предстоит немая игра, сообразная с их положением. Они не должны стоять неподвижно, пока говорят другие, но и не должны метаться, как танцующие балет. Умеренное движение в их рядах, обращение время от времени одного к другому, выражение на лицах радости, ужаса или иного чувства, вызванного обстоятельствами, покажут их участие к драматическому действию и свяжут их с отдельными лицами трагедии. Сверх того следует заметить, что бояре, хотя и раболепные, соблюдают степенность, считавшуюся в то время главною принадлежностью высокого сана.

Когда они, в первом действии, преклоняют колена перед Иоанном, на их лицах изображается страх и недоумение. Когда царь, принимающий Гарабурду, обращается к ним с вопросом:

«Ужель забавным я кажусь?» —

некоторые смущаются, другие готовы броситься на Гарабурду. Когда царь настаивает на своем унижительном посольстве, взрыв негодования слышится в их ответе:

«Нет, государь! Нет! Этого нельзя!»

Они наконец (увы, не надолго!) почувствовали свое достоинство, и ответ их должен греметь таким единодушием, что он всякого, кроме Иоанна, заставил бы войти в себя. Но Иоанн знает, с кем имеет дело. Медленно встает он с своего кресла; медленным и сдержанным голосом начинает:

«Так-то
Присягу бережете вы свою?
Так помните писанье?»

И когда он доходит до места:

«Ниц! В прах передо мною!
Я ваш владыка!»—

бояре преклоняют головы.

Когда, наконец, в последнем действии, Иоанн падает мертвым, когда врачи объявили, что он действительно умер, на лицах бояр изображается тупая одурелость. Они, как узники, проведенные половину жизни в тюрьме и выпущенные внезапно на волю, не радуются божьему свету. Они обступают умершего царя, смотрят на него и ничего не понимают, пока Захарьин не говорит им:

«Чего же мы стоим и ждем, бояре?»

Тогда они со страхом приближаются к Иоанну, с робостью поднимают и бережно кладут его на скамью.

В следующей затем сцене, когда Годунов берет в руки правление царством и отделяется от своих врагов, лица бояр выражают изумление, страх, досаду или зависть.

Одежда их разнообразна; в ней допускаются многие цвета, но она всегда богата, ибо они являются или в думе, или в присутствии государя. В Иоанново время бояре стригли волосы коротко. Длинные волосы были признаком опалы, а прическа à la m o n g i q u e вовсе не существовала. В думе они сидят в шапках; в царских палатах стоят с обнаженной головой.

Народ является только в одной сцене, в первой половине четвертого действия. Она, равно как и боярская дума, должна быть сыграна живо везде, где говорят массы. Таких мест в ней четыре. Сперва напор голодного народа на мучной лабаз; потом восстание на Годунова, потом предложение повесить Битяговского и Кикина, и наконец восклицания в

пользу Годунова и нападение на Кикина. В этой короткой сцене психические движения масс очень разнообразны и все они должны быть выражены дружно, с некоторым обдуманым беспорядком. Когда они доходят до взрыва, все должно кричать вместе, перебивая друг друга. Криков и п i s o п o в общем движении быть не может. Следует еще заметить, что в народе две партии: умеренные и отчаянные. Первые вступаются за Годунова довольно вяло и робко, а вторые тотчас берут над ними верх, как оно обыкновенно бывает в подобных случаях.

Одежда народа та же самая, что и в наше время, но она потерта и изношена; многие в лохмотьях. Они давно голодают, продали и заложили все, что у них было получше; на многих не сапоги, а лапти, иные даже босиком. Лица их бледны, изнурены; глаза беспокойны; они в отчаянии, они готовы на все.

Теперь мы разобрали весь живой и человеческий элемент трагедии.

Посмотрим на местность, в которой он движется.

ДЕКОРАЦИИ.

В каждом из пяти актов есть две половины, и каждая половина имеет свою декорацию, итого десять декораций, а именно: 1) боярская дума, 2) опочивальня Иоаннова; 3) покой в царском тереме; 4) покой в доме Шуйского; 5) покой на царицыной половине; 6) престольная палата; 7) площадь на Замоскоречье; 8) внутренний царский покой с видом из окна на Кремль, на комету и на звездное небо; 9) покой в доме Годунова и, наконец, 10) великолепная палата, наполненная Иоанновыми сокровищами, также с окном, выходящим на Кремль.

Описывать подробно все эти декорации здесь не место, но некоторые из них находятся в тесной связи с игрою, и потому можно сказать о них несколько слов.

Опочивальня Иоанна должна носить характер ее хозяина и его настоящего настроения. Все в ней просто; она похожа на келью. Стены тесовые, печь или лежанка изразцовые, в стороне простая кровать из голых досок. Единственным украшением служит богатый кивот с образами. Но здесь представляется затруднение, которое может быть устранено двояким способом. Показывать образа на сцене у нас запрещается, но один кивот вряд ли подпадет под это запрещение. Я предлагаю или показать его наискось (в перспективе), так, чтобы образов не было видно, или задернуть его пологом, что было в обычаях наших предков.

К тому же способу можно прибегнуть и в доме Шуйского, и на царицыной половине.

Внутренний царский покой, из которого царица и другие женщины смотрят на комету, должен быть освещен слабо, дабы всей сцене придать более таинственности.

Палата, где Иоанн осматривает свои сокровища, не может быть достаточно великолепна. Пусть декоратор истощит все свое воображение, чтобы представить нам московско-византийскую залу, с низкими сводами, с вычурными столбами, с живописью на стенах, с лежащими на столах и наваленными в кучу, на полу, грудями золотых и шелковых материй, сосудов, ковшей, чаш и черпал, драгоценного оружия, конских сбруй, одним словом всего, что способствует к блеску впечатления и гармонирует с действительными предметами, принесенными на сцену.

Когда, по смерти Иоанна, Годунов отворяет окно, чтобы объявить о ней народу, комета опять видна

на небе, но уже не так близко, как в четвертом действии, и не в том направлении. Она совершила свое дело; приходила предвестить нам кончину Иоанна со всеми ее последствиями и уходит теперь в неизвестные пространства предвещать другим мирам другие бедствия.

Подробности мебелировки можно найти в брошюре Жостомарова: «Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа», а также и в сочинении Забелина: «Домашний быт русских царей», а рисунки утвари и оружия в «Русских древностях» Солнцева.

ОБЩИЙ РИСУНОК ТРАГЕДИИ.

Теперь собраны перед нами все отдельные материалы для постановки трагедии; но как всякая картина или всякая симфония, независимо от своих подробностей, украшений, эпизодов и прочих составных частей, должна иметь свой особенный, основной рисунок, который остается виден даже по их устранении, так и трагедия имеет свой твердый остов, который не всегда бывает замечен, но на который следует указать сценическим художникам, чтобы они могли сразу обозреть архитектуру трагедии и чрез это облегчить себе цельность исполнения.

В «Смерти Иоанна Грозного» мы видим две восходящих линии, из которых одна подымается как ракета; держится некоторое время на воздухе и потом быстро опускается, описывая параболу; другая подымается вслед за ней, пересекает ее в нисходящем ее пути, а сама не падает, но теряется в небе, выходя из рамы трагедии.

Первая линия принадлежит Иоанну, вторая Годунову. Судьба Иоанна с той минуты, когда он сожалеет о своем намерении сойти с престола, до той, когда он падает мертвый, составляет одно цельное

происшествие, с его развитием, апогеею и катастрофой. Судьба Годунова не кончается в трагедии; она, когда опускается занавес, находится в периоде полного развития и образует как бы пролог для новой драмы.

Пункт апогеи Иоанна—это прием Гарабурды; пункт пересечения его нисходящей линии восходящею линиею Годунова—это конец народной сцены в четвертом действии. Отсюда Годунов продолжает подыматься, а Иоанн продолжает падать. Не выпустить из виду этих двух линий очень важно для исполнителей, потому что на этих линиях должно быть основано *crescendo* общей игры.

ОБЩИЙ КОЛОРИТ ТРАГЕДИИ.

Далее: как в живописи каждая картина, так в драматическом искусстве каждое произведение имеет свой особенный колорит, которому подчиняются и с которым гармонируют все прочие цвета, как бы они ни были между собою различны.

Господствующий колорит «Смерти Иоанна Грозного» есть давление, производимое Иоанном на все окружающее. Оно заметно и тогда, когда его нет на сцене, но при каждом его появлении в воздухе чувствуется как будто перемена температуры. Становится душно и дышится тяжелее.

Иоанн в трагедии то же, что бас в симфонии. Он тот знаменатель, к которому приводятся все дроби, какого бы они ни были названия. Он также камертон, по которому строятся все инструменты. Между лицами трагедии он представляет солнце, вокруг которого вращаются все планеты, не исключая и самого Годунова. Один Гарабурда пересекает эту систему, как налетевшая на нее комета. Вот почему роль Иоанна, в содержании своем равная важностью роли Го-

дунова, несравненно ее важнее в исполнении, хотя последняя и требует более искусства. Если роль Годунова будет сыграна слабо, трагедия еще может существовать; если же будет испорчена роль Иоанна, пропала вся трагедия.

В заключение да будет мне позволено напомнить нашим артистам, что успех каждого преимущественно зависит от содействия ему всех прочих. Мнение, что плохая игра одного выставляет в выгодном свете хорошую игру другого,—весьма ошибочно. Одно из главных сценических условий—это иптюзия; а ничто так не разрушает иптюзию, как ошибочность реплики. Слушатель, присутствующий при правильном чтении драмы кем-нибудь одним, полнее переносится в ее мир, чем зритель, видящий перед собою декорации и костюмы, когда, рядом с наслаждением превосходной игрой, он получает нестерпимые моральные толчки. Знаменитая Рашель среди отличной труппы в Париже была несравненно выше, чем окруженная какими-то жиденятами, наряженными в Орестов и Эсексов, которых она навезла с собою в Россию. В каждой правильно и верно сказанной фразе соревнующего художника есть что-то электрическое, вызывающее на правильность выражения. Напротив того, неверность дикции в другом парализует самый высокий талант, и чем талант выше, чем вернее его драматическое ухо, тем труднее ему удержаться на своей высоте, когда играющие с ним фальшивят.

Он тогда находится в положении певца, если б оркестр вдруг стал повышать или понижать тон аккомпанеента. Или, чтобы употребить другое музыкальное сравнение, он будет как превосходная скрипка среди бессовестных дергачей. Нет сомнения, что и достоинство, и оценка этой скрипки сильно страдают от общей разладицы.

Итак, наши первостатейные художники поступят

и благородно и благоразумно, если будут всеми силами помогать играющим с ними достигнуть до возможной для них высоты. Дело, за которое все принимаются дружно, совершается легко и выносится на плечах, к очевидной выгоде каждого.

Еще одно последнее замечание.

Трагедия написана стихами, и к ним приложено много старанья. Надобно, чтобы все играющие выучили свои роли твердо и наизусть. Полагаться на суфлера вещь вообще сомнительная, но в прозе она сходит иногда с рук. В стихах же вовсе не все равно, которое слово будет сказано прежде и которое после. Каждая перестановка и каждое неправильное ударение может поразить слушателя как обухом по лбу.

Это, конечно, говорится не для первоклассных художников, которым оно и без того известно, но, при многочисленности действующих лиц, надобно иметь в виду всех без исключения.

АНТРАКТЫ и МУЗЫКА.

Антракты должны быть как можно короче. На хорошо организованных сценах они не превышают пяти минут. Только после третьего действия, в конце которого совершается перелом в судьбе Иоанна, антракт может быть длиннее, потому что здесь трагедия делится как бы на две половины: восходящее движение кончилось, и начинается нисходящее. Весьма было бы желательно, чтобы все антракты были наполнены музыкой русского характера, которая согласовалась бы с содержанием следующего за ней действия. Так, перед первым действием небольшая увертюра могла бы выразить спор бояр, раскаянье Иоанна и торжество его нового вступления на престол. Перед четвертым действием можно было бы включить в музыкальную пьесу, исполненную диссонансов, несколько ак-

кордов из: «Со святыми упокой!» А перед последним действием музыка могла бы изобразить радость о выздоровлении Иоанна, принять в себя песнь и пляску скоморохов и кончиться беспорядочным рушением трагического здания.

В третьем действии Иоанн входит в престольную палату при звуке труб и звоне колоколов.

Я бы заставил трубы сыграть одну фразу из народной обрядной песни: «Слава» и кончить тушем: «Многие лета!»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Теперь, кажется, сказано о постановке все, что было нужно. Я не имею притязания, что при разборе характеров я истощил предмет и указал на все его стороны и оттенки. Даровитый художник найдет, без сомнения, множество таких, о которых я и сам не подозреваю. Цель моя была только определить главные линии, дабы творчество исполнителей не шло врознь с творчеством поэта, коих согласие составляет первое и необходимое условие успеха.

